

О постановлениях монастырских преподобный Иоанн Кассиан Римлянин

Введение

Введение

В Писании говорится, что мудрейший Соломон, удостоившийся получить от Бога такую мудрость, что, по свидетельству Самого Господа, не было подобного ему между предшественниками и не могло быть даже между потомками, намереваясь построить храм Господень, просил помощи у тирского царя, и с помощью присланного им сына одной вдовы – Хирама – устроил благолепие в храме и драгоценные сосуды (3Цар 4, 7). Так и ты, блаженнейший архипастырь, намереваясь создать истинный, духовный и вечный храм Богу, в состав которого войдут не камни бесчувственные, но собор святых мужей, и, желая посвятить Богу драгоценнейшие сосуды, которые будут составлять не золото и серебро, но святые души, сияющие незлобием, правотою и целомудрием, приглашаешь меня, ничтожного, для содействия тебе в этом святом деле. Желая, чтобы общежительные монастыри в твоей области были устроены по правилам восточных, а особенно египетских монастырей, несмотря на то, что сам ты столь совершенен в добродетели и разуме и вообще столь богат духовными дарами, что желающие совершенства могут получить достаточное назидание не только от твоего учения, но и от одной жизни, – от меня, убогого словом и знанием, ты требуешь изложения тех монастырских правил, которые я видел в Египте и Палестине и о которых слышал от отцов, чтобы братья нового твоего монастыря могли узнать образ жизни, какой ведут там святые. Мне сильно хочется исполнить твое желание, впрочем, я повинуюсь тебе не без страха, во-первых, потому, что образ жизни моей совсем не таков, чтобы я мог объять умом этот возвышенный и святой предмет; во-вторых, потому, что теперь не могу точно припомнить тех правил, которые знал или соблюдал, живя в молодые годы среди отцов восточных, так как подобные предметы удерживаются в памяти путем исполнения

их; а в-третьих, потому, что я не умею хорошо объяснить их, хотя и могу вспомнить о некоторых. Кроме того, об этих правилах уже говорили мужи, отличившиеся умом, красноречием и самой жизнью своей. Василий Великий, Иероним и другие, из которых первый на вопросы братьев о разных правилах общежительных ответил на основании Св. Писания, а другой не только свое сочинение издал, но еще и изданные на греческом языке перевел на латинский. После красноречивых произведений этих мужей мое сочинение обличило бы во мне самонадеянность, если бы меня не воодушевляла надежда на твою святость и уверенность в том, что и тебе угодно мое лепетанье, и братству новоустроиваемого монастыря может быть полезно. Итак, блаженнейший архипастырь, только одушевляясь твоими молитвами, я принимаюсь за дело, тобою мне поручаемое, и стану излагать для нового монастыря те правила, о которых не рассуждали наши предки, писавшие обыкновенно только о слышанном, а не о том, что они сами делали. Здесь я не буду говорить о тех чудесах отцов, о которых я слышал или был свидетелем которых, потому что чудеса, возбуждая удивление, мало содействуют святой жизни. Сколько возможно правдивее расскажу я о правилах монастырских, о происхождении восьми главных пороков и о том, как можно, по учению отцов, искоренить эти пороки, потому что я имею целью повествование не о чудесах Божиих, а о том, как исправить наши нравы и проводить жизнь совершенную. Постараюсь исполнить твое предсказание, и если в здешних странах найду что-нибудь не соответствующее древним правилам, то исправлю это по правилам, какие существуют в древних египетских и палестинских монастырях, потому что не может быть никакого нового братство на Западе в стране Галлии лучше тех монастырей, которые основаны святыми и духовными отцами от начала апостольской проповеди. Если замечу, что какие-нибудь правила египетских монастырей будут здесь неисполнимы по суровости воздуха или по трудности и разности нравов, то заменю их, насколько возможно, правилами монастырей палестинских или месопотамских, потому что если правила

будут соразмерны силам, то их и с неравными способностями можно будет исполнять без труда.

Книга первая. Об одеянии монашеском

Глава 1

Намереваясь говорить о правилах монастырских, думаю, что приличнее всего начать с одежды монашеской, потому что, только глядя на внешнее их украшение, мы можем основательно рассуждать об их внутреннем благочестии.

Глава 2. О препоясании монаха

Монах, как всегда готовый к борьбе воин Христов, должен быть постоянно препоясан. Из св. истории известно, что препоясание имели Илия и Елисей, положившие начало монашескому званию в Ветхом Завете, а в Новом – Иоанн, Петр и Павел. Так, об Илии известно, что пояс был отличительным его признаком, потому что по поясу узнал его Охозия, нечестивый царь Израильский. Когда посланные Охозией спросить Ваала, бога Аккаронского – выздоровеет ли царь, возвратившись по повелению Илии, рассказали, что муж косматый и поясом кожаным препоясанный по чреслам своим сказал им, что царь не встанет с одра болезни, и запретил идти к идолу, то Охозия прямо сказал, что это – Илия Фесвитянин (4Цар. 1). Об Иоанне Крестителе, составляющем конец Ветхого Завета и начало Нового, евангелисты говорят, что он имел ризу из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих. И Петру, при освобождении его из темницы, в которую заключил его Ирод, хотевший предать смерти, ангел сказал препоясаться и обуться, – чего бы не сделал ангел, если бы Петр не распоясался по причине ночного успокоения (Деян. 12). Апостолу Павлу, во время пути в Иерусалим, пророк Агав через пояс предсказал, что иудеи заключат его в оковы, связав поясом руки и ноги. Он говорил: *так говорит Дух Святой: мужа, чей это пояс, так свяжут в Иерусалиме* (Деян. 21:11). Из этого видно, что апостол Павел постоянно носил на себе пояс.

Глава 3. Об одежде монаха

Одежду монах должен иметь такую, которая бы только покрывала наготу и защищала от холода, и избегать одежды, которой можно тщеславиться и гордиться, какова есть одежда цветная, щегольская и сшитая с особенным искусством. Но и не должна одежда быть неопрятной от небрежности. Она должна быть отлична от одежды мирян, однообразна с той одеждою, какую носят все рабы Божии. У рабов Божиих то почитается излишним или источником гордости, тщеславия, а потому вредным, что употребляют не все, а только один или немногие. Потому чего не было у древних святых или нет у отцов нашего времени, не нарушающих древние обычаи, то и не следует принимать, как излишнее и бесполезное. На этом основании отцы не приняли вретища (Грубая одежда из мешковины. – Прим. ред.), как слишком бросающегося в глаза, – чем оно не только не доставляет никакой пользы духу, но еще может возродить надменность и сделать монаха неспособным к его делам. Что касается того, что некоторые известные мужи носили его, то из этого не следует выводить общего монастырского закона и не следует нарушать древних представлений святых отцов. Ибо нельзя предпочитать частный поступок общему согласию. Мы должны беспрекословно повиноваться не тем правилам и уставам, которые определены немногими, а тем, которые существуют с древних времен и утверждены многими святыми отцами. Поэтому не может нам служить законом то, что царь Израильский носил вретище (4Цар.6), или то, что ниневитяне, услышав от пророка Ионы об определенной им казни, оделись во вретище (Ион.3); у царя Израильского вретище никто не увидел бы, если бы он не разодрал верхней одежды, а ниневитяне оделись во вретище тогда, когда никто не мог тщеславиться этим одеянием.

Глава 4. О кукулях египтян

Египтяне, чтобы постоянно помнить, что они должны хранить простосердечие и детскую невинность, носят и днем и ночью небольшие наглазники. Поэтому, представляя, что они дети во Христе, непрестанно поют: *Господи! Не надмевалось сердце мое и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недостижимое. Не смирял ли я и не успокаивал ли души моей, как дитяти, отнятого от груди матери? (Пс. 130:1–2).*

Глава 5. О колобиях египтян

Чтобы показать свое отчуждение от дел мирских и общения с землею, они носят льняные (colobia) туники без рукавов, едва достающие до локтей, так что у них руки совсем голы. Эта одежда приводит им на память слова апостола: *умертвите земные члены ваши. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге* (Кол. 3:5, 3); *для меня мир распят, и я для мира* (Гал. 6:14).

Глава 6. О шнурках

Монахи носят также два шнурка, сплетенные из шерстяных ниток. Накинув их на затылок и спустив под мышки, опоясывают себя, чтобы иметь больше свободы в действиях, желая пополнить заповедь апостола, который говорит, что *нуждам его и нуждам бывших при нем послужили руки его* (Деян. 20:34), и что он *напрасно ни у кого хлеба не ел, но в труде и подвиге проводил ночь и день, чтобы не отяготить кого-нибудь, и если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2Сол. 3:8, 10).

Глава 7. О епанчах

Стараясь, чтобы одеяние их было и малоценно и удобно, избегая дорогих одежд, они закрывают шею и плечи небольшой епанчой.

Глава 8. О милоти, козлиной коже

Последнее одеяние их – козлиная кожа, называемая милотью, которую они носят, подражая изобразившим их звание в Ветхом Завете, о которых апостол говорит, что они *скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления: те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли* (Евр. 11:37). Козлиная кожа внушает им, чтобы они, умертвив плотские страсти, постоянно устремлялись к добродетелям и не допускали, чтобы в теле их оставались свойственные юношеским летам горячность и непостоянство.

Глава 9. О жезле

Пример Елисея, который, посылая отрока своего Гиезия воскресить сына женщины, дал жезл свой и повелел возложить его на Лицо мертвого (4Цар.4), показывает, что мужи, принадлежавшие к этому званию, носили также жезлы. Жезл внушает им, чтобы они были осторожны среди бесчисленного множества духовных зверей, и, в случае нападения, отражали и далеко от себя отгоняли их крестным знамением и истребляли их непрерывным памятованием страданий Господних и следованием Ему в самоотвержении.

Глава 10. Об обуви

Хотя, по заповеди евангельской, они не имеют сапог, впрочем, в случае немощи тела, холода или жара, обуваются в полусапоги, тем самым показывая, что хотя мы не можем совершенно освободиться от попечения о плоти, но и не должны много заботиться о ней смертоносными мирскими попечениями, чтобы не оплакивать ног души нашей, которые всегда должны быть готовы к благовествованию мира. А этих забот не будет, если мы не будем попечения о плоти превращать в похоти (Рим. 13:14). Впрочем, приступая к молитве или принятию Св. Тайн, они скидывают полусапоги, чтобы буквально исполнить ту заповедь, которую Бог дал Моисею и Иисусу Навину: *сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая* (Исх. 3:5; Нав. 5:15).

Книга вторая. О правилах ночной молитвы и псалмопения

Глава 1

Итак, препоясавшись двойным (То есть телесным и духовным. Препоясавшись телесным поясом, монах бывает развязнее ко всем внешним делам, а духовный пояс означает обуздание похоти в чреслах) поясом, воин Христов должен знать те правила, какие издавна установлены святыми отцами на Востоке касательно молитвы и псалмопения. О качестве молитвы или о том, как мы можем, по апостолу, непрестанно молиться, сколько Бог поможет, я скажу в своем месте, когда буду излагать собеседования старцев.

Глава 2. О разном числе псалмов для пения в разных областях

Нам известно, что в разных странах установлены разные правила ночной молитвы и псалмопения, так что число этих правил почти равняется числу монастырей и келий. Некоторые ревнители благочестия думали, что каждую ночь надо пропеть двадцать или тридцать псалмов антифонным напевом (то есть, попеременно на двух клиросах), с присовокуплением к ним некоторых песнопений, иные превышали и это число; другие пели восемнадцать псалмов. Некоторым казалось, что и во время дневных собраний на богослужение надо прочитывать в третий час три псалма и три молитвы, в шестой – шесть, в девятый – девять; а другие полагали достаточным в каждое собрание днем на богослужение прочитать шесть псалмов и столько же молитв. Потому считаю необходимым сказать о том древнейшем уставе отцов, который по всему Египту рабы Божии соблюдают до сих пор, чтобы новому монастырю дать в руководство древнейшие правила древнейших отцов.

Глава 3. О соблюдении однообразного правила по всему Египту и об избрании начальников над братьями

В Египте и Фиваиде молитвы на вечерних собраниях или ночных бдениях совершаются правильно, потому что там монастыри до сих пор устраиваются согласно учению предков, а не так, как кому вздумается. В них никому не позволяется распоряжаться не только собранием, но и самим собою, пока не отречется не только от всех своих имений, но и от господства или власти над самим собою. При отречении от мира от обладающего каким-либо имением и богатством для поступления в киновию требуется, чтобы он не имел пристрастия ни к какой из тех вещей, что оставил у себя или внес в монастырь. Чтобы всем так был послушен, что, по выражению Господа (Мф. 18:3), дошел до прежнего детства, не чувствуя в себе никакой важности по причине возраста и многочисленности лет, которые, проведя в мирской суете, напрасно погубил; но как неопытный новичок в служении Христу, покорялся бы даже младшим. Требуется, чтобы приучался к труду, так чтобы своими руками, по заповеди апостола, готовя ежедневную пищу для себя и для приходящих странников, утомительным трудом мог истребить в себе память о пышности и удовольствиях прежней жизни и приобрести смирение сердца. Потому там избирают в начальники только того, кто научился сам делать то, что он будет приказывать подчиненным своим, и кто сам оказал старшим то послушание, которое будет требовать себе от младших. Правильное управление и правильное подчинение есть дело мудрого и высший дар Св. Духа, потому что спасительные правила может устанавливать только опытный в добродетели и истинно покоряться старшему может только богобоязненный и смиренный. А что в наших странах мы видим другие правила и уставы, то это происходит оттого, что у нас настоятелями делаются не знающие установлений предков и аввами – еще не вышедшие из учения, и что у нас больше требуют соблюдения наших изобретений,

нежели уже испытанного учения предков. Но, желая объяснить образ молитв, который преимущественно следует соблюдать, и увлекшись постановлениями отцов, мы прервали повествование. Теперь возвратимся к тому, о чем намеревались говорить.

Глава 4. По всему Египту и Фиваиде соблюдалось одно правило – читать двенадцать псалмов

В Египте и Фиваиде, во время как вечерних, так и ночных собраний, читается двенадцать псалмов с присовокуплением двух чтений из Ветхого и Нового Заветов. Этот древний закон там во всех монастырях многие века ненарушимо соблюдается, потому что, по сказанию старцев, он установлен не людьми, а открыт отцам ангелом.

Глава 5. О чтении двенадцати псалмов по наставлению ангела

Говорят, что в начале веры христианской, когда имени монахов удостаивались немногие испытанные, которые, приняв правила жизни от евангелиста Марка, бывшего первым епископом в Александрии, не только обладали теми свойствами, какими отличалась, по сказанию Деяний Апостольских, первенствующая церковь (Деян. 4:32–35), но еще достигали высших совершенств. Так, например, удаляясь в уединенные подгородные места, вели столь воздержанную жизнь, что вызывали изумление в иноверцах, потому что с таким усердием днем и ночью занимались чтением Св. Писания, молитвой и рукоделием, что и голод не прерывал их поста, разве что на другой или на третий день принимали пищу не лакомую, а только необходимую, и ту при закате солнца, дневное время употребляли на духовное размышление, а заботам о теле посвящали только ночь, и другие более высокие подвиги совершали. Кто не знал этого из рассказа туземцев, тот может узнать из церковной истории. Итак, в то время, когда совершенство первенствующей церкви у преемников ее неизменно сохранялось еще в свежей памяти и ревность немногих, избранных к вере, распространяемой во множестве народа, еще не охладела, – достопочтенные мужи, заботясь о благе потомков, собрались, чтобы определить, как нужно во всех братствах совершать ежедневное богослужение. Ибо они хотели своим преемникам оставить единое наследие благочестия и мира без всякого раздора, потому что опасались, чтобы разногласие в ежедневном богослужении не произвело заблуждения, раздора и раскола. На собрании этом возник спор: каждый предлагал число псалмов, которые следует прочесть в собрании, применительно к своей силе и не обращая внимания на слабейших, о которых также не следует забывать. Так, одни требовали, чтобы прочитывалось пятьдесят; другие – шестьдесят псалмов, а иные больше, и спор этот не был решен до вечернего собрания. Когда же они по обыкновению хотели

начать вечернюю молитву, то один вышел на середину петь псалмы Господу. Когда все сидели (как и до сих пор продолжается этот обычай в египетских странах) и с напряженным вниманием слушали поющего псалмы, он пропел единообразно двенадцать псалмов и на двенадцатом псалме «аллилуйя», сделался невидим, чем и положил конец спору о богослужении.

Глава 6. Об обычае прочитывать двенадцать молитв

Из этого собор уяснил, что Господь через ангела постановил общее правило для молитвенных собраний, потому и определил, чтобы как в вечерние, так и в полуночные собрания читалось по двенадцать псалмов; от себя же добавил, чтобы желающие постоянно размышлять о Св. Писании к этому присовокупляли два чтения – одно из Ветхого, а другое из Нового Завета, в субботы же и воскресные дни, а также и в Пятидесятницу, два чтения – одно из апостольских посланий или Деяний, а другое из Евангелий.

Глава 7. О чине и молитве

Совершая эти молитвы, они не сразу по окончании псалма преклоняют колена, как это делают у нас некоторые, желающие скорейшего окончания богослужения и думающие больше об успокоении тела, нежели о пользе, происходящей от молитв, но прежде коленопреклонения немного молятся, и тотчас после этого, пав на землю, поклонясь божественному милосердию, немедленно встают и, стоя прямо с воздетыми руками, опять начинают с ревностью также молиться, как молились прежде. Они почитают неприличным долго лежать на земле, потому что на лежащего долго на земле, по словам их, нападают не только помыслы, но и сон. Встают же все с земли вслед за читающим молитву, так что никто не может ни колена преклонять прежде него, ни лежать на земле после того, как он встанет, чтобы не подать повода подумать, будто лежащий на земле совершает особенные молитвы.

Глава 8. О совершении молитвы после псалма

О том, чтобы на Востоке всюду все припевали, когда по окончании псалма один начинает петь – слава Отцу и Сыну и Св. Духу, как это делается в нашей стране, я не слышал. Там читающий, по окончании псалма, начинает молитву, а прочие все молчат, прославлением же Св. Троицы оканчиваются обыкновенно антифоны.

Глава 9. О качестве молитвы

Изложение постановлений дошло до положенных правилом молитв, более полное пояснение которых мы отложили до изложения собеседований старцев, намереваясь подробнее исследовать, когда станем рассуждать об их качестве или постоянности в словах. Теперь же считаю необходимым, по удобству места и самого рассказа, рассказать немного, чтобы, изображая действия внешнего человека, и как бы закладывая ныне некоторое основание молитвы, после этого, при рассуждении о состоянии внутреннего человека, мы могли бы с меньшим трудом установить и верх совершенства молитв. Мы заботимся, прежде всего, о том, если преждевременный конец нашей жизни воспрепятствует нам изложить предполагаемый трактат, оставить вам в этом сочинении хоть начало особенно важного предмета, чтобы в случае промедления этого дела представить вам хоть некоторые черты молитв, из которых могли бы получить назидание, особенно те, кто пребывает в киновиях. Также имеем в виду, чтобы те, которые случайно встретились с этой книгой, могли бы получить из нее какое-нибудь наставление о качестве молитвы, знали бы образ и одеяние внешнего человека, а также то, как они должны держать себя, принеся духовные жертвы. Эти книжки, которые мы предполагаем, при помощи Божией, теперь написать, будут больше относиться к благочинию внешнего человека и постановлениям киновии; а собеседования будут относиться больше к благочинию внутреннего человека, к совершенству сердца, к жизни и учению отшельников.

Глава 10. О молчании и краткости молитв, совершаемых у египтян

Когда они соберутся на молитву, то в церквах царствует такое молчание, что, несмотря на бесчисленное множество присутствующих, будто нет никого, кроме читающего псалмы, а особенно когда совершается молитва, то не слышно не только харканья, кашля, зевоты, вздохов, но даже никаких слов, кроме священнических, и кроме тех, которые сами собою непостижимым образом вырываются у молящихся от сердечного избытка. А того, кто вслух молится или во время молитвы кашляет, зевает, вздыхает и прочее, они почитают вдвойне виновным. Во-первых, он виноват тем, что сам небрежно приносит молитву Богу и, во-вторых, – что мешает другому молиться с усердием. Поэтому, когда поднимается мокрота или харкотина, то советуют поскорее окончить молитву. По мнению их, это дьявол возбуждает в нас мокроты, чтобы через это отвлечь наши мысли от намерения молиться и погасить в нас усердие к молитве, потому что он больше всего враждует, когда видит наше желание молиться Богу. Потому-то они считают более полезным совершать молитвы хотя и короче, но чаще, чтобы через частые молитвы пребывать в постоянном союзе с Богом, а через краткие – избежать стрел дьявола, нападающего на нас особенно во время молитвы.

Глава 11. В каком порядке у египтян читаются псалмы

Псалмы эти они прочитывают не сразу, но, смотря по числу стихов, разделяют на две или на три статьи, присовокупляя к каждой молитве. Основываясь на словах апостола, который говорит: *буду петь духом, буду петь умом* (1Кор.14:15), они почитают важным не прочитать много стихов, а понять содержание их. Потому говорят, что полезнее пропеть десять стихов с разумной раздельностью, нежели весь псалом со смятением, что иногда происходит от поспешности произносящего, когда он заботится не о том, чтобы внушить слушающим раздельное понятие, но о скорейшем окончании богослужения. Если же кто из новичков, по ревности или неопытности, станет читать слишком протяжно, то настоятель, чтобы сидящие не почувствовали скуки от такого чтения и, таким образом, не лишились плода, – сидя на своем месте, дает знак, чтобы все встали на молитву, тем самым и останавливает читающего. Чтение же двенадцати псалмов они разделяют между братьями так: если читают два брата, то каждый читает по шесть псалмов; если три – то по четыре псалма; а если четыре – то по три псалма. Читающих меньше двух и больше четырех никогда не бывает ни в одном собрании.

Глава 12. Почему, когда один поет, прочие в собрании сидят, и с какой ревностью после того в кельях своих проводят время в бдении далее до рассвета

Когда читаются эти двенадцать псалмов, то обыкновенно стоит один читающий, а слушающие сидят, потому что от поста и работ дневных и ночных они так устают, что если не дать им этого послабления, то не смогут слушать псалмов. Что касается их занятий, то они и малейшего времени не проводят в праздности, а постоянно занимаются не только делами, свойственными дню, но и теми, которые не препятствует сделать самая глубокая ночь. Они думают, что чем усерднее будут к рукоделию и работам, тем больше возродится в них желание высшей чистоты духовного созерцания. По их мнению, Бог для того определил посредственное число (то есть только по 12 псалмов с молитвами, как днем, так и ночью) молитв в собрании, чтобы более усердные в вере находили время для неутомимого упражнения в добродетелях, а с другой стороны, чтобы от чрезмерности (службы) не произошло для утомленных и больных тел обременения. И по окончании этих молитв каждый, возвратившись в свою келью, где живет или один, или с другим товарищем по работе, или с учителем своим, или единомышленником, принимается опять за молитву, и не ложатся спать даже до восхода солнца, когда можно приняться за рукоделие и занятия дневные.

Глава 13. Почему не следует спать после ночной МОЛИТВЫ

Кроме того убеждения, что они своим трудом со всем усердием приносят Богу жертву от плода рук своих, до утра они не прерывают своих занятий, во-первых, из опасения, чтобы дьявол, ненавидящий чистоту, не внушил каких-нибудь грез, если предадутся сну, и таким образом не лишил их той чистоты, какую им доставили ночная молитва и псалмопение. Ибо он силится осквернить нас во время покоя и повергнуть в отчаяние особенно после того, как мы принесли Богу покаяние и, испросив прощение в грехах неведения или нерадения, с горячностью совершаем чистые молитвы; и ему удастся иногда и в краткое время этого часа сна уязвить того, кого он не мог уязвить в продолжение всей ночи. Во-вторых, они продолжают трудиться потому, что и чистый сон без опасных грез может расслабить монаха, которому нужно скоро встать, производит в духе ленивую вялость, ослабляет его бодрость на целый день, иссушает сердце, притупляет зоркость разума, которые на весь день могли бы сделать нас более осторожными и более сильными против всех наветов врага. Поэтому к общественному бдению они присоединяют и частное бдение, которое совершают с большим вниманием, чтобы не потерять той чистоты, какая приобретена псалмопением и молитвами, и ночным размышлением подготовить усердие, которое нужно сохранить в течение дня.

Глава 14. Как заниматься рукоделием и совершать молитвы в своих кельях

Но чтобы не напал на них сон, они, совершая частные молитвы, вместе занимаются и рукоделием, так что у них не бывает ни минуты без дела и размышления. Ибо, одинаково упражняя телесные и душевные силы, они уравнивают выгоды внешнего человека с пользой внутреннего. Страстным движениям сердца и непостоянному волнению помыслов противопоставляют тяжесть рукоделия, как какой-нибудь твердый, непоколебимый якорь, которым можно удерживать рассеянность и блуждание сердца внутри кельи, как в безопасной пристани. Таким образом, занимаясь только духовным размышлением и охранением помыслов, бодрствующий ум не только не склоняется к согласию с каким-либо злым внушением, но и остерегается всякого суетного, праздного помысла, так что трудно и определить, что от чего зависит, духовное ли размышление заставляет их постоянно заниматься рукоделием или потому так совершенны они в духовном знании, что постоянно занимаются рукоделием.

Глава 15. В каком молчании всякий возвращается в свою келью по окончании молитв и какому укору подвергается тот, кто поступает иначе

По окончании псалмопения в общем собрании никто даже на короткое время не останавливается и не разговаривает с другим, также никто не выходит из кельи весь день и не оставляет дела, которым занимается, кроме тех, которые будут позваны на какое-либо необходимое дело. Выйдя из кельи, они ни с кем не разговаривают; но, исполняя порученное дело, твердят на память псалом или какое-либо место из Св. Писания; и таким образом, постоянно занимая ум и уста, не пристают не только к вредным заговорам, худым советам, но и к бесполезным разговорам. У них строго наблюдается, чтобы никто, а особенно младшие, ни с кем не останавливались и на короткое время, не выходили куда-нибудь и не брали друг друга за руки. Замеченные в нарушении этих правил почитаются людьми упрямыми, нарушителями заповедей, виновными, подвергаются подозрению в злоумышлении; и если в присутствии всех братьев не раскаются, то не допускаются к участию в общей молитве.

Глава 16. Никому не позволялось молиться с отлученным

С отлученным от участия в молитве, до тех пор, пока не принесет публично покаяния и настоятель не простит ему вину в проступке перед всеми братьями, никто не может молиться, потому что считают его преданным сатане. А того, кто, по неразумной ревности, до прощения старцем сообщится с ним в молитве, считают соучастником в его осуждении, по своей воле предающим себя сатане, и обвиняют его больше потому, что, вступая в разговор или молясь вместе с отлученным, усиливает в нем надменность и подает ему повод упорствовать. Ибо, утешая его, он может больше ожесточить сердце отлученного, так что, не уважая определений настоятеля, не будет заботиться о прощении прощения.

Глава 17. Будильник в урочный час должен будить братьев на молитву

Тот, на ком лежит обязанность извещать о времени общего собрания, должен будить братьев на бдения, не как ему вздумается или как сам ночью проснется; даже если ему самому не спится, всех он должен созывать на службу, руководясь положением звезд. Его долг – заботиться больше об общей пользе, нежели о собственном покое.

Глава 18. С вечера субботы до вечера воскресенья не преклоняют колен

Еще следует заметить, что египтяне не преклоняют колен и не постятся с вечера субботнего до вечера воскресного, а также и во всю Пятидесятницу. Причины этого я изложу, если Бог поможет, когда буду излагать мои собеседования с отцами.

Книга третья. О правилах, касающихся дневных молитв и псалмопения

Глава 1

Сказав, по мере сил моих, о правилах ночных молитв и псалмопения, соблюдаемых в Египте, будем теперь говорить, как в монастырях палестинских или месопотамских совершается богослужение третьего, шестого и девятого часов.

Глава 2

У египтян весь день, без различения часов, занимаются молитвою и псалмопением даже во время рукоделия. Египтяне те службы, которые мы совершаем Господу в определенные часы по повестке будильника, добровольно совершают в течение всего дня и во время занятий рукоделием. Ибо они постоянно в кельях занимаются им так, что не теряют из памяти псалмов и никогда не оставляют размышления о Св. Писании, таким образом соединяя с рукоделием молитву, весь день проводят в тех службах, на совершение которых мы собираемся в определенные часы. Поэтому, кроме вечерних и ночных собраний, у них днем не бывает общественного богослужения, днем они собираются только в субботу и воскресенье в три часа (по нашему времени – в 9 часов дня) для святого причащения. То больше, что приносится постоянно, а не то, что совершается в известные промежутки времени; и добровольная жертва важнее служб, совершаемых по требованию правил, как это видно из слов Давида, который говорит: *усердно принесу Тебе жертву* (Пс. 53:8), *благоволи же, Господи принять добровольную жертву уст моих* (Пс. 118:108).

Глава 3. Почему на всем востоке служба, которая совершается в третьем, шестом, девятом часу, состоит только из трех псалмов и молитв, и почему именно в эти часы совершается богослужение

В палестинских, месопотамских и всех восточных монастырях во время богослужения, совершаемого в третьем, шестом и девятом часу, прочитывают только три псалма; и таким образом там и молитвы тщательно приносятся Богу в установленное время, и необходимые рукоделия не прекращаются. Совершается же богослужение именно в показанные часы потому, что в эти часы исполнились важнейшие обетования и совершено наше спасение; ибо известно, что Св. Дух, обещанный пророками, сошел на апостолов в третьем часу, как это значит в книге Деяний Апостольских (гл. 2). В шестом же часу Господь наш и Спаситель принес Себя Отцу в жертву и для спасения всего мира на крест взошел, очистил грехи всего мира; в этом же часу апостолу Петру открыта тайна призвания язычников через сходящий к нему с неба сосуд, как бы большую скатерть, привязанную за четыре угла. А в девятом часу Господь сошел в ад, просветил светом Своей славы непроницаемую тьму адскую и, сокрушив медные врата, увел с Собою на небо святых, которые были заключены во мраке преисподней, – через что первобытного жителя рая опять вселил в рай; в этом же часу сотнику Корнилию ангел открыл тайну призвания язычников (открытую Петру в шестом часу); еще в Деяниях Апостольских говорится, что апостолы Петр и Иоанн шли вместе в храм на молитву в девятом часу дня. Из этих свидетельств видно, что святые и апостольские мужи справедливо определили эти часы на богослужение, следовательно, и мы должны посвящать их на то же, а не проводить дня в праздности, забвении о молитве и в мирских занятиях. И вечерние жертвы должны быть непременно принесены; потому что и в Ветхом Завете они непрерывно приносились, как это можно видеть из слов Давида, который говорит: *да направится молитва моя, как фимиам пред лицо*

Твое; воздеяние рук моих – как жертва вечерняя (Пс. 140:2). В этих словах Давида таинственно можно понять ту вечернюю жертву, которую Спаситель преподал вечерявшим апостолам, или то, что под конец веков Он сам за спасение мира, через распростертие рук на кресте, был принесен Отцу в жертву. Распростертость Его рук на кресте может быть названа воздеянием или возвышением их; потому что Он действительно нас, поверженных в ад, вознес на небо, согласно сказанному Им: *и когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе (Ин. 12:32).* А что утром надо совершать богослужение, это доказывают слова, которые ежедневно поются на утреннем богослужении: *Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу... размышляю о Тебе в ночные стражи; очи мои предваряют утреннюю стражу, чтобы мне углубляться в слово Твое (Пс. 62:2, 7, 118:148).* Обо всех этих часах богослужения упоминается в притче о хозяине, вышедшем рано поутру нанять работников в свой виноградник: там говорится, что он нанимал работников поутру, потом в три, шесть и девять часов и, наконец, в одиннадцать, когда уже зажигается огонь.

Глава 4. Утреннее богослужение, которое у нас называется первым часом, установлено не по древнему преданию, а во времена преподобного Кассиана

Надо заметить, что утреннее богослужение установлено в наше время, и первоначально в Вифлеемском монастыре. Что касается предшественников наших, то они, совершив утреннее богослужение, вслед за ночным бдением предавались отдыху даже до третьего часа. Но поскольку из-за этого нерадивым открылся случай к продолжению сна, – потому что им не было необходимости до третьего часа выходить из келий или вставать с постелей, – и поскольку от сна они делались вялыми при исполнении дневных служб, а особенно в те дни, когда от вечера до зари продолжалась служба; то старцы, получив от ревнителей благочестия, которым не могло быть приятно это расслабление, жалобу, после долговременного совещания определили, чтобы при восходе солнца, когда можно приняться за чтение или за рукоделие, все, оставив ложе, собирались для чтения трех псалмов, чтобы положить, с одной стороны, конец сну, а с другой – начало рукоделию. Хотя это правило, по видимому, случайно установлено, впрочем, оно восполняет семеричное число хвалений, которое в течение суток совершал Давид (Пс. 118:164). Включая эти богослужения, мы действительно семь раз в сутки хвалим Господа.

Глава 5. После утренних молитв не следует ложиться спать

Некоторые, не зная причин, по которым установлено это богослужение, после совершения утреннего богослужения предаются сну. Но этого никак не должно быть, чтобы излишек естественных мокрот или грезы, внушенные врагом, не повредили чистоты, приобретенной ночными молитвами, и чтобы сон, даже и безгрешный, не ослабил жара сердечного и ставших от дебелости сна равнодушными не сделал вялыми и нерадивыми на целый день. Египтяне, чтобы избежать этого, несмотря на то, что встают обычно до пения петухов, продолжают бдения даже до рассвета, так что утренний свет находит их более ревностными, бодрыми на целый день, приготовленными к дневной борьбе с дьяволом и утвержденными с помощью ночного бдения и духовного размышления.

Глава 6. Старцы ничего не изменили в древнем порядке псалмов, когда установили утреннее богослужение

Необходимо упомянуть, что старцы наши, установив утреннее богослужение, не изменили древнего порядка псалмопения; напротив, служба при этом богослужении совершается в том же порядке, в каком она совершалась в ночных собраниях и прежде. Потому что те песни, которые в этой стране отнесены к утреннему богослужению, прежде пелись в конце ночных бдений, оканчивающихся до зари. Так же поют и теперь, т.е. псалом сто сорок восьмой и следующие за ним; а пятидесятый, шестьдесят второй, восемьдесят девятый псалом отнесены к последнему богослужению.

Глава 7

Кто на дневную молитву не придет до окончания первого псалма, тому не позволено даже входить в церковь. Если кто во время богослужения в третий, шестой и девятый часы придет после окончания начатого псалма, тот не смеет войти в церковь и соединиться с молящимися, а остается за дверьми до окончания службы и при выходе, всем кланяясь до земли, просит прощения в своей нерадивости или медлительности; а если не покается и не поспешит испросить прощения, то его не допускают и к следующему богослужению. Что касается ночных собраний, то не наказывают того, кто промедлит до начала второго псалма; но если не поспешит прийти в церковь до его окончания, тот подвергается вышеозначенной епитимии.

Глава 8. О порядке бдения с вечера субботы

Ночные бдения, еженедельно совершаемые с вечера субботы, по зимам, когда ночи бывают длиннее, продолжают там до четвертого пения петухов – для того, чтобы остающиеся до рассвета два часа употребить на сон и тем подкрепить себя на целый день. И нам нужно держаться того же правила, т.е. соснув после бдения до утренних молитв, весь день проводить в необходимых делах и днем не спать взамен того, что мы не спали ночью; ибо таким образом мы изменим только время покоя, а не лишим себя покоя. Если после всенощных бдений не поспать хоть немного, то на следующий день ослабнет не только плоть, но и дух. Итак, чтобы не сделать бесполезными ночные бдения, нужно до солнечного восхода соснуть хоть час; ибо, уступив, таким образом, природе свойственное ей, нам не нужно будет отнимать у дня того, что отняли у ночи.

Глава 9. Почему установлено бдение в вечер субботний и почему не совершается пост в субботу на всем Востоке

Совершать бдения в субботний вечер – определено на Востоке еще с начала веры христианской в подражание апостолам, которые после того, как Господь и Спаситель наш был распят в вечер пятницы, бодрствовали и не предавались ни малейшему сну. По причине бдения, мужи апостольские, в уважение к трудам бдения, положили в субботу не поститься. Таким образом, отмена поста ничуть не доказывает общего нашего с иудеями празднества, но оно необходимо для подкрепления утомленного тела, потому что, если не отменить пост в субботу и воскресенье, то постившийся на неделе пять дней обязательно ослабнет.

Глава 10. Почему у западных пост соблюдается и в субботу

По мнению западных, пост в субботу нельзя, упразднять, потому что апостол Петр, готовясь вступить в борьбу с волхвом Симоном, постился в этот день. Но сама причина, по которой постился апостол Петр, показывает, что он постился в субботу не потому, что на то было соборное определение, а по требованию обстоятельства. Поэтому пост апостола Петра был особенный, однократный, а не общий, не постоянный; он стал бы поститься и в воскресенье, если бы ему довелось вступить в борьбу в этот день.

Глава 11. Чем отличается воскресное богослужение от службы других дней

Следует знать и то, что там в воскресный день до обеда собираются только на одну литургию, а на третий и шестой часы особо не собираются. Впрочем, таким образом не изменяется существенно порядок богослужений; а между тем, из уважения к воскресению Господню, братьям делается некоторое послабление; отчего они дня воскресного ожидают как праздничного и не скучают постами, сохраняемыми в продолжение недели, потому что труд бывает не обременителен и не скучен, если за ним следует какая-нибудь перемена.

Глава 12. В какие дни за ужином не читается псалом, как бывает за обедом

В субботу, воскресенье и дни праздничные, в которые обыкновенно предлагается братьям обед и ужин, псалом не читается на вечере, т.е. ни перед ужином, ни после ужина, как это бывает на праздничных обедах и при отмене постов, когда читаются обычные псалмы и перед столом, и после стола. Перед тем как сесть за стол и как вставать из-за стола, читается только одна молитва, потому что тогда не обязаны все быть за столом, а бывают только странники из приходящих братьев или те, которых заставляет прийти телесная немощь, или кто сам хочет.

Книга четвертая. О правилах касательно отрекающихся от мира

Глава 1

После правил псалмопения и молитв, какие нужно соблюдать по монастырям в дневных собраниях, следует изложить правила касательно отрекающихся от мира. Прежде всего, мы кратко скажем о тех условиях, при каких надо принимать в общежития желающих обратиться к Богу, заимствуя их из правил частью египетских, а частью тавенских монахов, которые в Фиваиде имеют многочисленное и строгое по правилам общежитие; ибо в нем один авва управляет более чем пятью тысячами братьев, которые всегда так послушны своему старцу, что у нас так покоряться не могут и на короткое время.

Глава 2. У египтян пребывают в киновиях до глубокой старости

Я думаю, что мне, прежде всего, нужно сказать о постоянном пребывании их в монастыре, смирении и покорности, и о тех правилах, которыми они так образуются, что до преклонной старости остаются в общежитии. И если они достигают высших степеней совершенства, то это потому, что имеют такое постоянство (и притом с самого начала отречения), какого никто в наших монастырях в земной жизни не сохранял.

Глава 3. Какому испытанию должен подвергаться желающий поступить в киновию

Желающий, чтобы приняли его в общежитие, допускается в него после того, как в продолжение десяти дней или более покажет еще вне монастыря неизменность своего желания, смирения и терпения. Здесь он должен повергаться на землю перед проходящими братьями, которые подозревают его в неискренности, будто он не по набожности, а по нужде хочет вступить в монастырь; он должен терпеть разные обиды и поношения. Только после многих опытов, которыми он должен доказать свое постоянство, свою готовность терпеть искушения и поношения, его принимают. После строго выясняют, нет ли у него чего-нибудь из прежнего имущества, даже если это была одна монета. Ибо они знают, что не может он долго подчиняться монастырским правилам, смиряться и повиноваться, не будет переносить скудость и строгость общежития, если совесть его будет напоминать ему о тех деньгах; а если по какому-либо случаю восстанет в нем вздорность, то в надежде на свои деньги он тотчас убежит из монастыря.

Глава 4. Почему от вступающего в монастырь не принимали никакого имущества

Они даже на пользу монастыря не принимают от него денег, остерегаясь, чтобы не подать ему случая возгордиться из-за этого приношения и из опасения, что он не захочет равняться с беднейшими братьями и при таком подношении не дойдет до смирения Христова и не сможет соблюдать правила киновии. А во-вторых, чтобы в случае невозможности оставаться ему в общежитии, он при выходе не стал бы с обидою для монастыря святотатственно требовать того, что пожертвовал от усердия, в начале своего отречения. Крепко держаться этого правила научили их многие опыты; ибо некоторые, кого приняли без предосторожности, после с большим злословием обратно требовали свои пожертвования, уже употребленные в дело.

Глава 5. Почему вступающие в монастырь должны переменить свою одежду

На этом основании у всякого принимаемого отбирают все прежнее его имущество, не позволяют ему иметь и той одежды, которую он носил прежде. Авва, среди братьев сняв с него собственную одежду, облакает его в монастырские одежды и этим дает ему знать, что для него уже сделались чуждыми все те вещи, которыми прежде обладал, и что, отвергнув всякую мирскую пышность, он должен возлюбить нищету Христову и жить уже не мирским богатством, а подаянием от монастыря; словом, — не должен иметь ничего. Не должен заботиться, по заповеди евангельской, о завтрашнем дне, не должен стыдиться сравниваться с бедными, т.е. с обществом братьев, к которым причисляет себя Христос, не стыдился бы называть их братьями, а хвалиться должен тем, что он сделался одним из них.

Глава 6. Почему скинутая одежда хранится экономом

Скинутая с него одежда хранится у эконома до тех пор, пока не узнаны будут, путем разных испытаний, его успехи в терпении и прочих добродетелях. Если в продолжение известного времени узнают, что можно оставить его и что ревность его нисколько не изменилась, то отдают одежду нуждающимся. Но если заметят в нем склонность к ропоту или к неповиновению, то, сняв с него монастырскую одежду и облекши в собственную, выгоняют. В монастырской одежде не позволяют никому уходить, ибо считают неприличным носить ее тому, кто охладел в своем намерении. Поэтому никому не позволяют явно выходить из монастыря; выходят из него или в глубокую ночь, или выгоняемые по общему приговору, признанные недостойными монашеского звания, с которых со стыдом снимается одежда монастырская перед всеми братьями.

Глава 7. Почему принятый в монастырь не скоро причисляется к братству

Принятый, после достаточного испытания, в монастырь и облеченный в монастырское одеяние, не допускается сразу же в сообщество братьев, а отдается под наблюдение старцу, который отдельно живет недалеко от монастыря, занимаясь принятием странников и услужением им. Если в продолжение целого года он безропотно будет услуживать странникам, через это получит наставление в смирении и терпении и долгим упражнением докажет их, то его допускают в сообщество братьев и поручают другому старцу, который начальствует над десятью младшими, по приказанию аввы, наставляя и направляя их по примеру установления Моисеева (Исх. 18:21–23).

Глава 8. Чему сначала младшие учатся, чтобы после могли преуспевать в подавлении страстей

Старец тот, прежде всего, старается научить его побеждать свою волю, желания, чтобы он мог постепенно восходить к высшему совершенству; а для этого намеренно приказывает ему делать то, что противно ему. Многими опытами доказано, что не может обуздать своих похотей тот монах (особенно из молодых), который не научился послушанием умерщвлять свою волю. Поэтому они говорят, что тот, кто не научился сначала побеждать свою волю, тот никак не может подавлять гнев, уныние, блудную похоть; не может иметь истинного смирения, постоянного единения и согласия с братьями и долго пребывать в общежитии.

Глава 9

Младшим приказывается не скрывать своих помыслов от старца. Преподав новичкам первоначальные наставления, стараются вести их к большому совершенству, при этом лучше узнавая – истинное или притворное у них смирение. А для более удобного достижения этого учат их не скрывать из-за ложного стыда никаких сердечных помыслов, а тотчас, по возникновении их, открывать старцу своему и в суждении о них не доверять своему мнению, а считать худым или добрым только то, что старец признает таким. Оттого хитрый враг ни в чем не может уловить молодого монаха, как неопытного, ничем не может обольстить того, кто полагается не на свое, а на старцево суждение, и не может враг убедить скрывать от старца свои внушения, бросаемые в сердце как огненные стрелы. Иначе хитрый дьявол никак не может обольстить и низложить молодого монаха, если не убедит его – по гордости или стыдливости – скрывать свои помыслы от старца. Это общий и ясный признак дьявольского внушения, если мы стыдимся открыть его старцу.

Глава 10. Какое послушание молодые оказывали даже в том, что относится к естественным потребностям

Что касается послушания, то младшие без ведома или позволения старца не только не смеют выходить из кельи, но не решаются самостоятельно удовлетворять и общую естественную нужду. Поэтому все, что ни приказывает старец, они без всякого исследования спешат исполнить как божеское повеление, так что иногда с полным доверием, усердием, без всякого колебания принимаются за исполнение невозможных приказаний и из уважения к своему старцу не думают о невозможности его приказаний. О послушании их я теперь не говорю; ибо, если Бог вашими молитвами поможет нам, то в своем месте для доказательства я представлю тому примеры.

Глава 11. Какая пища у египтян считается лакомой

Также не буду я говорить о том трудном и высоком воздержании, которого мы не можем сохранить ни по климату, ни по нашей немоци; ибо они считают величайшим наслаждением, если на трапезе братьям предлагается вареная дикая капуста, приправленная солью. Скажу только о том, сохранению чего не может нам воспрепятствовать ни немощь плоти, ни климат, если только не будет в нас слабодушия и хладнокровия.

Глава 12. С какою поспешностью, оставляя все, идут на то дело, на которое призывает ударяющий в дверь

Итак, сидя в кельях своих и занимаясь рукоделием и размышлением, как только услышат звук ударяющего в дверь, который зовет их на молитву или к какому-либо делу, каждый тотчас выходит из своей кельи, так что занимавшийся письмом бросает писать на том месте, где застанет его призыв, не смея даже докончить начатой буквы, потому что они не столько заботятся о совершении дела и своей пользе, сколько о том, чтобы доказать свое послушание, которое они предпочитают не только рукоделию, чтению, молчанию, покою в келье, но даже всем добродетелям. Они готовы терпеть все невыгоды, только бы ни в чем не нарушить доброго послушания.

Глава 13. У египтян считалось преступлением называть что-либо своим

Излишним считаю упоминать о том правиле их, по которому никто не должен иметь своей коробки, корзины и ничего такого, что нужно было бы запирать как собственность. Знаем, что они живут в такой скудости, что кроме рубахи, небольшой епанчи, полусапог, милоти и рогожи ничего не имеют. А в иных монастырях это правило столь строго соблюдается, что никто не смеет ничего назвать своим, и считается большим преступлением для монаха говорить: это – моя книга, моя письменная доска, мой грифель, моя одежда, мои полусапоги. За это он должен принести покаяние, если случайно, по неосторожности или по неведению, произнесет такое слово.

Глава 14. Если кто и много зарабатывал своим трудом, то никто не присваивал себе ничего лишнего

Хотя иной своим рукоделием приносит столько пользы монастырю, что прибыли от того достаточно на содержание не только его, но и многих других, однако никто не хвалится своими трудами и из прибыли ничего не присваивает себе, а каждый берет для себя только два хлеба (Два небольших хлебца у древних весили, без малого, 1 фунт. За 1 фунт хлеба платили дешево – только три динария, но не следует думать, что здесь под динарием понималась серебряная монета. Вероятно, подразумевается медная монета, равная ассарию – десятой части серебряного динария, греческой лепте, а если бы понимался серебряный динарий, то это было бы чрезмерно дорого – за 1 фунт хлеба платить три динария, чего нельзя допустить), которые там можно купить всего за три динария. Между ними никто даже и в мысли не присвоит себе частного дела в свою пользу. Хотя каждый все имущество, находящееся в житницах монастырских, считает своим общим достоянием и как владелец всего должен всячески заботиться обо всех вещах монастырских, однако всякий, чтобы сохранить добродетель нищеты, удаляется от всего, считая себя больше странником, питомцем монастыря и служителем, нежели владельцем вещей.

Глава 15. О неумеренном старании иметь много своих вещей

Между тем мы, жалкие, хоть и пребываем в общежитии и о нас пекутся игумены, но живем так широко, что нам недостаточно не только шкатулок или ящиков, но и сундуков и шкафов для того, чтобы прятать в них то, что мы собираем или приносим из мира. Поэтому мы, отвергнув всякое уважение к своему званию, не стыдимся иметь свои ключи и явно носить на пальцах перстни, которыми печатаем запертое, и так любостыжательны, что иногда из-за маловажной, ничтожной вещи раздражаемся и, если кто хоть пальцем прикоснется к ней, воспламеняемся таким гневом, что от возмущения сердца не можем и слова вымолвить. Но, оставив говорить о наших пороках, о которых и вспоминать неприлично, я займусь лучше, согласно принятому плану, перечислением добродетелей египтян, которым мы должны подражать, и кратко изложу правила их, чтобы после этого заняться некоторыми деяниями старцев для яснейшего доказательства истины сказанного мною.

Глава 16. О правилах наказания за погрешности

Если кто по какому-либо случаю разобьет глиняный кувшин (из которого пьют), того за свою небрежность обязывают принести публичное покаяние: во время общего собрания братьев на молитву, повергшись на землю, он должен просить прощения у всех; получает же его только после окончания богослужения, когда игумен велит ему встать с земли. Такой же епитимии подвергается тот, кто приходит не сразу после призыва на работу или молитву; кто, воспевая псалом, хоть немного покачнется; кто отвечает сверх требования или грубо; кто небрежно совершает возложенные послушания; кто ропщет, нерадиво исполняет возложенную должность и предпочитает чтение делу или послушанию; кто не сразу после окончания собрания идет в келью; кто хоть на короткое время остановится с другим или на минуту уйдет куда-нибудь; кто берет другого за руку; кто станет хоть немного разговаривать с тем, кто не с ним вместе живет; кто молится с отлученными от молитвы; кто без позволения старца видится или разговаривает с родителями или с кем-нибудь из мирских друзей; кто без ведома игумена принимает письма от кого-нибудь и отвечает на них. В этих и подобных им случаях употребляется духовное наказание; а для исправления прочих грехов, которые не к чести нашей у нас бывают терпимы, такие как: открытая брань, явное пренебрежение, надменное прекословие, распущенность, свободный выход, близкое обращение с женщинами, гнев, споры, злоба, ссора, своевольный выбор дела, сребролюбие, пристрастие и обладание излишними вещами, которых нет у прочих братьев, неурочное и тайное употребление пищи и подобное тому – употребляются не духовные, а телесные наказания и изгнание из монастыря.

Глава 17. Кто установил в киновиях чтение во время обеда братьев, и как соблюдается молчание у египтян

Существующее в общежитии обыкновение – читать во время трапезы братьев, – введено не в Египте, а в Каппадокии, где оно установлено не столько для духовного занятия, сколько для удержания от праздного разговора, которому обыкновенно предаются во время пиршеств. У египтян же, а особенно у тавеннских монахов, соблюдается всеми такое молчание, что когда братья сидят за столом, то никто, кроме старца, начальствующего над десятью, не смеет слова вымолвить; но и тот, если что нужно подать на стол или взять со стола, дает знать больше стуком, нежели голосом. Вкушая пищу, они клобуки спускают на самые глаза, чтобы те из любопытства не блуждали по сторонам, и, кроме стола и предложенной пищи, ни на что не смотрят, так что никто не видит, как или сколько другой употребляет пищи.

Глава 18. Кроме общего стола не позволялось употреблять никакой пищи и питья

До или после обыкновенного общего стола никому не позволяется ничего вкушать. Проходя садами, они не смеют не только рвать яблоки, но и поднять упавшие с дерева; ибо почитают святотатством не только вкушать, но и дотрагиваться рукою до того, что не предлагается всем открыто за общим обедом и не приготавливается экономом с помощью братьев же.

Глава 19. Как в Палестине и Месопотамии братья исполняют ежедневные послушания

Чтобы не оставить без внимания какого-либо общежительного правила, я кратко скажу, как в других областях братья исполняют ежедневные послушания. В Месопотамии, Палестине, Каппадокии и на всем Востоке братья каждую неделю попеременно исполняют монастырские службы, так что из-за многолюдства общежития увеличивается число служащих. Эти службы они совершают с таким усердием и смирением, с каким никакой раб не служит самому строгому и вельможному господину. Они не довольствуются теми послушаниями, которые несут по назначению, но еще, вставая ночью, тайно стараются делать за других. Эти недельные службы продолжаются до ужина воскресного дня и заключаются в том, что сменяющиеся моют по порядку ноги всем приходящим для псалмопения братьям, в награду себе за недельный труд прося у них общих молитв о прощении грехов, сделанных по неведению или по человеческой немощи, и о принятии совершенной ими службы вместо тучной жертвы. В начале другой недели, после утренних молитв, заступающим на их место они передают посуду, бывшую на их руках; принимающие ее так заботятся о сохранности, что в случае утраты по небрежности считают себя обязанными отвечать и за малейший сосуд, как священный, не только перед экономом, но и перед Богом. Все сказанное мною я подтверждаю примером.

Глава 20. О трех чечевичных зернах, найденных экономом

На седмице одного брата (Седмичный священник, чередной на неделе – Прим. ред.) эконом, проходя, увидел на земле три зерна чечевичных, которые у недельного проскользнули сквозь пальцы, в то время как он промывал их и готовил к варению. Когда донесено было игумену, тот недельного брата, как не берегущего священное достояние, отлучил от молитвы и отпустил ему вину только после принесения публичного покаяния. Так поступили потому, что они не только себя самих не считают своими, но и все принадлежащее им считают посвященным Богу. Потому если что-либо однажды поступило в монастырь, то они считают долгом поступать с тем, как со священным, со всяким благоговением; потому что уверены, что Господь воздаст им и за самые маловажные дела: если они что-нибудь с места перенесут или лучше поставят, если кувшин наполнят водою и принесут в нем кому-нибудь пить, если маленький прутик вынесут из молитвенного дома или кельи.

Глава 21. О добровольном услужении некоторых братьев

О некоторых братьях известно, что когда на их седмице не было дров для приготовления обыкновенной пищи, и по заповеди игумена, а также по общему согласию, все братья до того времени, как привезут купленные дрова, должны были довольствоваться сухоедением, и никто не мог ожидать для себя какого-либо вареного кушанья; то они, думая, что лишатся плода и награды за свои труды и послушание, если на своей чередной седмице по обыкновению не будут готовить пищи, сами решились на такой труд, что, ходя по сухой и бесплодной пустыне, лежащей у Мертвого моря, где не растет лес, собирали прутики и лозы, приносимые ветром, и приносили их на себе в монастырь, чтобы приготовить повседневный стол. Таким образом, хоть ничего не могли потерять, если бы не исполнили обыкновенной службы, ибо их извиняли и неимение дров, и заповедь игумена, они, однако, не хотели упустить того, что могло принести им пользу.

Глава 22. Об исполнения ежедневных послушаний у египтян

Сказанное соблюдается по уставу всего Востока, – такой устав нужно соблюдать и в наших странах. А у египтян, которые более прилежны к рукоделиям, нет чередных недель, чтобы введением их не препятствовать исполнению правил о рукоделиях, а одному испытанному вверяется забота о кладовой или кухне. Избранный бессменно занимается этим делом, пока имеет силы. Труды не изнуряют его, потому что они не готовят много кушаний и едят больше сухие; ибо им высшее наслаждение доставляет рубленый лук, дикая капуста, толченая соль, оливы, небольшие соленые рыбки – анчоусы или сельди.

Глава 23. О послушании аввы Иоанна, за которое он удостоился дара прозорливости

Поскольку цель настоящего моего сочинения состоит в том, чтобы отрекающимся от мира преподать наставление, как им можно, посредством истинного смирения и совершенного послушания, усовершенствоваться и в прочих добродетелях, то я считаю нужным для примера сказать о некоторых подвигах старцев, в которых просияла их добродетель, чтобы желающие достигнуть высшей степени имели не только побуждение, но и образец для деятельности. Из множества отцов я здесь скажу только о двух. Первый – авва Иоанн, живший возле фиваидского города Ликона, он послушанием приобрел дар пророчества и настолько славился по всему миру, что даже цари уважали его. Ибо во время пребывания в крайних пределах фиваидских император Феодосий решил пойти войною против сильнейших врагов не раньше, чем был воодушевлен его пророчеством и советами, которые он принял как ответ, данный с неба, и одержал победу над врагами.

Глава 24. О сухом деревце, которое авва Иоанн поливал по приказанию старца

Блаженный Иоанн от юности до совершенного мужского возраста с таким смирением повиновался своему старцу, что последний изумлялся его послушанию. Желая испытать эту добродетель, от веры ли и простоты сердечной она исходит или притворна, принужденна, не на глазах ли его только он покорен, старец приказывал ему весьма много лишнего, ненужного, а часто и невозможное; Иоанн особенно в трех случаях доказал искренность своего духа и послушания. Однажды старец, воткнув в землю давно срубленную и почти сгнившую ветку кустарника, приказал ему по два раза в день поливать ее, чтобы ветка от постоянной влажности пустила корни и выросла в дерево, под тенью которого можно было бы отдыхать в летнюю жару. Юноша, не рассуждая о несбыточности приказа, ежедневно исполнял его с такой точностью, что от ношения воды почти за две мили и поливания ветки в продолжение целого года не могли удержать его ни слабость телесная, ни праздники, ни исполнение важнейших дел, ни дурная зимняя погода. Старец молча, тайно каждый день наблюдал за точностью исполнения и видел, что он с простосердечным расположением исполняет его приказание, как данное от Бога, без всякого смущения в деле и без исследования причины. Хваля его искреннее смирение и послушание, а вместе с тем жалея о столь долгом труде, который он со всем усердием исполнял целый год, подошел к сухому прутику и говорит: «Иоанн! пустило ли корни это дерево или нет?» Когда он сказал, что не знает, то старец, как бы желая испытать, укрепилась ли корни, выдернул перед ним прут этот и, бросив его, приказал ему уже оставить поливку.

Глава 25. О сосуде с маслом, выброшенном аввою Иоанном по приказанию старца

В другое время некоторые из братьев, услышав о послушании Иоанна, слава о добродетелях которого, по мере совершенствования его в послушании, стала распространяться по всем монастырям, пришли к старцу, чтобы испытать послушание Иоанна и получить назидание себе. Старец, тотчас призвав его, приказал ему выбросить за окно небольшую склянку с маслом, которая была единственная во всей пустыне. Иоанн, мало думая, выбросил ее за окно, где она и разбилась. От исполнения этого приказания не могли удержать его ни несообразность приказания, ни нужда в склянке, ни немощь телесная, ни недостаток денег, на которые можно было бы купить новую, ни то, что в их пустыне ничего нельзя было купить, если бы и были деньги.

Глава 26. Как авва Иоанн по приказанию старца силился сдвинуть большой камень

Однажды другие братья хотели по примеру Иоанна научиться послушанию. Старец, призвав его, приказал скорее прикатить огромный камень, который и много народа не могли сдвинуть с места. Иоанн с таким усилием стал напирать на камень, что от пота не только одежда его промокла, но и камень увлажнился. И теперь он принялся за исполнение приказания со всем простосердечием и не думая о несбыточности его, ибо он уверен был, что старец ничего не может приказывать ненужного и неосновательного.

Глава 27. О смирении и послушании аввы Муция, который по приказанию старца намеревался бросить своего сына в реку

После этого я хочу сказать о достопамятном подвиге аввы Муция. Он, желая отречься от мира, долго находился при воротах монастыря и, после долговременного испытания, был принят в монастырь, вопреки обыкновению общежития, вместе с восьмилетним сыном своим. Тотчас после принятия их не только отдали разным наставникам, но и поместили в разных кельях, чтобы отец, часто видя сына, не вспоминал о прежнем и не питал плотской любви. Когда Муций безропотно подчинился этому разлучению, то, чтобы испытать, точно ли он не имеет плотской любви и все делает из послушания Христова, которое нужно предпочитать всякой любви, на сына его не только не обращали никакого внимания, водили его в лохмотьях, не умывали (и все это для того, чтобы раздосадовать отца), но еще часто на глазах его без причины заушали (Заушина – оплеуха. – Прим. ред.), так что отец нередко видел сына плачущим. Но сколь ни жестоко поступали с сыном его, он не изменил любви и послушанию Христову ради любви родительской, ибо сына почитал уже не своим, а принесенным Христу. Потому и не трогали его наносимые обиды, но еще и радовался, видя, что они не оставались бесплодными, совершенствуя его в смирении. Игумен общежития, видя твердость его духа и намереваясь совершенно увериться в его постоянстве, однажды, когда сын Муция плакал, притворился прогневавшимся на него и приказал отцу бросить того в реку. Муций, выслушав такое повеление как от самого Господа, тотчас схватив сына, побежал с ним к реке, чтобы бросить его в воду. Он по послушанию и горячий вере непременно сделал бы это, если бы не было поручено братьям наблюдать на берегу и вытащить из реки дитя, если бы оно было брошено, и если бы они не воспрепятствовали исполнению заповеди, впрочем, уже исполненной через послушание и готовность.

Глава 28. Как открылось игумену, что Муций совершил дело Авраамово, и как Муций назначен был игуменом монастыря

Бог вскоре засвидетельствовал, что эта вера и преданность Муция угодны Ему. Игумену обители было открыто, что он этим послушанием совершил дело патриарха Авраама. Вскоре после этого игумен, при отходе своем к Господу, предпочитая Муция всем братьям, назначил его преемником и сделал игуменом монастыря.

Глава 29. О послушании одного брата, по приказанию аввы продававшего корзины

Нельзя умолчать еще об одном известном нам брате из знатного рода; он происходил от отца благородного и очень богатого и был весьма образован в науках. Когда он, оставив родителей, пришел в монастырь, то игумен, желая испытать его смирение и ревность, приказал ему, навязав на шею, носить по улицам и продавать десять корзин, которые не было нужды продавать публично. И чтобы дольше удержать его за этим делом, велел ему продавать корзины по одиночке и не отдавать тому, кто захотел бы вдруг купить все. Приказание это он исполнил с полным усердием: нисколько не стыдясь низкой доли, присужденной ему, и не думая о достоинстве своих родителей и неопытности своей в порученном ему деле, он, чтобы послушанием достичь смирения Христова, которое есть истинное благородство, навязал себе на шею корзины, распродав их по назначенной цене и деньги принес в монастырь.

Глава 30. О смирении аввы Пинуфия, который, оставив свою киновию, ушел в дальний монастырь, в котором жил в послушании как новоначальный

Обширность этого сочинения заставляет нас поспешать к окончанию его, но польза послушания, имеющего первенство среди прочих добродетелей, не позволяет нам умолчать о подвигах тех, которые прославились добродетелью. Поэтому, чтобы с одной стороны соблюсти краткость, а с другой удовлетворить желанию пользы ревностных, я представлю еще один пример смирения, который показал не начинающий, а совершенный игумен, и, слыша о котором, могут научиться совершенному смирению не только молодые, но и старцы. В одном многочисленном общежитии египетском, недалеко от города Панефиса, был авва и пресвитер Пинуфий, которого все уважали за его лета, жизнь и священство. Видя, что при всеобщем к нему уважении он не может упражняться в возделенном смирении и послушании, он тайно удалился в крайние пределы Фиваиды. Там, сложив образ монашеский и одевшись в одежду мирскую, пришел в киновию тавеннских монахов, зная, что она строже всех и что по отдаленности страны, по обширности монастыря и по многочисленности братьев он легко мог тут остаться неузнанным. Здесь, очень долго пребывая при воротах и кланяясь в ноги всем братьям, упрашивал принять его. Наконец приняли его с большим презрением, думая, что он, уже глубокий старик, всю жизнь проведя в мире, вздумал поступить в монастырь в преклонном возрасте, когда уже не может раболепствовать своим удовольствиям. Говорили, что он идет в монастырь не по чувству благочестия, но чтобы иметь пропитание, и, как неспособного к тяжким работам старика, приставили к саду и отдали под надзор одного из младших братьев. Здесь он упражнялся в смирении и повиновался приставнику своему с такой ревностью, что не только усердно смотрел за садом, но еще делал вообще все дела, которые для всех казались трудными или низкими, или за которые боялись приняться;

притом очень многое делал ночью и тайно, чтобы не знали, кто это делал. Таким образом, от прежних своих братьев, которые искали его по всему Египту, он укрывался три года. Наконец один человек, пришедший из Египта в монастырь, едва смог узнать его из-за униженного вида и низкой должности, ибо Пинуфий окапывал землю у оливковых деревьев и, нося навоз на своих плечах, осыпал корни их. Когда тот, видя старца и долго сомневаясь касательно признания его, наконец подошел поближе и признал его по лицу и голосу, тотчас упал ему в ноги. Этим поначалу он привел всех смотрящих в недоумение: для чего это он упал в ноги тому, кто, как новичок, недавно пришедший из мира, считался у них последним. Но после поражены были, когда он открыл имя старца, бывшее и у них в большой славе. Когда все братья стали просить у него прощения в том, что так долго по неведению держали его в чине вновь поступающих, старец плакал о том, что, по зависти дьявола, лишился возможности упражняться в смирении и окончить жизнь в послушании, для доказательства которого он нашел, после долгого искания, самый лучший случай. После против воли отвели его в египетскую киновию, наблюдая в пути, чтобы он как-нибудь не убежал от них.

Глава 31. О новом уходе аввы Пинуфия в Вифлеемский монастырь

Впрочем, побуждаемый сильным желанием смиряться, он недолго пребывал в монастыре. Улучив удобное время, ночью удалился уже не в ближнюю, а в отдаленную, незнакомую страну; сев на корабль, он отплыл в Палестину, думая в ней лучше укрыться, потому что там не было известно имя его. Там он поселился в нашем монастыре, стоявшем недалеко от пещеры, в которой благоволил родиться Господь наш Иисус Христос. Как не может укрыться город, стоящий наверху горы, так и он недолго был здесь неузнанным – египетские братья, непрестанно посещавшие святые места для молитвы, узнали его и умолили возвратиться в киновию.

Глава 32. Какое правило авва Пинуфий дал брату, которого принял в свой монастырь

В настоящем сочинении желательно упомянуть о наставлении, какое этот старец при нас, когда мы беседовали с ним в Египте, дал брату, принятому в общежитие, потому что это наставление может послужить пользе и у нас. «Знаешь, – говорит он, – сколько дней провел ты у ворот, а теперь ты принят. Тебе надо знать, почему ты с таким затруднением допущен, ибо на том пути, на который желаешь вступить, ты можешь получить много пользы, если, надлежащим образом узнав этот путь, будешь справлять служение Христова постепенно и как должно».

Глава 33

Как велико будет воздаяние монаху, трудящемуся по наставлению отцов, так и наказание будет такое же в противном случае; и потому не следует никого поспешно принимать в монастырь. «Как тем, которые верно служат Богу и питают к Нему такую любовь, как требуется нашими правилами, обещается бесконечная слава, так и тем, которые не заботятся о том, чтобы приносить обещанные плоды святости, уготованы вечные муки, ибо, по словам Писания, *лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить* (Еккл. 5:4), и *проклят, кто дело Господне делает с небрежением* (Иер. 48:10). Мы долго не принимали тебя не потому, что не желали твоего или чьего-либо спасения и не хотели способствовать тем, кто хочет обратиться к Христу; а потому, чтобы и самим не сделаться виновными перед Богом в легкомыслии, и тебя не подвергнуть тягчайшему наказанию, если бы ты, не уразумев важности нашего звания, впоследствии или охладел, или не устоял в обете. Итак, сначала ты должен знать сущность твоего отречения и из нее учиться тому, что тебе должно делать».

Глава 34. Наше самоотвержение есть не что иное, – как духовное умерщвление и образ распятого

«Отречение есть не что иное, как знак того, что мы распялись миру и умерли. Итак, знай, что ты сегодня умер для мира, дел и похотей его и, по апостолу, распялся ему, а он – тебе (Гал. 6:14). Держи же в уме крест, под знамением которого ты должен жить, ибо не ты уже живешь, а живет в тебе Распявшийся за тебя (Гал. 2:20), и как Он за нас висел на крестном древе, так и мы, пригвоздив к Божьему страху плоть (Пс. 118:120), волю и все желания наши, должны не служить страстям нашим, а постоянно умерщвлять их, чтобы таким образом исполнить заповедь Господню: *и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10:38). Но ты, может быть, скажешь: как можно человеку постоянно носить крест свой, или как живой может быть распятым? Послушай краткое объяснение того».

Глава 35. Крест наш есть страх Господень

«Крест наш состоит в страхе Господнем. Поэтому, как распятый не может двигать членами своими или поворачивать их, как бы ему хотелось, так и мы свою волю и желания должны направлять не к тому, что приятно нам и что льстит нашим похотям, а по закону Господа, с которым мы сораспялись. И как пригвожденный к кресту не думает о настоящем и предметах своей страсти, не заботится о завтрашнем дне, не желает владений, не гордится, не спорит, не ревнует, не скорбит о настоящих, не помнит прошедших обид, а считает себя умершим для всего вещественного, думает только о том, куда он пойдет через несколько минут, так и мы, пригвоздившись к страху Господню, должны умереть для всего, т.е. не только для плотских пороков, но и для всего мирского, и обратить все внимание туда, куда можем в каждую минуту переселиться, ибо таким образом мы можем умертвить все наши похоти и плотские страсти».

Глава 36. Отречение наше не принесет нам пользы, если будем привязываться к тому, от чего отреклись

«Итак, остерегайся приобретать те вещи, от которых ты уже отрекся, и вопреки повелению Господню не возвращайся с поля делания евангельского, чтобы взять одежду (Мф. 24:18), которую ты скинул, т.е. не обращай к земным похотям и занятиям и с кровли совершенства не сходи за тем, что ты бросил. Остерегайся вспоминать о родителях, о прежнем пристрастии, не вдавайся в мирские заботы, чтобы, обратившись вспять, тогда как ты взялся за плуг, не лишиться Царства Небесного (Лк. 9:62). Смотри, чтобы та гордость, которую ты ныне сокрушил верою и смирением, не стала пробуждаться в тебе, когда будешь заниматься псалмопением и совершенствоваться в принятом тобой звании, чтобы, по словам апостола, созидая то, что разрушил, не оказаться преступником (Гал. 2:18). Старайся пребыть до конца жизни в той нищете, которую обещал перед Богом и ангелами Его. Того смирения и терпения, с которыми ты, стоя за монастырскими воротами, просил принять тебя, не только не оставляй, но еще более возражай в них и совершенствуйся. Большое бедствие будет тебе, если ты, обязанный от первых начал восходить к совершенству, будешь от совершенства спускаться к низшему. Ибо не тот спасен будет, кто хорошо начал эти добродетели, но кто до конца сохранит их» (Мф. 10:22, 24:13).

Глава 37. Дьявол всегда наветует нашему концу; но мы должны всегда блюсти его голову

«Так как хитрейший змей не перестает блюсти пята нашу, т.е. наветует нашему исходу и до конца жизни нашей старается нас запнуть, уязвить, то ты не получишь пользы от того, что хорошо начнешь и покажешь ревность лишь в начале отречения от мира, а конец не будет согласен с началом, если не сохранишь до конца жизни нищеты и смирения Христова, согласно обещанию своему. А чтобы тебе сохранить их, ты всегда блюди голову змея, т.е. первые помыслы, внушаемые им, и тотчас открывай старцу своему. Ибо если ты не будешь стыдиться открывать их старцу, то научишься сокрушать вредоносную голову его».

Глава 38. Отрекающийся от мира должен подготовиться к искушениям и подражать немногим

«Итак, решив служить Богу, пребывай в страхе Божиим и *приготовь душу свою не к покою, бездействию и наслаждению, а к искушениям и огорчениям (Сир. 2:1); многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян. 14:22);* потому что *узки врата и тесен путь, вводящие в жизнь, и немногие находят их (Мф. 7:14).* Знай, что ты в числе немногих избранных и, смотря на пример и холодность многих, не охладевай, а живи так, как живут немногие, чтобы с этими немногими удостоиться тебе Царствия Небесного. *Ибо много званых, а мало избранных (Мф. 22:14);* и мало то стадо, которому Отец благоволил дать Царствие (Лк. 12:32). Знай, что тяжко грешит тот, кто, обещав быть совершенным, делается несовершеннейшим. К совершенству же восходят по следующим степеням».

Глава 39. В каком порядке надо восходить к совершенству

«Начало и ограждение нашего спасения есть страх Господень. Ибо от него зависит и начало обращения, и очищение от пороков, и оберегание добродетелей у тех, кто руководствуется им на пути к совершенству. Этот страх, проникая в душу человеческую, производит отвращение к мирским вещам, заставляет забыть родителей и весь мир. А отвращением и прекращением всех стяжаний приобретается смирение, которое открывается в следующих признаках: человек, имеющий его, во-первых, умерщвляет свою волю; во-вторых, не только дела, но и помыслы свои открывает старцу своему, ничего не скрывает; в-третьих, все делает по суждению старца и ничего по своему и, желая его наставлений, охотно слушает их; в-четвертых, во всем соблюдает послушание, кротость, постоянство терпения; в-пятых, не только не обижает никого, но и за свои обиды не взыскивает и не оскорбляется; в-шестых, ничего не делает такого, что не согласуется с общим уставом или не одобряется примером большинства; в-седьмых, доволен всяким состоянием, как бы оно ни было низко, и все, повелеваемое ему, исполняет как худой, недостойный раб; в-восьмых, считает себя хуже всех не только на словах, но и в искреннем расположении сердца; в-девятых, удерживает свой язык и не говорит громко; в-десятых, не смеется легкомысленно. Вот в каких признаках обнаруживается истинное смирение! Оно скоро доведет тебя до любви, чуждой страха, и, воодушевившись ею, ты то самое, что прежде исполнял из-за страха наказания, начнешь исполнять без труда, как естественное, и уже не из страха наказания, а по любви к самому добру и по услаждению добродетелями».

Глава 40. Монах должен брать примеры для совершенства не у многих, а у одного или немногих

«Чтобы удобнее достигнуть этого, живя в обществе, ты должен избрать себе в пример подражания не многих, а лучше одного или двоих. Кроме того, что немного можно найти в жизни совершенных, это полезно и потому, что для усовершенствования в киновийной жизни каждый усерднее учится и образовывается примером одного» (Это наставление относится только к новичкам, которые не могут сразу усвоить разные добродетели разных лиц, как усваивают преуспевшие, и среди множества добрых качеств могут, так сказать, растеряться и ничего не усвоить; а нужно сначала понемногу усваивать из примера немногих или даже одного).

Глава 41. Что пребывающему в общезитии особенно нужно соблюдать

«А чтобы тебе всего этого достигнуть и постоянно держаться этого духовного правила, живя в общезитии, ты должен соблюдать три правила, соблюдаемые и Псалмопевцем, который говорит: *я, как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает уст своих; и стал я, как человек, который не слышит и не имеет в устах своих ответа* (Пс. 37:14–15). Точно так и ты будь слепым, глухим и немым; – слепым, чтобы тебе, подобно слепому, не смотреть ни на что, кроме избранного тобою для подражания, на не служащее к поучению, чтобы, соблазнившись, не избрать худшего; – глухим, чтобы не внимать, подобно глухому, тем словам, которые произносят непокорные, упорные, порицатели и подобные им, которые очень легко могут своим примером развратить; – немым, по примеру Псалмопевца, который говорит: *я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим; буду обуздывать уста мои, доколе нечестивый предо мною. Я был нем и безгласен, и молчал даже о добром* (Пс. 38:2–3), чтобы быть тебе неподвижным и ничего не отвечать, подобно немому, когда слышишь злословия, когда наносят тебе обиды. К этим правилам следует особенно прибавить четвертое, которое требует, чтобы ты, по учению апостола, был безумным в мире сем, чтобы быть премудрым (1Кор. 3:18), т.е. не рассуждай о том, что тебе прикажут, а всегда в простоте сердца и с верою неси послушание, считая святым, полезным и мудрым только то, что тебе повелевает Закон Божий или старец. Когда ты будешь тверд в этих правилах, то постоянно пребудешь в учении и при всех искушениях и кознях врага не выйдешь из общезития».

Глава 42. Монах должен ожидать терпеливости не от добродетели других, а от своего великодушия

«Ты не должен ожидать своего терпения от добродетели других, т.е. будто ты приобретешь его только тогда, когда никто не будет огорчать тебя, что, впрочем, не в твоей власти, лучше приобретай его своим смирением и великодушием, которые в твоей власти».

Глава 43. Краткое изложение способа, как монах может восходить к совершенству

«Чтобы тебе удобнее запечатлеть в сердце своем все, заключающееся в этой пространной речи, я сокращу ее, дабы ты легче мог удержать в памяти сокращенное. Итак, вот каким образом беспрепятственно восходят к высшему совершенству: по словам Св. Писания (Притч. 1:7), начало нашего спасения и премудрости есть страх Господень. От страха Господня рождается спасительная скорбь сердечная, а от нее – отречение от мира, т.е. нищета и презрение всякого богатства. От нищеты происходит смирение, от смирения же происходит умерщвление воли, а умерщвлением воли истребляются все пороки. После истребления пороков добродетели плодятся и возрастают; при возрастании добродетелей приобретается чистота сердца, а чистотою сердца приобретается совершенство апостольской любви».

Книга пятая. О духе чревобесия

Глава 1. Переход от постановлений киновитян к борьбе против восьми главных пороков

При помощи Божией составляется нами эта пятая книга. Ибо после четырех книг, в которых изложены правила монастырские, при содействии Господа, по вашим молитвам, мы намереваемся теперь изобразить борьбу против восьми главных пороков: чревонеистовства, которое означает страсть обжорства, блуда, сребролюбия, под которым понимается корыстолюбие, или, если точнее выразиться, любовь к деньгам, гнева, печали, уныния, которое есть тоска, или скорбь сердца, тщеславия, гордости. Вступая в этот подвиг, мы теперь больше нуждаемся в твоих молитвах, блаженнейший папа Кастор, чтобы мы могли сначала надлежащим образом исследовать мелкие, скрытные и мрачные свойства пороков, потом достаточно изложить причины их, в-третьих, представить пригодное врачевание и средства против них.

Глава 2. Причины пороков во всех находятся, но не все их знают, и для открытия их мы нуждаемся в помощи Божией

Причины этих страстей все точно знают, они открыты исследованием старцев; а до того как были открыты, никто не знал их, хотя они (страсти) всех нас тревожат и во всех людях находятся. Но мы надеемся, что можем несколько объяснить их, если по вашим молитвам и нас достигнет слово Господне, сказанное через пророка Исаяю: *Я пойду пред тобою и горы уровняю, медные двери сокрушу и запоры железные сломаю; и отдам тебе хранимые во тьме сокровища (Ис. 45:2–3)*. И нам предшествуя, слово Божие смирят сильных нашей земли, т.е. те самые вредные страсти, которые мы хотим победить, отнимая у них господство и жестокую тиранию в нашем смертном теле, подвергнет нашему исследованию и, таким образом сокрушая врата нашего незнания и сламая запоры пороков, удаляющих нас от истинного знания, приведет к тайникам наших сокровищ. И по апостолу (1Кор. 4:5), просветив нас, откроет скрытое во тьме и обнаружит сердечные намерения, таким образом проникая чистыми очами души в густой мрак пороков, мы можем открыть их и вывести на свет. Можем разъяснить причины и свойства их как тем, которые не имеют их, так и тем, которые еще связаны ими, и таким образом, переходя через огонь пороков, жестоко опаляющих наши души, тотчас мы сможем невредимо пройти и через воды добродетелей, истребляющих пороки, и будучи орошаемы духовным целительством, чистотою сердца мы заслужим быть переведенными в отрадный покой совершенства.

Глава 3. Первая война должна вестись против духа чревобесия

Итак, нам следует прежде вступить в войну против чревобесия, которое, как мы сказали, есть страсть к объедению. Намереваясь сказать об образе поста и качестве пищи, мы опять обратимся к преданиям и постановлениям египтян, у которых, как всякий знает, находятся самые высокие правила воздержания и совершенный образ рассудительности.

Глава 4. Свидетельство аввы Антония, которым научает, что всякую добродетель надо заимствовать у того, кто в совершенстве владеет ею

Это древнее и удивительное мнение блаженного Антония, что монах, который по данному обету – жить в кинувии – старается достигнуть высшего совершенства и, приобретая опытность в рассудительности, уже может быть самостоятельным в суждении и достигнуть совершенства отшельнической жизни, не должен искать все добродетели у кого-то одного даже самого совершенного. Ибо иной украшается цветами знания, другой сильнее ограждается способностью рассуждения, иной утверждается крепостью терпения, иной отличается добродетелью смирения, иной воздержанием, иной красуется благодатью простоты; этот превосходит других великодушием, тот милосердием, этот бодрствованием, иной молчаливостью, другой трудолюбием. И потому монах, желая собрать духовный мед, как мудрая пчела, должен всякую добродетель заимствовать от тех, которые владеют ею в особенности, и прилежно слагать в свое сердце; не должен допытываться, кто какой имеет недостаток, а смотреть и старательно усваивать только добродетели. Ибо если мы хотим заимствовать от одного все добродетели, то трудно или вовсе никогда не находятся пригодные примеры для подражания. Ибо хотя мы еще не видим, чтобы Христос, по апостолу (1Кор. 15:28), был во всех; однако таким образом мы можем находить Его во всех, т.е. по частям. Ибо говорится о Нем: Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением (1Кор. 1:30). Следовательно, когда в одном открывается мудрость, в другом – праведность, в ином – святость, в другом – кротость, в ином – целомудрие, в другом – смирение, в ином – терпение, то Христос как бы разделится в каждом из святых. А когда все придут в единство веры и добродетели, то Он придет в мужа совершенного (Еф. 4:13), обретая полноту своего тела в соединении и усвоении каждого

члена. Следовательно, пока придет то время, когда Бог будет всем во всех, в настоящее время Бог может быть только вышесказанным образом, т.е. по частям добродетелей, хотя в полноте их Он еще не есть все во всех. Ибо хотя цель нашей религии одна, но различны пути жизни, по которым мы стремимся к Богу, как это полнее будет раскрыто в беседах старцев. И потому образ рассуждения и воздержания, в частности, должен быть заимствован нами у тех, от которых обильно истекают эти добродетели по благодати Св. Духа. А один кто-нибудь не может приобрести того, что разделено на многих; и мы в этих благах, к которым можем быть способны, должны стремиться к подражанию тем, которые особенно приобрели их.

Глава 5. Не могут все соблюдать одно правило поста

Итак, касательно образа поста не может удобно соблюдаться одно правило; поскольку не у всех тел одинакова крепость, и соблюдается пост не только силою души, как прочие добродетели. И потому, поскольку он состоит не в одном мужестве духа, а соразмеряется с силою тела, мы приняли такое определение, переданное нам, что различны должны быть время, способ и качество питания, именно по неодинаковому состоянию тела или по возрасту и полу; но у всех должно быть одно правило укрощения плоти для воздержания сердца и укрепления духа. Ибо не все могут соблюдать пост по неделям; некоторые не могут не принимать пищу более трех или двух дней, а иным по болезни или старости трудно пробыть без пищи до заката солнечного. Не для всех одинаково питательны овощи или сухой хлеб. Иному для насыщения нужно два фунта, а другой чувствует тягость, если съест фунт или полфунта; но все воздержники имеют одну цель, чтобы, принимая пищу по мере способности, не вдаваться в пресыщение. Ибо не только качество пищи, но и количество расслабляют душу, разжигая в ней, как и в утучненной плоти, вредоносный греховный огонь.

Глава 6. Не одним вином омрачается ум

Чрево, пресыщенное какою-либо пищею, порождает семя сладострастия, и дух, подавляемый тяжестью пресыщения, не может быть рассудительным. Ибо не только чрезмерное употребление вина лишает человека разума, но и безмерное употребление пищи также расстраивает, помрачает его и лишает чистоты и непорочности. Так, причиною гибели и разврата содомлян было не только пьянство, но и пресыщение, как сказал Бог Иерусалиму через пророка: *вот в чем было беззаконие Содомы, сестры твоей и дочерей ее: в гордости, пресыщении* (Иез. 16:49). И поскольку это пресыщение породило в них сильнейшую похоть плотскую, то правосудный Бог истребил их серным огнем. Итак, если содомлян довело до таких беззаконий пресыщение, то чего оно не сделает с теми, которые, будучи здоровы телом, не удерживаются от употребления мяса и вина, удовлетворяя похоти, а не требованию немощи природы.

Глава 7. Нemoщь плоти не может препятствовать чистоте сердца

Нemoщь плоти не воспрепятствует сердечной чистоте, если употребляем только ту пищу, которая нужна для укрепления нemoщи, а не ту, которой требует похоть. Мы видим, что те, кто воздерживались от мясной пищи (умеренное употребление которой в нужде позволительно) и из любви к воздержанию отказывались от всего, падали скорее, чем те, кто по слабости употреблял такую пищу, но в меру. И при слабости тела можно сохранить воздержание, если только человек будет употреблять дозволенную пищу столько, сколько нужно для поддержания жизни, а не для удовлетворения похоти. Питательная пища и здоровые тела сохраняет, и чистоты не лишает, если только умеренно употребляется. Поэтому во всяком состоянии можно сохранить воздержание и быть непорочным.

Глава 8. Как можно желать и употреблять пищу

Итак, весьма справедливо думали отцы, что пост и воздержание состоят в умеренности, и что все, помогающие совершенной добродетели, принимая пищу, необходимую для поддержания тела, должны воздерживаться, когда еще хочется есть. И слабый телом может сравняться в добродетели со здоровыми и крепкими, если будет обуздывать похоти, которых не требует немощь плоти. Ибо и апостол говорит: *плотоугодия не творите в похоти*, т.е. он не запрещает заботиться о плоти, а только говорит, чтобы это не делалось в похоти; запрещает угождение прихотям плоти, а не заботу, которая необходима для поддержания жизни, и запрещает потому, чтобы мы, потворствуя плоти, не стали во вред себе исполнять похотей. Между тем заботиться о теле нужно потому, чтобы, испортив его пренебрежением, не потерять возможности исполнять духовные и необходимые наши обязанности.

Глава 9. Как надо поститься

Поэтому сущность воздержания состоит не только в том, чтобы соблюдать время употребления пищи, и не только в качестве пищи, но прежде всего в рассудительном употреблении ее. Каждый должен поститься столько, сколько нужно для укрощения плотской борьбы. Полезно и непременно нужно соблюдать канонические правила, касающиеся постов; но если после поста не будет сохранена умеренность в употреблении пищи, то соблюдение правил не приведет к чистоте. Ибо если после воздержания в продолжительные посты употребить пищи в сытость, то это больше произведет в теле расслабления, нежели чистоты целомудрия; потому что для чистоты духа требуется воздержанность желудка. Кто не умеет соблюсти одинаковой меры в воздержании, тот не может иметь постоянной чистоты целомудрия. Строгие посты делаются напрасными, когда за ними последует излишнее употребление пищи, которое скоро доходит до порока чревобесия. Поэтому лучше каждый день умеренно употреблять пищу, нежели временами обрекать себя на долгие и строгие посты. Неумеренный пост не только может расслабить дух, но, обессилив тело, ослабить и силу молитвы.

Глава 10. Для сохранения чистоты души и тела недостаточно одного воздержания от пищи

Для сохранения чистоты душевной и телесной недостаточно одного воздержания от пищи; для этого нужны еще и другие добродетели душевные. Прежде всего, через послушание, скорбь сердечную и утомление тела трудом надо научиться смирению. Денег не только нельзя иметь, но и желание их надо истребить, потому что недостаточно не иметь их, нужно не питать и желания брать их, когда предлагают; гнев надо подавить, уныние победить, тщеславие отвергнуть, гордость поправить, непостоянные помыслы ума обуздать непрерывным памятованием о Боге. К созерцанию Бога непостоянное наше сердце должно устремляться непрерывно потому, что в изгибах его кроется коварный враг, который старается отвлечь ум от этого спасительного занятия.

Глава 11. Похоти сердечные подавляются только с отсечением пороков

Ибо невозможно подавить разжигание плоти, пока не будут совершенно истреблены прочие главные пороки, о которых в своем месте в особых книгах, Бог даст, будем рассуждать. А теперь мы намерены рассуждать о чревобесии, т.е. страсти к объедению, против которой должна вестись у нас первая война. Итак, кто не обуздывает страсти пресыщения, тот никогда не может подавить возбуждения пламенной похоти. Чистота внутреннего человека измеряется совершенством этой добродетели. Никогда не надейся, что тот сможет противоборствовать более сильным соперникам, кто побеждается слабейшими в более легкой борьбе. Ибо свойство всех добродетелей одно, хотя они разделяются на многие виды и наименования; так же и сущность золота одна, хотя оно, по способности и воле художников, кажется различным в разных украшениях. Итак, тот никакой добродетелью не владеет в совершенстве, кто не имеет некоторых из них. (Все добродетели тесно связаны между собою. По словам св. Григория Двоеслова, одна добродетель без других или невозможна, или несовершенна. Так, например, надо сказать о первых четырех добродетелях: благоразумие, воздержание, мужество и правда настолько бывают совершенны, насколько взаимно соединены между собою. А будучи разъединены, никак не могут быть совершенными, поскольку благоразумие не будет истинным, если не будет праведным, воздержанным и мужественным; воздержание также несовершенно, если не бывает мужественным, праведным и благоразумным; и мужество не будет непорочно, если не будет благоразумно, воздержанно и праведно; и правда не будет истинной, если не будет благоразумной, мужественной и воздержанной). Ибо каким образом он погасит пылающий жар похоти, воспламеняющийся не только от вожделения тела, но и от порочности души, если не может укротить гнев, прорывающийся по невоздержности одного лишь сердца? Или каким образом обуздает

сладоострастное возбуждение плоти и души, если не может победить простой порок гордости? Или как подавит присущую плоти похоть, если не может отвергнуть страсть к деньгам, которая не насаждена в нас, чужда нашей природе? Как будет торжествовать победу души над плотью, если не силен исцелить болезнь печали? Всякий город укрепляется высотой стен и крепостью запертых ворот, а с отворением одной, хотя бы самой малой дверки, он будет опустошен. Ибо какая разница, через высокие ли стены и широкие ворота или через потаенный подземный проход ворвется губительный враг в город?

Глава 12. В духовной борьбе нужно подражать борьбе телесной

Кто на поприще подвизается, *тот не увенчается, если незаконно будет подвизаться* (2Тим. 2:5). Кто желает подавить прирожденные желания плоти, тот должен поспешить сначала победить пороки, находящиеся вне нашей природы. Ибо если хотим испытать силу апостольского изречения, то сначала должны узнать законы и правила мирского подвижничества, чтобы потом, сравнивая, могли узнать, чему святой апостол этим примером хотел научить нас, подвизающихся на духовном поприще. На (мирских) поприщах, на которых, по апостолу, дается венец тленный, бывает такой обычай: тот, кто старается приготовить себя к получению славного венца, украшенного преимуществом свободы (увольнения от податей) и одержать совершенную победу на поприще, должен прежде на олимпийских и пифийских поприщах (Поприще – арена, место состязания. В данном случае имеются в виду Олимпийские и Пифийские игры. – Прим. ред.) показать способность своей молодости и силу первых опытов. На этих поприщах юноши, желающие заниматься этим искусством, испытывались как управляющим этими поприщами, так и суждением всего народа. Когда выяснялось, что юноша, во-первых, ничем не обесславлен по жизни; во-вторых, что не находится под игом бесчестного рабства и по этой причине достоин сего упражнения и общества занимающихся им; в-третьих, если представляет верное свидетельство своего искусства и храбрости, сражаясь с младшими и ровесниками и преуспев на поприще борцов (Ερθεβονιμ*) (*Эфебией [от εἶπῃ и ἡβης – зрелость возраста] называлось место в Афинах, на котором юноши предавались гимнастическим упражнениям, – бегали взапуски, боролись, дрались на кулачках, прыгали и проч.), докажет ловкость и силу своей юности, то получал дозволение схватиться уже с совершенными мужами, испытанными долгим опытом. Если же постоянным противоборством доказал, что он не только равен им по силе, но и часто получал у них пальму победы, тогда

наконец удостоивается быть на знаменитом поприще, на котором позволяется вступать в противоборство только победителям и мужам, украшенным наградами многих венцов. Если мы поймем пример телесного ратоборства, то по сравнению с ним мы должны познать, каков порядок должен быть и в духовной борьбе.

Глава 13. Если не освободимся от порока чревоугодия, никак не можем вступить в борьбу внутреннего человека

Также и нам следует сначала покорением плоти доказать свою свободу. *Ибо кто кем побежден, тот тому и раб* (2Пет. 2:19). *Всякий, делающий грех, есть раб греха* (Ин. 8:34). И когда начальник подвижничества после испытания найдет нас не замаранными никаким бесчестьем гнусной похоти и не сочтет нас рабами плоти, неблагородными и недостойными олимпийской борьбы с пороками, тогда мы можем вступить в борьбу с нашими сверстниками, т.е. с похотью плоти и возмущениями души. Ибо невозможно сытому чреву вступить в борьбу внутреннего человека, нельзя сражаться с сильнейшими тому, кто побежден в более легком сражении.

Глава 14. Как можно победить страсть чревоугодия

Итак, сперва нам следует подавить страсть чревоугодия. И ум до того должен быть утончен не только постом, но и бдением, и чтением, и частым сокрушением сердца о том, в чем сознает себя прельщенным или побежденным, то сокрушаясь от страха пороков, то воспламеняясь желанием совершенства и непорочности, пока, занятый такой заботою и размышлениями, не осознает, что принятие пищи допущено не столько для удовольствия, сколько послужило в тягость ему, и будет считать ее необходимой потребностью тела, а не души. Занятые таким упражнением ума и сокрушением, мы подавим сладострастие плоти, усиливающееся от разгорячения пищею и вредного жала ее; и таким образом печь нашего тела, которая разжигается вавилонским царем (т.е. дьяволом), постоянно доставляющим нам поводы к грехам и порокам, сжигающим нас наподобие нефти и смолы, мы можем погасить обилием слез и сердечным плачем, пока жар плотской похоти совершенно не будет погашен благодатью Божией, веющей в сердцах наших духом росы своей. Итак, это – наше первое состязание, наш первый опыт, как на олимпийских сражениях, – желанием совершенства истребить страсть объедения и чревоугодия. Для этого не только излишнее пожелание пищи надо подавить ради добродетелей, но и самую необходимую для природы пищу, как противную целомудрию, нужно принимать не без скорби сердечной. И течение нашей жизни должно быть установлено таким образом, чтобы ни в какое время не отвлекаться от духовных занятий, разве только когда слабость тела побуждает снизойти к необходимой заботе о нем. И когда подчиняемся этой необходимости, то, удовлетворяя больше потребности жизни, нежели вожделению души, мы должны спешить оставить ее, как отвлекающую нас от спасительных занятий. Ибо мы не можем презреть удовольствия пищи, если ум, предавшись божественному созерцанию, не будет услаждаться любовью к добродетелям и красотой небесных предметов. И таким образом всякий будет презирать все настоящее, как

скоропреходящее, когда непрерывно будет устремлять взор ума к непоколебимому и вечному, еще будучи в теле, будет созерцать блаженство будущей жизни.

Глава 15. Для сохранения чистоты сердца монах должен быть всегда внимателен к себе

Это подобно тому, как если бы кто старался проницательные взоры, как стрелу, устремлять к необычным наградам за добродетели, на высоте обозначенным какими-нибудь малыми знаками, зная, что от их устремления зависит знаменитая слава и высшая награда, и, отводя глаза от всякого другого видения, непременно устремлял бы их туда, где находится высшая награда. Но если хоть немного отведет взор от созерцания награды, то, без сомнения, лишится пальмы за искусство и награды за добродетель.

Глава 16. Монах не может вести битвы духовной, если не одержит победы над плотью

Итак, этим созерцанием победив страсть чревоугодия и объедения и оказавшись не рабами плоти и не осрамленными пороками, мы, как на олимпийских упражнениях, будем признаны достойными вступить в высшие противоборства. И после предъявления таких доказательств к нам будут иметь доверие, что можем сражаться с духами злобы, вступающими в борьбу только с победителями, и с теми, кто заслуживает быть допущенным состязаться на духовном поприще. Это есть как бы самая твердая основа во всякой борьбе – подавить сперва плотские вожеления. Ибо, не обуздав своей плоти, никто не может законно сражаться. А кто законно не сражается, тот, без сомнения, не может и на ратоборном поприще состязаться и заслужить венец славы, награду за победу. А если на этом ратоборстве будем побеждены, обличены как рабы плотской похоти, не представив знаков ни свободы, ни крепости, то, как недостойные рабы, с посрамлением тотчас будем выгнаны с поприща духовной борьбы. *Ибо всякий, делающий грех, есть раб греха* (Ин. 8:34). И будет сказано нам святым апостолом: *вас постигло искушение не иное, как человеческое*, т.е. легкое (1Кор. 10:13). Ибо мы не заслужим вступить в более трудную войну с небесными непотребствами (злыми духами), если не могли покорить слабую плоть, противящуюся нашему духу.

Глава 17. Основание духовного ратоборства состоит в борьбе с чревобесием

Хочешь ли слышать истинного подвижника (атлета) Христова, сражающегося по законному праву ратоборства? Я, говорит, *бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным* (1Кор. 9:26–27). Видишь, как он в самом себе, т.е. в своей плоти заключил сущность ратоборства, как на самое твердое основание поставил и успех борьбы в усмирении плоти, и покорение своего тела! Итак, *я бегу не так, как на неверное. Бежит верно тот, кто, взирая на небесный Иерусалим, имеет его всегда в виду, к нему направляет неуклонное стремление сердца своего. Бежит верно тот, кто, забывая заднее, простирается вперед, стремясь к определенной почести высшего звания Божия во Христе Иисусе* (Флп.3:13–14), куда всегда устремляя взор своего ума и спеша к нему со всею готовностью сердца, с надеждою взывает: *подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил* (2Тим. 4:7). И поскольку знал, что он с ревностью неумоимо бежал за обонянием благоухания Христова и изнурением плоти одержал победу на духовном противоборстве, то с уверенностью говорит: *а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный* (Там же, 8). А чтобы и нам подать подобную надежду на воздаяние, если на поприще этой жизни захотим подражать ему, он присоединил: *и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его* (Там же, 8), провозглашая, что в день суда мы будем участниками в его венце, если, любя пришествие Христа (не только видимое, когда Он в конце мира явится, но и духовное, когда ежедневно приходит в святые души), изнурением тела одержим победу в противоборстве. О том пришествии Господь в Евангелии говорит: *Я и Отец Мой придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14:23). И еще: *вот стою у двери, и стучу. Если*

кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною (Апок. 3:20).

Глава 18. Какими подвигами святой апостол получил венец славы

Впрочем, апостол не только течения путь совершил, как говорит: я бегу не так, как на неверное, что, в частности относится к напряжению ума и горячности духа его, которым он со всем жаром следовал за Христом, воспевая с невестою: *за Тобою побежим для обоняния мастей твоих* (Песн. 1:3). И еще: *к Тебе прилепилась душа моя* (Пс. 62:9). Апостол свидетельствует, что он одержал победу и в другом роде борьбы, говоря: *бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и порабощаю тело мое* (1Кор. 9:26–27). Это относится к скорбям воздержания, телесному посту и сокрушению плоти; этим апостол представляет себя мужественным борцом со своей плотью, показывает, что не напрасно давал ей удары воздержания, но умерщвлением своего тела достиг трофея борьбы. Усмирив плоть бичами воздержания и сокрушив ударами поста, духу-победителю он принес венец бессмертия и пальму нетления. Видишь законный порядок ратоборства и усматриваешь исход духовного сражения: как воин Христов, одержав победу над соперницею плотью, повергнув ее к ногам своим, он восседает на колеснице, как великий победитель. (Этим указывается на обычай римлян воздавать почести победителям. Триумфом называлось высшее торжество всех почестей, которое устраивалось только в честь знаменитых вождей или императоров, которые, одержав славную победу над врагами, с торжеством всего народа возвращались в свой город на колеснице позолоченной, которую везли четыре белых коня; на голову им надевали венец золотой; сенат и народ сопровождали их в храм Юпитера Капитолийского для принесения жертвы и отсюда отвозили в дом с пышными церемониями). И потому он бежит не на неверное, потому что надеется скоро войти в небесный Иерусалим. Он бьется (т.е. постом и усмирением плоти) не так, чтобы только воздух бить (т.е. напрасно раздавая удары воздержания), но духов, находящихся в нем (т.е. страсти и похоти). И поскольку эти

виды противоборства он совершил и прошел, будучи пожалован многими венцами, то он достойно вступает в сражение с более сильными врагами и, восторжествовав над первыми соперниками, с надеждою взывает: наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных (Еф. 6:12).

Глава 19. У подвижника Христова не прекращается борьба, пока он находится в теле

У подвижника Христова не бывает недостатка в сражениях; но чем больше он возрастает в успехах победы, тем более сильное противоборство наступает. Ибо после покорения плоти какое множество противников, какое полчище врагов, раздражаемых его триумфом, восстает против победителя – воина Христова! Это для того, чтобы воин Христов, разленившись от праздности мирного состояния, не забывал о славных подвигах своего противоборства и, расслабев от бездействия беспечного, не лишился бы награды. Итак, если с возрастанием добродетели хотим взойти к высшим степеням триумфа, то в том же порядке должны вступить в сражения и вновь с апостолом говорить: *бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и поработаю тело мое (1Кор. 9:26–27)*, чтобы, преодолев это сражение, опять с ним (апостолом) мы могли говорить: *наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных (Еф. 6:12)*. Ибо иначе мы никаким образом не сможем сразиться с ними и не заслужим того, чтобы вступить в духовную борьбу, если будем побеждены в сражении с плотью и разбиты в борьбе с чревом. Тогда справедливо будет нам сказано апостолом с укоризною: *вас постигло искушение не иное, как человеческое (1Кор. 10:13)*.

Глава 20. Монах не должен изменять время принятия пищи, если хочет вступить в подвиг борьбы

Итак, монах, желая вступить в подвиг борьбы, во-первых, должен быть осторожен, чтобы, побеждаясь сластью какого-нибудь питья и пищи, не позволять себе принимать пищу до законно установленного и общего часа обеда, да и по окончании обеда не позволять себе брать хоть сколько-нибудь пищи и питья; также должен соблюдать установленное время и меру сна. С таким же старанием надо отсекал сладострастие души, как избегать и порока блуда. Ибо кто не мог обуздать излишних пожеланий чрева (Чрево, по словам св. Григория Великого, искушает нас таким образом: иногда до установленного времени желает есть; иногда, хоть и не прежде времени, но желает пищи более дорогой, лакомой; иногда, не разбирая пищи, какова бы она ни была, только желает, чтобы она лучше была состряпана; а иногда погрешает в количестве пищи, превышает меру потребности, это чаще всего бывает; иной же ест с жадностью всякую грубую пищу слишком торопливо или часто), как тот сможет погасить разжигание плотской похоти? И кто не мог подавить страсти явные и малые, как тот сможет победить страсти тайные, возникающие вне всякого наблюдения людей?

Глава 21. О внутреннем мире монаха и духовном воздержании

Нам нечего бояться внешнего неприятеля; враг в нас самих скрывается. В нас ежедневно происходит внутренняя война; после одержания победы в ней все внешнее сделается слабым и с воином Христовым все помирится и покорится ему. Мы не будем иметь такого неприятеля, которого бы следовало бояться вне нас, если внутреннее будет в нас побеждено и покорено духу. Мы должны верить, что один телесный пост не может быть достаточным для совершенства сердца и чистоты тела, если не будет соединен с ним и пост душевный. Ибо и душа имеет свою вредную пищу, насытившись которой и без обилия телесной пищи впадет в сладострастие. Злословие есть пища ее и притом приятная; гнев есть также пища ее, хотя вовсе не легкая: на час насыщает душу несчастной пищей, а вместе с тем поражает и смертоносным вкусом. Зависть есть пища души, которая растлевает ее ядовитыми соками и непрестанно мучит ее, бедную, благополучием чужого успеха. Тщеславие есть пища ее, которая приятным вкусом на время услаждает, а после делает душу пустой, лишает всякой добродетели, оставляет бесплодной, лишенной всех духовных плодов: не только губит заслуги необычайных трудов, но еще навлекает большое наказание. Всякая похоть и блуждание непостоянного сердца есть корм души, питающий ее вредными соками, а после оставляет ее не причастной небесного хлеба. Итак, воздерживаясь при посте от этих страстей, сколько у нас есть сил, мы будем иметь полезный пост телесный. Труды плоти, соединенные с сокрушением духа, составят приятнейшую жертву Богу и достойную обитель святости в сокровенности чистого, благоукрашенного духа. Но если, постясь телесно, мы будем опутаны гибельными пороками души, то изнурение плоти не доставит нам никакой пользы, при осквернении драгоценнейшей части (души), которая бывает жилищем Св. Духа. Ибо не столько тленная плоть, сколько чистое сердце бывает храмом Божиим и жилищем Св. Духа. Следовательно,

постясь по внешнему человеку, нужно воздерживаться от вредной пищи и по внутреннему человеку, которого святой апостол особенно убеждает предстать чистым Богу, чтобы удостоиться принять в себя гостя – Христа (Еф. 3:16–17).

Глава 22. Нам надо упражняться в телесном воздержании, чтобы через него перейти к духовному посту

Итак, мы должны знать, что труд телесного воздержания мы поднимаем для того, чтобы этим постом достигнуть чистоты сердца. Впрочем, труд этот употребляется нами напрасно, если, зная цель, неустойчиво поднимаем труд поста, а цели, для которой переносим столько скорбей, не можем достигнуть. Лучше воздержаться от запрещенной пищи души (т.е. грехов, пороков), чем телесно воздерживаться от не запрещенной и менее вредной пищи. Ибо в телесной пище бывает простое и безвредное употребление творения Божия, само по себе не имеющее никакого греха, а в душевной пище (пороках) бывает сначала гибельное пожирание братьев, о котором говорится: *не люби злословить, чтобы не быть тебе истребленным* (Притч. 20:13). Также о гневе и зависти говорит блаженный Иов: *безрассудного убивает гнев, умерщвляет раздражительность, и легкомысленного умерщвляет зависть* (Иов. 5:2). И также надо заметить, что тот, кто гневается, тот безрассуден, и кто завидует, тот считается легкомысленным. Тот справедливо считается безрассудным, кто гневом сам себе причиняет смерть; а завистник показывает, что он тупоумен и мелочен. Ибо когда завидует, то тем самым свидетельствует, что тот, о чьем счастье он скорбит, выше его.

Глава 23. Какова должна быть пища монаха

Пищу нужно принимать не только такую, которая погашает пламень сладострастия и не разжигает его, но и которую можно удобно приготовить, а также дешевую и отвечающую состоянию и пользе братьев. Чревоугодие разделяется на три вида: один вид побуждает принимать пищу раньше определенного часа; другой – любит только пресыщаться какой бы то ни было пищею; а третий – хочет лакомой пищи. Против этого монах должен иметь троякую осторожность: ожидать определенного для принятия пищи времени; не должен пресыщаться; должен довольствоваться любой пищею низкого сорта. Древнейшие отцы говорили, что тот, кто употребляет пищу не такую, какую употребляют все, и не в установленное время, тот заражен тщеславием и гордостью. Поэтому среди них даже отличившиеся даром познания и рассуждения не презирали хлеба самого низкого; а из тех, кто вопреки этому правилу, оставив хлеб, употребляли или коренья, или овощи, или яблоки, никто не только не сделался искусным, но и не получил дара рассуждения или познания. По их мнению, монах не только не должен желать той пищи, которой нет у других в употреблении, чтобы тщеславием не испортить того дела, которое как бы выставлено всем напоказ, но и обычный пост его должен быть, насколько возможно, сокровенен и неизвестен. А когда приходят к нему братья, то ради любви он должен думать не о том, чтобы соблюсти пост и свою пользу, а чтобы успокоить приходящего.

Глава 24. В Египте ради посещения братьев прекращают ежедневный пост

Когда мы, желая узнать правила старцев, пришли из Сирии в Египет, то там нас принимали с таким радушием, что не заставляли нигде поститься до определенного часа, а везде, куда мы приходили, исключая среду и пятницу, разрешали нам есть до наступления срока. Один из старцев, когда мы спросили его, почему они так равнодушны к ежедневным постам, отвечал так: пост всегда со мною, а вас удержать при себе навсегда не могу. Хотя пост полезен и постоянно нужен, он, впрочем, составляет жертву произвольного дара, а дело любви есть необходимое требование заповеди, которое нужно исполнить. Поэтому, принимая в вас Христа, я должен напитать Его; отпустив же вас, могу вознаградить сделанное ради Него снисхождение строжайшим постом; *можете ли заставить сынов брачного чертога поститься, когда с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни (Лк. 5:34–35).*

Глава 25. О воздержании одного старца, который шесть раз так умеренно принимал пищу, что еще чувствовал голод

Один старец, угощая меня, просил еще немного поесть; я сказал, что уже не могу; на это он ответил: во время прихода разных братьев я уже шесть раз предлагал пищу и, угощая каждого, со всеми принимал пищу, однако еще чувствую голод, а ты теперь один раз поел и говоришь, что больше не можешь.

Глава 26. О другом старце, который в своей келье никогда один не принимал пищи

В пустыне мы видели другого старца, который говорил, что он никогда один не вкушал пищу. Если в течение всех пяти дней никто из братьев не приходил к нему, то и он все пять дней не ел, пока в субботу и воскресенье, отправляясь в церковь для общественного богослужения, не находил какого-либо странника, которого приводил в свою келью и вместе с ним вкушал пищу, и то не столько по требованию нужды, сколько ради гостеприимства и братской любви. Поэтому, как по случаю прихода братьев они отменяют посты ежедневные, так после ухода их сделанное послабление вознаграждают строжайшим постом и за принятие малейшего количества пищи уменьшают обычную меру не только хлеба, но и сна.

Глава 27. Похвала аввам Песию и Иоанну

Старец Иоанн (Ему принадлежит 19 собеседование – о цели киновии), начальствовавший над многочисленным общежитием, придя к старцу Песию, жившему в пустыне, спрашивал его, как прежнего своего сожителя, что он делал в продолжение сорока лет, как они расстались, когда никто из братьев не беспокоил его. Песий отвечал: солнце никогда не видало меня едящим. А меня, – отвечал Иоанн, – оно не видало гневным.

Глава 28. Того же аввы Иоанна предсмертное наставление

Того же старца, когда он с радостью отходил из мира сего, скорбящие братья просили оставить им в наследство какую-нибудь заповедь, соблюдая которую, они удобнее могли бы достичь высшей степени совершенства. Иоанн со вздохом отвечал: я никогда не исполнял своей воли и никого не учил тому, чего сам не делал.

Глава 29. Об авве Махете, который во время духовного собеседования никогда не спал, а во время разговоров о земном засыпал

Старец Махет, живший вдали от братьев, непрестанными молитвами испросил себе у Господа такую благодать, что сон не овладевал им, сколько бы дней и ночей ни продолжалось духовное собеседование. Если же кто-нибудь начинал злословить или пустословить, то он тотчас засыпал, так что ад злословия не касался даже ушей его.

Глава 30. Того же старца мнение о том, что не следует никого осуждать

Тот же старец, наставляя нас тому, что не следует никого осуждать, говорил, что было три предмета, за которые он осуждал или порицал братьев: за то, что некоторые позволяли себе отрезать язычок гортанный; что имели в кельях плащ (сагу – военную верхнюю одежду); что, благословляя масло, давали просящим мирянам. И во все это, говорил, он и сам впадал. Ибо, получив болезнь гортанного язычка, я, говорит, столь долго страдал от боли, пока побуждаемый неизбежностью страдания и увещанием всех старцев, не позволил отрезать его. Под предлогом этой немощи я вынужден был иметь также и плащ. Благословлять елей и давать просящим – это я осуждал больше всего, так как думал, что это происходит от большой надменности сердца; а когда нечаянно окружили меня многие миряне, я до того стеснен был, что мог вырваться от них не иначе, как возложив свою руку на принесенный ими сосуд с изображением крестного знамения. Таким образом, поверив, что получили благословенный елей, они наконец оставляли меня. Из этого для меня ясно стало, что монах подвергается той же вине и порокам, за которые вздумал бы осуждать других. Следовательно, всякому можно судить только себя самого, осмотрительно, осторожно наблюдать за собою во всем, а не расследовать жизнь и поведение других, об этом и апостол говорит: *что ты судишь брата своего? Пред своим Господом стоит он, или падает (Рим. 14:4)*. И еще: *не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы (Мф. 7:1–2)*. Кроме сказанной причины, еще потому опасно судить о других, что мы не знаем необходимости или причины, по которой они поступают. Может быть то, чем мы соблазняемся, правильно перед Богом или извинительно, а мы оказываемся безрассудными судьями их и этим допускаем нелегкий грех, думая о своих братьях иначе, нежели должно.

Глава 31. Обличение того же старца, когда он увидел, что братья во время духовного собеседования засыпали, а при рассказе пустой басни пробуждались

Тот же старец опытом доказал, что дьявол благоприятствует пустым разговорам, а духовным собеседованиям всегда препятствует. Однажды он рассуждал с некоторыми братьями о предметах необходимых и духовных; во время этого рассуждения стало клонить их ко сну так, что они не могли преодолеть сонливости. Когда же он вдруг начал рассказывать одну басню, то они тотчас пробудились и стали слушать со вниманием. Увидев это, он со вздохом сказал: пока мы говорили о предметах небесных, то вас одолевал сильный сон, а когда начали рассказывать басню, то все вдруг воспрянули. По крайней мере, из этого обстоятельства уразумейте, что радующийся злу и постоянно внушающий его, а добро истребляющий, препятствует духовным собеседованиям, а к плотским и бесполезным разговорам побуждает.

Глава 32. О письмах, сожженных до прочтения

Нельзя также умолчать о следующем деле одного брата, который имел великую заботу о чистоте своего сердца и о созерцании божественном. Спустя пятнадцать лет после того, как он оставил мир, принесли ему из Понта много писем от отца, матери и друзей. Приняв их, он рассудил, что если прочтет те письма, то в душе его может возродиться пустая радость или бесполезная печаль, и что воспоминание о писавших к нему надолго отвлечет его от любимого занятия созерцанием, так что он с большим усилием сможет возвратить то спокойствие, которое нарушится этим воспоминанием. Подумав об этом он не только не решился прочитать письма, но чтобы, вспомнив имена или вообразив лица писавших, не отстать от духовного занятия, не распечатав их, бросил в огонь, промолвив: и помыслы об отчизне сгорите также, чтобы через вас не возвратиться мне к тому, от чего я удалился.

Глава 33. О решении вопроса, которое авва Феодор испросил молитвою

Мы еще видели авву Феодора (Вероятно, это ученик Пахомия Великого, которому принадлежит 6 собеседование), отличавшегося святой жизнью и знаниями не только в деятельной жизни, но и в Св. Писании, которые он приобрел не через чтение или обучение, а лишь чистотою сердца, потому что он едва знал несколько греческих слов. Чтобы решить один темный вопрос, он в продолжение семи дней и ночей непрерывно молился, и Бог открыл ему, как решить вопрос.

Глава 34. О мнении того же старца, который учил, что монах может приобрести знание Священного Писания не исследованием его, а молитвою и чистотою сердца

Когда некоторые братья удивлялись его ясным понятиям и просили пояснить некоторые места Св. Писания, то он сказал: монах, желающий понимать Св. Писание, должен заниматься не столько чтением толкователей, сколько очищением сердца от плотских пороков. Если эти пороки будут истреблены, то, сняв покрывала страстей, душевные очи будут созерцать тайны Св. Писания. Ибо оно не для того открыто от Св. Духа, чтобы мы его не знали; темно же оно потому, что душевные наши очи закрываются покровом пороков; а если им возвратить естественное их здоровье, то и одного чтения Св. Писания достаточно будет для понимания истинного его смысла, и не будет нужды в помощи толковников, подобно тому, как телесные глаза не нуждаются ни в какой науке для видения, если только они чисты и нет темноты. Оттого-то и у самих толкователей произошло столько различий и погрешностей, что, приступая к толкованию Св. Писания, не заботятся об очищении духа: по причине нечистоты сердечной они не только не видят света истины, но еще придумывают много противного вере.

Глава 35. Обличение того же старца, когда в полночь пришел в мою келью

Тот же Феодор, желая узнать, что я (тогда еще молодой отшельник) делаю, неожиданно в полночь пришел ко мне в келью. Увидав, что я по окончании вечерних молитв лег на рогожу для отдыха ослабевшего тела, он со вздохом сказал: Иоанн! сколь многие в настоящий час беседуют с Богом и объемлют Его сердцем и умом, а ты, предаваясь сну, лишаешься такого света. Поскольку к этим повествованиям отклониться нас заставили добродетели и благодать отцов, то я считаю нужным упомянуть здесь о той любви, какую по человеколюбию оказал нам высокий муж Архебий, чтобы чистота воздержания, соединившись с делами любви, яснее проявилась в разнообразной красоте. Ибо пост тогда делается жертвою приятной Богу, когда будет украшен плодами любви.

Глава 36. Описание пустыни Диолкосской, в которой пребывали отшельники

Итак, когда мы из монастырей палестинских, как необразованные вовсе новички, пришли к египетскому городу Диолкосу и там с удивлением осмотрели большой общежительный монастырь, отличавшийся строгостью правил и прекрасным порядком монахов, то, по совету всех, мы отправились посмотреть на особый, высший род монахов, называвшихся отшельниками. Они сначала долго живут в киновии, пока не научатся терпению, рассуждению, смирению, бедности и дочиста не исторгнут из себя все пороки, потом, намереваясь вступить в жесточайшую битву с демонами, удаляются в отдаленные места пустыни. Мы узнали, что такого рода мужи живут у протока Нила, в такой местности, которая, одной стороною примыкая к реке, а другой гранича с обширнейшим морем, составляет остров, на котором могут жить лишь одни желающие уединения, потому что он, по причине песчаного и соленого грунта земли, неспособен к возделыванию. Увидев их, мы весьма удивились безмерным их трудам, которые они несут для упражнения в добродетелях и из любви к уединению. Они даже в воде нуждаются так, что раздают ее по самой малой мере и берегут ее как самое драгоценное вино, ибо приносят ее на себе за три тысячи шагов или дальше того, проходя до русла реки через горы песка.

Глава 37. Човеколюбие аввы Архебия

Итак, когда, увидев их, мы воспламенились желанием подражать им, и вышеупомянутый Архебий, отличнейший между ними, гостеприимно призвал нас в свою келью, то, узнав наше желание, объявил, что он хочет уйти из этого места, почему и предложил нам свою келью, уверяя, что он оставил бы ее, даже если нас и не было. Воспламенившись желанием пожить здесь и поверив словам его, мы приняли от него келью со всей утварью домашней. Употребив такой благочестивый обман, после выхода из этого места через несколько дней, в течение которых готовил материал для постройки кельи, он, возвратившись, с большим трудом построил себе другую келью. Спустя некоторое время и эту келью со всей утварью он отдал другим братьям, изъявившим желание остаться тут, а сам, будучи неутомимым в делах любви, построил себе третью келью.

Глава 38. Тот же Архебий трудами рук своих уплатил долг матери

Считаю нужным упомянуть еще о другом деле любви этого мужа, чтобы наши монахи примером его научились не только строгому воздержанию, но еще искренней любви. Он происходил из знатной фамилии и еще в отрочестве ушел в монастырь, отстоявший от означенного города почти на четыре тысячи шагов. Здесь он вел такую жизнь, что в продолжение пятидесяти лет не только не входил в то селение, из которого ушел, но не видал и лица никакой женщины, даже матери своей. Впрочем, когда он узнал, что его отец до смерти не успел выплатить долга, состоящего из ста золотых монет, и что заимодавцы сильно беспокоят мать его, то решил помочь матери, не изменяя тем строгим правилам, что соблюдал по любви к благочестию. Не выходя из монастыря, он начал заниматься обычным рукоделием втрое больше. Таким образом, занимаясь в продолжение года днем и ночью, он выплатил за мать долг и не оставил ради матери дел благочестия.

Глава 39. Один старец с притворством доставил работу авве Симеону, когда тот был праздным

Когда возлюбленный брат наш Симеон, вовсе не знавший греческого языка, из Италии пришел к нам, старец, желая оказать ему, как страннику, дело любви, спросил, почему он празднo сидит в келье, полагая, что при неимении необходимых вещей он не может долго оставаться в праздности здесь, будучи способным своими руками приобретать себе пропитание. Кроме того, старец полагал, что никто не может переносить скуку уединения в пустыне. Когда Симеон ответил, что он ни одного из рукоделий здешних не знает, а умеет писать, и что если бы в египетской стране мог быть полезен кому-либо Завет на латинском языке, то он мог бы написать его, старец сказал: Бог послал мне этот случай; я давно искал, кто бы переписал мне Апостол на латинском языке, ибо у меня есть брат, которому мне хочется послать для назидания что-либо из Св. Писания. После того как Симеон с удовольствием согласился, старец немедленно доставил ему взамен съестные припасы на целый год и все нужное для письма. И когда книга была написана, то хотя она совершенно не нужна была в той стране, потому что знающих латинский язык там не было, старец взял ее, чтобы с одной стороны доставить пришедшему занятие, дабы он без стыдливости мог взять за свой труд необходимое пропитание, а с другой – исполнить благочестивый долг щедродательности и заслужить награду себе тем большую, чем в большем количестве он доставил страннику-брату не только необходимое пропитание, но и случай и орудия для работы.

Глава 40. Об отроках, которые, неся к больному смоквы, с голоду умерли в пустыне, не вкусив их

В трактате о строгости поста и воздержания, сказав нечто о делах любви, мы уклонились от своего предмета; теперь, опять возвращаясь к нему, представим в этом трактате одно достопамятное дело отроков по возрасту, но не по уму. Некто из пределов Мареотской Ливии (Эту Ливию, смежную с Александрией, нужно отличать от Ливии, сопредельной с Эфиопией) послал смоквы (вещь, прежде в том месте не виданную) к эконому в пустыне скитской, авве Иоанну, который исполнял вверенную ему от блаженного пресвитера Пафнутия должность распорядителя по церкви. Иоанн тотчас послал с двумя юношами смоквы к одному старцу, который был болен и пребывал во внутренней пустыне за восемнадцать миль от церкви. Когда они, взяв смоквы, отправились к келье старца, то вдруг нашло весьма густое облако, и они сбились с прямого пути, что легко случается и со старцами. Когда же весь день и ночь, блуждая по непроходимым местам пустыни, не смогли найти келью больного, то, изнуренные утомлением от пути, голодом и жаждою, став на колени, предали в молитве дух свой Господу. Те, которые после этого очень долго искали их по следам, обозначившимся на песчаных местах, нашли, что они сохранили смоквы нетронутыми, избрав потерять лучше душу (т.е. жизнь), нежели нарушить верность поручения, т.е. лучше временной жизни лишиться, нежели нарушить заповедь старца.

Глава 41. Мнение аввы Макария касательно поста и подавления страстей

Предлагается нами еще одно спасительное наставление блаженного Макария, которым заканчивается книжка о посте и воздержании. Он говорил, что монах так должен поститься, как будто может прожить в теле сто лет, а страсти душевные обуздывать, обиды забывать, скорби отвергать, болезнями и лишениями пренебрегать так, как будто может умереть в любой день. Монаху в посте благоразумие внушает всегда поступать с ровной строгостью, чтобы под предлогом слабости тела не переходить от строгости к губительной распущенности; а в подавлении страстей спасительное великодушие подает ему силы не увлекаться видимым благополучием настоящего мира, не унывать в несчастиях и скорбях и пренебрегать ими, как маловажными и ничтожными, взор ума своего устремляя туда, куда ежедневно и ежеминутно можем переселиться.

Книга шестая. О духе блуда

Глава 1

По преданию отцов, второй подвиг предлежит нам против духа блуда, – война продолжительная, постоянная, жестокая, в которой весьма немногие одерживают совершенную победу и которая, начиная с первой зрелости возраста, беспокоит, не прекращается до тех пор, пока не будут побеждены прочие страсти. Поскольку нападение бывает двоякое (т.е. на тело и душу), то и сопротивляться надо двояким оружием. Как в болезни соединение тела и души придает силы, так и здесь нельзя иначе одержать победу, как если оба (т.е. тело и душа) вместе будут бороться. Ибо одного телесного поста недостаточно для приобретения или сохранения чистоты целомудрия, если не будет предшествовать ему сокрушение духа и постоянная молитва против нечистого духа, потом продолжительное размышление о Св. Писании и к этому не будет присоединено духовное понимание, а также труд и рукоделие, обуздывающие непостоянные блуждания сердца, а прежде всего – истинное смирение, без которого нельзя победить совершенно никакого порока.

Глава 2. О главном средстве против духа блуда

Исправление этого порока особенно зависит от совершенствования сердца, из которого, по слову Господа, исходит гной этой болезни: *из сердца исходят помыслы злые, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства и пр.* (Мф. 15:19). Следовательно, сначала надо очищать сердце, в котором находится источник жизни и смерти, как говорит Соломон: *больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни* (Притч. 4:23). Ибо плоть подчиняется его изъявлению и власти, и потому с особенным усердием надо соблюдать строгий пост, чтобы плоть, утучненная обилием пищи, противясь внушениям души, бесчинствуя, не низвергла своего правителя – духа. Впрочем, если мы всю важность будем видеть только в укрощении тела, а душа не будет также воздерживаться от прочих пороков и не будет занята божественным размышлением и духовным упражнением, то мы никак не сможем взойти на самый верх истинной непорочности, когда то главное, что в нас есть, будет нарушать чистоту нашего тела. Итак, по словам Господа, нам надлежит очистить прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их (Мф. 23:26).

Глава 3. Насколько уединение содействует преодолению страсти блудной

Прочие пороки обычно очищаются также общением с людьми, ежедневным упражнением (См. Соб. 5, гл. 4.) и некоторым образом врачуются обнаружением самого падения. Страсть гнева, печали, нетерпеливости исцеляется размышлением духовным, неусыпной заботою, а также посещением братьев и усердной молитвою. И когда, будучи возбуждены, они чаще обнаруживаются и чаще обличаются, то скорее и исцеляются. А эта болезнь вместе с укрощением тела и сокрушением сердца нуждается и в уединении, в удалении от людей, чтобы, после ослабления губительной лихорадкой похоти, можно было придти в состояние совершенного здоровья. Как страдающим известной болезнью полезно, чтобы вредная пища и на глаза не попадалась, чтобы при взгляде на нее не родилось у них смертоносного желания, так и для удаления этой болезни (похотливости) весьма полезны покой и уединение, чтобы больная душа, не тревожимая разными образами, восходя к более чистому созерцанию, легче могла истребить возбуждение похоти.

Глава 4. Какое различие между чистотою и воздержанием, и пребывают ли всегда вместе то и другое

Впрочем, никто не должен из этого заключать, будто мы не допускаем, что и между пребывающими в собрании братьями находятся воздержные; это мы признаем очень возможным, ибо иное – быть воздержным, а иное – чистым и придти в расположение непорочности, нерастленности, что называется невинностью. Эта добродетель особенно присуща тем, кто пребывает девственниками или по уму, или по плоти, как два Иоанна в Новом Завете (Предтеча и евангелист), в Ветхом были также Илия, Иеремия, Даниил. Справедливо к чину их будут причислены и те, которые, после опытов развращения, долгим трудом и старанием достигли подобного по непорочности души и тела состояния чистоты и жало плоти ощущают не столько по возбуждению гнусной похоти, сколько по движению только природы. Мы говорим, что весьма трудно (а может быть, и невозможно) достигнуть такого состояния среди многолюдства. Это пусть всякий узнает не из нашего мнения, а исследует судом своей совести. Впрочем, мы не сомневаемся, что есть много воздержанных, которые терпят возбуждение плоти изредка или ежедневно, но страхом геенны или желанием Царства Небесного укрощают и подавляют его. Старцы утверждают, что они могут быть не подавлены совершенно порочными возбуждениями, но не могут не быть уязвляемы. Ибо необходимо всякому, поставленному для борьбы, и самому иногда быть уязвленным, даже если он часто преодолевал и побеждал своего противника.

Глава 5. Блудная напасть не может быть побеждена одним человеческим старанием

Поэтому, если хотим, по апостолу (2Тим. 2:5), законно подвизаться духовным подвигом, победить этого нечистого духа, то должны постараться, надеясь не на свои силы (ибо это невозможно совершить человеческим старанием), а на помощь Божию. Ибо душа неотвратимо терпит нападения этой страсти, пока не осознает, что она ведет войну выше своих сил. И не может она одержать победу только собственным старанием и трудом, если не будет подкреплена помощью и защитой Господа.

Глава 6. Об особенной благодати Божией, необходимой для достижения чистоты

И действительно, поскольку для успеха во всех добродетелях и для преодоления всех пороков необходима благодать Божия, и от нее зависит победа, то и для этой добродетели (чистоты) преимущественно нужна особенная помощь Божия и особенный дар, как это из учения отцов и из самого опыта очищения от плотской скверны ясно открывается тем, кто заслужил приобрести его. Ибо для пребывающего в теле не чувствовать жала (похоти) плоти значило бы выйти из плоти и стать выше природы. И потому невозможно человеку, так сказать, на своих крыльях взлететь к столь высокой небесной награде, если благодать Божия даром целомудрия не очистит его от грязи земной. Ибо плотяные люди никакой добродетелью так близко не уподобляются духовным ангелам, как заслугою и благодатью целомудрия. Именно посредством целомудрия, еще пребывая на земле, они имеют жительство на небесах (Флп. 3:20), которое по обетованию будут иметь в будущей жизни святые.

Глава 7. Пример из мирского ристалища

Слушай, что говорит апостол: *все подвижники воздерживаются от всего* (1Кор. 9:25). Исследуем, от чего – всего, по словам апостола, надо воздерживаться, чтобы от сравнения с плотским ристалищем получить нам наставление в духовном подвижничестве. Тем, кто старается законно подвизаться на этом видимом ристалище, не позволено употреблять всякую пищу, какую желает похоть, а только установленную правилами подвижничества. И не только от запрещенной пищи, пьянства и любой нетрезвости необходимо воздерживаться, но и от всякого бездействия, праздности, лени, чтобы от ежедневного упражнения и постоянного размышления возрастала сила их. И таким образом они становятся чуждыми всякой заботы, печали и дел житейских, а также расположения и дела супружеского. Так что, кроме упражнения в своем искусстве, они ничего другого не знают и совершенно никакой мирской заботой не связаны, только от начальника ристалища надеются с похвалою получить пособие для ежедневного пропитания, венков славы и достойную награду за победу. Они настолько хранят себя чистыми от всякой скверны совокупления, что когда готовятся к борьбе на ристалище, то, чтобы во сне не обольститься какими-либо ночными грезами, не уменьшить силы, приобретаемой долгое время, – места почек покрывают свинцовыми листами, именно для того, чтобы силой этого металла, приложенного к детородным членам, они могли воспрепятствовать истечению нечистых влаг, зная, что они не смогут ослабленными силами совершить предположенную борьбу и будут побеждены, если обольстительный образ вредного удовольствия потрясет заготовленную твердость целомудрия.

Глава 8. Сравнение с готовящимися вступить в борьбу на земном поприще

Итак, если мы знаем правила мирского поприща, примером которого апостол хотел научить нас, показывая, какая там соблюдалась точность, прилежание, осторожность, то узнаем, что нам надо делать. Какой чистотой нашего тела следует охранять также и целомудрие души – нам, которым необходимо ежедневно питаться священной плотью Агнца, к которой, по заповеди Ветхого завета, не позволялось даже прикасаться никому нечистому. Ибо в книге Левит так заповедуется: *мясо чистое может есть всякий чистый; если же какая душа, имея на себе нечистоту, будет есть мясо мирной жертвы Господней, то истребится душа та из народа своего* (Лев. 7:19–20). Итак, вот каков дар целомудрия, без которого даже и ветхозаветные не могли приступать к мирным жертвам и желавшие получить тленный венец этого мира не могли увенчаться.

Глава 9. Какую чистоту сердца мы должны всегда иметь перед очами Божиими

Итак, сначала со всей осмотрительностью должны быть очищены тайники нашего сердца. Ибо то, чего ветхозаветные желают достигнуть чистотой тела, – мы должны иметь в тайниках совести, пребывая в которой, Господь – советник и подвигоположник – всегда смотрит на подвиг нашего течения и борьбы, чтобы мы неосторожным помышлением не допустили возникнуть и внутри тому, что боимся сделать открыто; и что стыдимся обнаружить перед людьми, тем не должны оскверняться и тайным согласиём. Хоть оно и могло бы укрыться от знания людей, но не сможет утаиться от знания ангелов и самого всемогущего Бога, от которого не укроются никакие тайны.

Глава 10. Каков признак совершенной и всецелой чистоты

Очевидным знаком такой чистоты и полным доказательством будет то, если у нас, когда покоимся и погружаемся в сон, не возникает никакого обольстительного мечтания, или хоть и возникает, но не может возбуждать никаких движений похоти. Ибо хотя такое возбуждение и не вменяется в полную вину в грехе, однако служит знаком еще не очищенного сердца, обнаружением порока, еще не полностью истребленного, когда обольщение производится такими обманчивыми мечтами.

Глава 11. От какого порока происходит ночное обольщение

Качество помыслов, охраняемых в течение дня небрежно, обнаруживается во время ночного покоя; и потому, когда случается какое-нибудь такое обольщение, то вину этого надо искать не во сне, а в нерадении предшествующего времени. Это есть обнаружение скрывающейся внутри болезни, не порожденной изначально ночным временем, а скрытую во внутренних изгибах души вывело на поверхность кожи во время сна, обличая тайную горячку страсти, которую мы произвели в течение дня, питаясь вредными помыслами. Так как и болезни телесные не тогда начинаются, когда обнаруживаются въяве, а произошли они от нерадения в прежнее время, когда от неразумного употребления пищи, противной здоровью, произведены вредные, смертоносные соки.

Глава 12. Чистота плоти не может быть приобретена без чистоты сердца

И потому Творец и Создатель человеческого рода – Бог, лучше всех зная природу и исправление Своего творения, там приложил старание целительства, где находится начальная причина болезни. Спаситель говорит: *всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем* (Мф. 5:28). Указывая на невоздержанные глаза, Он осуждает не столько их, сколько внутреннее чувство, которое худо пользуется их служением для видения. Ибо сердце больно уязвляется стрелою похоти и смотрит с вожделением, – благодеяние зрения, дарованное ему Творцом, обращает по своей порочности к служению дурным делам и скрытую в нем самом болезнь похоти обнаруживает по поводу смотрения. Потому и предписывается спасительная заповедь тому, из-за чьей порочности происходит злокачественная болезнь по случаю видения. Не говорится: всяким хранением блюди свои глаза, которые и следовало бы хранить больше всего, если бы от них исходило действие похоти. Ибо глаза исполняют для души простую должность видения, и больше ничего; но говорится: *больше всего хранимого храни сердце твое* (Притч. 4:23); к нему преимущественно должно прилагаться целительство, потому что оно везде может злоупотреблять служением глаз.

Глава 13. Возникающие плотские помыслы тотчас надо изгонять из сердца

Итак, первым предохранением этой чистоты да будет то, что, когда придет нам на ум мысль о женщине, по тонкой хитрости дьявольского внушения производимая сначала воспоминанием о матери, сестрах, родственницах или о святых женах, мы должны поспешить скорее выгнать ее из наших сердец, чтобы искушитель не порастил нашего ума и не увлек бы хитро к тем лицам, посредством которых мог бы внушать вредные помыслы. Потому мы всегда должны помнить эту заповедь: *больше всего хранимого храни сердце твое* (Притч. 4:23); и по первоначальному велению Божию заботливо должны блюсти зловредную голову змея (Быт. 3), т.е. ростки худых помыслов, с которыми дьявол пытается вползти в нашу душу; чтобы, если голова его по нашему упущению проникнет до сердца, не вползло и остальное его тело, т.е. согласие на сластолюбие. Если он войдет, та ядовитым жалом, без сомнения, умертвит плененный дух. Также мы должны истреблять восстающих грешников нашей земли (т.е. плотские чувства) рано утром при их пробуждении (Пс. 100:8) и разбивать о камень вавилонских детей (Пс. 136), пока они еще малы. А если они не будут убиты, пока молоды, то, выросши при потворстве, они на нашу погибель восстанут с большей силою или, по крайней мере, с большим трудом и стенанием будут побеждены. Ибо пока сильный дух наш, будучи вооружен, охраняет дом свой страхом Божиим, ограждая входы сердца своего, то будет в безопасности и все имущество его, т.е. богатство трудов и добродетелей, приобретенное долгим временем. Если же дьявол победит его посредством согласия с плотскими помыслами, то расхитит его оружие, на которое он надеялся, т.е. память Св. Писания и страх Божий; и добычу его разделит, т.е. заслуги добродетели рассеет всякими противными пороками.

Глава 14. Мы должны стараться не восхвалять целомудрие, а изъяснять действие его

Умалчивая обо всем, что в Писании изложено в похвалу этой добродетели (ибо у меня намерение не похвалу целомудрию высказывать, а по преданию святых отцов определить качество его: как надо приобрести, сохранить его, и какова должна быть его цель), я изложу только одно изречение св. апостола Павла, из которого видно, как он в послании к фессалоникийцам вознес целомудрие над всеми добродетелями, почтив его таким благородным словом.

Глава 15. Добродетель целомудрия апостол называет святынею

Воля Божия, говорит, есть освящение ваше (1Сол. 4:3). Чтобы не оставить для нас сомнительным или неясным, что он хотел назвать освящением – правду ли, или любовь, или смирение, или терпение (ибо во всех этих добродетелях приобретается святость), он прибавляет и ясно указывает, что, собственно, хотел назвать святостью. *Воля Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда; чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога (1Сол. 4:3–5).* Смотри, какими похвалами он превозносит целомудрие, называя его честью сосуда (т.е. тела нашего) и святынею. Напротив, кто вдается в страсти похотения, тот находится в бесчестии и нечистоте и бывает чужд святыни. Немного дальше апостол прибавляет, опять называя его святостью: *ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости. Итак, кто отвергает это, тот отвергает не человека, а Бога, Который и дал нам Духа Своего Святого* (Там же, 7, 8). В своей заповеди он присоединил ненарушимый авторитет, говоря: кто отвергнет это, т.е. что я сказал о святости, отвергает не человека, т.е. меня, который это заповедаю, но Бога, Который во мне говорит. Который также назначил сердце наше в жилище Св. Духу Своему. Видишь, в простых, ясных словах, какими именами, сколькими похвалами он превознес целомудрие, во-первых, приписывая собственно этой добродетели святость; потом, утверждая, что ею надо очищать сосуд нашего тела от нечистоты; в-третьих, отвергнув бесчестие и поношение, надо пребывать в честности и святости; наконец показал, что через нее Св. Дух будет обитать в нашем сердце, что составляет высшее воздаяние совершенной награды и блаженства.

Глава 16. О другом свидетельстве апостола о той же святости

Хотя речь клонится к концу книжки, но я приведу еще другое, подобное этому, свидетельство того же апостола. Он пишет к евреям: *старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12:14). Здесь также ясно показал, что без святости, которую обыкновенно называет непорочностью духа или чистотою тела, нельзя увидеть Бога; и здесь также прибавляет, разъясняя ту же мысль: *наблюдайте, чтобы не было между вами какого блудника, или нечестивца, как Исав* (Там же, 16).

Глава 17. Надежда на высшую награду должна усиливать оберегание целомудрия

Итак, насколько велика небесная награда целомудрию, тем большим наветам врагов оно подвергается. И потому мы должны быть ревностнее не только в воздержании тела, но и в сокрушении сердца с частыми молитвенными воздыханиями, чтобы печь плоти нашей, которую вавилонский царь постоянно разжигает возбуждением плотской похоти, погасить росой Св. Духа, нисходящей в наши сердца.

Глава 18. Целомудрие основывается на смирении, а знание на целомудрии

По словам старцев, как нельзя приобрести этой добродетели (целомудрия), если прежде не положить основы смирения в сердце, так, говорят, невозможно достигнуть источника истинного знания, пока будет оставаться в сокровенности нашей души корень противного ему порока. Можно еще приобрести непорочность без дара знания, но знания духовного невозможно приобрести без чистоты целомудрия (Прем. 1:4). Поскольку дары различны, и не всем дается одинаковая благодать Св. Духа, а только к какой кто своим усердием или старанием сделается способным и достойным. Наконец, хотя совершенная добродетель непорочности была во всех святых апостолах, однако дар знания больше изобиловал в апостоле Павле, потому что он усердием и прилежанием сделал себя способным к нему.

Глава 19. Отзыв св. Василия Великого о качестве своего девства

Передают строгое изречение св. Василия, епископа Кесарийского: «Я, – говорит, – и женщины не знаю, и не девственник». Он понимал, что нерастленность плоти состоит не только в воздержании от женщины, но и в непорочности сердца, которая всегда охраняет нерастленную святыню тела страхом Божиим или любовью целомудрия.

Глава 20. Из чего познается совершенная непорочность души

Итак, конец и совершенное доказательство непорочности составляет то, если во время сна у нас не бывает никакого ощущения удовольствия, и по необходимости природы, бессознательно у нас случаются нечистые истечения. Как вовсе удерживать и навсегда прекратить их – выше природы, так ограничить их до неизбежной и очень редкой необходимости естества, чтобы в два месяца было одно истечение, есть дело высшей добродетели. Впрочем, это сказано по нашему опыту, а не по мнению старцев, которые даже и этот срок считали слишком малым. Мы не стали излагать так, как от старцев приняли, чтобы не показалось это невероятным или невозможным для тех, которые по своему нерадению или слабому старанию не испытали такой чистоты.

Глава 21. Как достигнуть совершенной чистоты

Таким образом, в этом состоянии мы можем постоянно пребывать, никогда не переступать естественного устава и вышесказанного времени (То есть когда в течение двух месяцев только однажды, а не больше, будет случаться истечение, и то без соблазнительных сновидений и разжигания плотской похоти), если будем думать, что Бог знает и смотрит днем и ночью не только за тайными делами нашими, но и за всеми помыслами, и если будем верить, что должны будем дать отчет за все, что бывает в нашем сердце, как и за дела и поступки наши.

Глава 22. До какой степени может быть доведено целомудрие нашего тела, или каков признак очищенного духа

Итак, нам нужно к тому стремиться и до тех пор противоборствовать нечистым движениям души и возбуждениям плоти, пока состояние плоти не будет заключено в пределах необходимости природы, т.е. не будет возбуждать удовольствие. Истечение скопившегося избытка соков должно происходить без всякого раздражения похоти и вреда, не возбуждать войны против целомудрия. Впрочем, когда душа во время сна еще обольщается нечистыми грезами, то это значит, что она еще не достигла совершенного целомудрия.

Глава 23. Средства для приобретения совершенной чистоты сердца и тела

Итак, чтобы нечистые грезы даже во время сна не могли возникать у нас, для этого всегда нужно держать равномерный и умеренный пост. Ибо кто будет превышать меру строгости, тот обязательно превзойдет и меру послабления. Кто допускает такую неравномерность, тот, без сомнения, не устоит в состоянии совершенного спокойствия, то изнемогая от чрезмерной скудости, то обременяясь излишеством пищи. А с изменением питания обязательно должно измениться и качество чистоты нашей. К этому всегда должны присоединяться постоянное смирение и терпение сердца и особая осторожность против гнева и прочих страстей в течение дня. Ибо где находится яд гнева, там произойдет и воспламенение похоти. А прежде всего, необходима неусыпная заботливость ночью. Ибо как чистота и осторожность днем предшествует ночной чистоте, так и ночная бдительность доставляет сердцу и дневной предосторожности твердость и силу.

Книга седьмая. О духе сребролюбия

Глава 1

Третий подвиг предстоит нам против духа сребролюбия, которое можем назвать любовью к деньгам. Эта страсть чужда, несвойственна нашей природе; в монахе она происходит от вялости испорченного, расслабленного духа и случается чаще в начале отречения, худо предпринятого и соединенного с недостаточной любовью к Богу. Ибо раздражения других страстей присущи человеческой природе, как бы врожденные, некоторым образом сросшиеся с плотью и, будучи почти современны с самым рождением, предваряют различение добра и зла и, хотя сначала увлекают человека, однако долгим трудом бывают побеждены.

Глава 2. Болезнь сребролюбия гибельна

А эта болезнь сребролюбия, приходя позднее, извне навязывается душе, и оттого легче можно предостеречься и отвергнуть ее; а будучи оставлена без внимательности и однажды закравшись в сердце, бывает гибельнее всех и труднее прогнать ее. Ибо она становится корнем всех зол, предоставляя многочисленные поводы к порокам.

Глава 3. Какая польза бывает для нас от естественных страстей

Например, простые движения плоти видим не только в отроках, в которых невинность предшествует еще различению добра и зла, но и в младенцах, питающихся молоком. Они хоть и не имеют похоти, однако обнаруживают в себе движения плоти естественным возбуждением. Подобным образом усматриваем и проявление гнева в младенцах, до того, как познают добродетель терпения, видим, что они раздражаются на обиды; также понимают шуточные слова и бранные. А иногда сил нет, а желание мщения, возбуждаемое гневом, есть. Я говорю это не для того, чтобы обвинять природу в настоящем состоянии, но чтобы показать, что из тех движений (похотения и гнева), которые происходят от нас, некоторые для пользы насаждены в нас, а некоторые извне приходят от нашего нерадения и произвола злой воли. Ибо плотские движения, о которых мы сказали выше, по распоряжению Творца с пользою насаждены в нашем теле для рождения детей и распространения потомства, а не для бесчестных дел блудных, прелюбодеяний, которые осуждаются законом. Также возбуждение гнева присвоено нам со спасительной целью, чтобы мы, гневаясь на свои пороки и погрешности, с большим усердием упражнялись в добродетелях и духовных подвигах, проявляя всякую любовь к Богу и терпение к нашим братьям. Также мы знаем, какова польза печали, которая причисляется к прочим порокам, когда меняет расположение. Ибо она необходима для страха Божия, однако губительна, когда бывает для мира, как учит апостол, говоря: *ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению; а печаль мирская производит смерть* (2Кор. 7:10).

Глава 4. Без оскорбления для Творца можем сказать, что в нас есть некоторые природные пороки

Итак, хотя эти движения (похоти и гнева) вложены в нас Творцом, однако Он не может быть виновным, когда мы, злоупотребляя ими, захотим печалиться о бесплодных, мирских выгодах, пожелаем направить их на вредные дела, а не для спасительного покаяния и исправления пороков; или когда будем гневаться не на самих себя для своей пользы, а вопреки запрещению Господню – на братьев наших. Ибо если бы кто железо, данное для необходимого, полезного употребления, захотел обратить на убийство невинных, то он не может обвинять в этом Творца вещества, когда сотворенное Им для необходимого употребления, для удобства хорошей жизни, человек употребит на вредное дело.

Глава 5. О пороках, которые без врожденного пожелания допускаются по нашей испорченности

Впрочем, мы говорим, что некоторые пороки возникают без всякого предшествующего природного повода, а по произволу только развращенной, злой воли – зависть и само сребролюбие не имеют в нас никакой основы со стороны природного инстинкта и приобретаются извне. Впрочем, сколь легко уберечься и уклониться от тех пороков, столь же жалкой делают они душу, когда займут и овладеют ею, и едва ли допустят употребить лекарства для исцеления ее. Потому что или не заслуживают исцеления скорым врачеванием те, кто уязвлены пороками, которых могли не знать или избежать, или легко победить; или потому, что, имея скверную основу, не способны возводить строение добродетелей до верха совершенства.

Глава 6. Болезнь сребролюбия, принятая однажды, с большим трудом изгоняется

Потому эта болезнь никому не должна казаться маловажной, которой можно бы пренебречь. Как легко можно уклониться от нее, так, возобладав кем-либо, она едва позволяет воспользоваться лекарствами для исцеления. Ибо она есть вместилище пороков, корень всех зол и неистребимый подстрекатель к злу, как апостол говорит: *корень всех зол есть сребролюбие*, т.е. любовь к деньгам (1Тим. 6:10).

Глава 7. Какими пороками сребролюбие порождается, и сколько зол оно порождает

Итак, эта страсть, возобладав расслабленной и холодной душою монаха, сначала побуждает его к малому стяжанию, предоставляя некоторые справедливые и как бы разумные предлоги, по которым он должен сберечь или приобрести немного денег. Ибо жалуется, что предоставляемое монастырем недостаточно, едва может быть переносимо даже здоровым, крепким телом. Что же надо будет делать, если приключится болезнь тела и не будет припрятано немного денег, чтобы подкрепить немощь? Содержание монастыря скудно, небрежность к больным очень велика. Если не будет ничего собственного, что можно бы употребить на заботу о теле, то придется умереть жалким образом. Да и одежда, предоставляемая монастырем, недостаточна, если не позаботиться достать себе откуда-нибудь другую. Наконец, нельзя долго жить в одном и том же месте или монастыре, и если монах не приготовит себе денег на путевые расходы и переправу через море, то не сможет, когда захочет, переселиться, и будучи стеснен крайней бедностью, он постоянно будет проводить жизнь работническую и жалкую, без всякого успеха; всегда нищий и нагой, он вынужден будет с бесчестьем содержаться на чужом иждивении. Итак, когда такими помыслами прельстит свой ум, то размышляет, как бы ему приобрести хоть один динарий (Динарий – мелкая серебряная монета). Тогда заботливым умом отыскивает частное дело, которым мог бы заниматься без ведома настоятеля. Затем, продав плоды его тайно и получив желаемую монету, он сильно беспокоится о том, как бы удвоить ее (монету) скорее, недоумевает, где бы положить или кому вверить. Потом часто озабочивается тем, что можно бы купить на нее и какую торговлю удвоить ее. Когда и это удастся ему, то возникает сильнейшая алчность к золоту и тем сильнее возбуждается, чем большее количество прибыли получается. Ибо с умножением денег увеличивается и неистовство страсти.

Тогда представляется долговечная жизнь, преклонная старость, разные продолжительные болезни, которые не могут быть переносимы в старости, если в молодости не будет заготовлено побольше денег. Таким образом, жалкой становится душа, связанная змеиными узами, когда с непотребным старанием желает умножить скверно собранные сбережения, сама для себя порождая язву, которой жестоко распаляется, и всецело занятая помыслами о прибыли, ничего другого не видит взором сердца, как только то, откуда бы можно достать денег, с которыми бы скорее выйти из монастыря туда, где бы блеснула какая-нибудь надежда на получение денег. Из-за этого не побоится допустить злодеяние лжи, ложной клятвы, воровства, нарушить верность, воспламениться вредным гневом. А если потеряет надежду на прибыль, то не побоится нарушить честность, смирение, и как другим чрево, так ему золото и надежда корысти становится всем вместо Бога. Потому святой апостол, имея в виду зловредный ад этой болезни, назвал ее не только корнем всех зол (1Тим. 6:10), но и идолослужением, говоря: *умертвите... любостяжание* (по-гречески – сребролюбие), *которое есть идолослужение* (Кол. 3:5). Итак, видишь, до какого порока эта страсть постепенно возрастает, так что апостол называет ее идолослужением, потому что, оставив образ и подобие Божие (которое благоговейно служащий Богу должен сохранять в себе чистым), хочет вместо Бога любить и хранить изображения людей, запечатленные на золоте.

Глава 8. Сребролюбие препятствует всем добродетелям

Таким образом, преуспевая в уклонении к худшему, будучи неспособен иметь не то что добродетели, но даже и тени добродетелей смирения, любви, послушания, монах негодует на все, ропщет на всякое дело и вздыхает. Он, не имея уже никакого опасения, как свирепейший, невзнузданный конь, несется к стремнине; ежедневной пищею и обыкновенной одеждою остается недоволен, заявляет, что он дольше не будет переносить это. Также кричит, что Бог не только здесь находится, что спасение его не заключено только в этом месте. Потому тяжело стонет, что если он скоро не выйдет отсюда, то легко погибнет.

Глава 9. Монах, имеющий деньги, не может пребывать в киновии

Таким образом, имея деньги путевым запасом для своего непостоянства, на помощь их опираясь, как на крылья, и уже готовый к переселению, надменно отвечает на все приказания и, ведя себя, как чужестранный, посторонний, все нуждающееся в исправлении презирает, во всем нерадив и всем пренебрегает. Хотя он и хранит воровски спрятанные деньги, но жалуется, что не имеет обуви и одежды, и негодует, что не скоро дают ему. А если по распоряжению настоятеля что-нибудь из этого сперва дадут тому, кто совершенно ничего не имеет, то он воспаляется сильным гневом, думает, что его презирают, как постороннего, не стараясь прилагать свои руки ни к какому делу, порицает все, что для пользы монастыря требуется сделать. Потом старательно выискивает предлоги к огорчению и гневу, дабы не казалось, что он по легкомысленности выходит из монастыря. Впрочем, не довольствуется только своим выселением, дабы не подумали, что он из-за своего порока оставил монастырь, но не перестает кого может развращать тайным роптанием. Если же трудности времени, пути или плавания воспрепятствуют его путешествию, то, сидя постоянно с унылым, скорбным сердцем, не перестает причинять или возбуждать скорби. Утешение, касающееся выхода, и извинение своей легкомысленности он будет находить не иначе, как в неустроенности монастыря.

Глава 10. Какой труд для сребролюбия должен совершить оставляющий монастырь

Таким образом, он отходит, более и более разжигаемый страстью к своим деньгам, которые, будучи приобретены, никогда не позволяют монаху оставаться в монастыре или жить по установленному правилу. А когда эта страсть, как лютый зверь, отлучив его от собрания стада, разлучением с товарищами сделает скотиною, годной в добычу, и удалением из общежития приготовит к пожиранию, то заставляет его день и ночь неумоимо работать в надежде на прибыль, хотя прежде он не старался заниматься даже легкими делами монастырскими. Страсть эта не позволяет ему ни совершать обыкновенные молитвы, ни соблюдать определенные посты и правила бдений, ни исполнять обязанности и частные занятия (каковы: частные молитвы, чтение, размышление, взаимные услуги братьев и т. п.), пока не удовлетворит страсти корыстолюбия или не приобретет на ежедневные потребности, и тем приобретением, каким думал погасить огонь страсти, он еще больше воспаляет его.

Глава 11. Под предлогом сохранения денег ищут сожительства с женщинами

Поэтому некоторые, уже подвергшись невозвратимому падению в глубокую пропасть, стремятся к смерти и, не довольствуясь тем, чтобы одним им владеть деньгами, ищут сожительства с женщинами, которые должны хранить то, что худо собрано или удержано ими. И таким вредным и губительным занятиям предаются, так что падают до глубины ада, когда не хотят последовать учению апостола, который завещал, чтобы были довольны тем, что имеют пищу и одежду, кои даются из экономии монастыря. *А желающие обогащаться впадают в искушение и сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям (1Тим. 6:8–10).*

Глава 12. Пример одного холодного монаха, опутанного сетями сребролюбия

Я знаю одного, который считал себя монахом и, что еще хуже, льстил себя совершенством. Когда после принятия в киновию авва стал увещевать его, чтобы он не возвращался к тому, от чего отрекся при вступлении на поприще самоотвержения, и отрешился бы от корня всех зол – сребролюбия и земных уз, а лучше бы пожелал очиститься от прежних страстей, которым часто подвергался, перестал помогать того, чего и прежде не имел, а если узами корыстолюбия будет связан, без сомнения, не сможет достигнуть очищения своих пороков; тогда монах не постыдился с суровым лицом отвечать ему: «Если ты имеешь, чем содержать очень многих, то зачем мне запрещаешь иметь то же?»

Глава 13. Разоблачая пороки, какую пользу приносят старцы молодым

А такое наставление никому не должно казаться излишним или неприятным. Если прежде не будут раскрыты раны и исследованы истоки и причины болезней, то недужным не может быть предоставлено соответственное лечение и у здоровых нельзя сохранить полное здоровье. Это и многое другое старцы, испытавшие бесчисленные случаи превратностей и падений, обычно высказывают в наставление младшим. Когда таким образом старцы излагали, каким страстям подвергались, мы получали исцеление, молча узнавая лекарства и причины приключаящихся с нами пороков, которые мы скрыли, оставили без описания не из опасения братьев, а потому, чтобы книга, попав в руки мало сведущих в этом деле, не открыла неопытным того, что должно быть открыто только трудящимся и старающимся достигнуть верха совершенства.

Глава 14. Троякая болезнь сребролюбия

Три вида этого недуга, которые всеми отцами одинаково осуждаются. Первый, порочность которого мы выше описали, обольщает бедных и внушает собирать то, чего они и прежде не имели, когда жили в мире. Второй побуждает опять желать и возвратить то, что оставили, отрекшись от мира. Третий, в начале отречения от мира из страха бедности беспомощности, не отвергает богатства мира, но сберегает у себя и деньги и имущество, которые следовало бы отвергнуть вначале самоотвержения. Такие монахи никогда не достигнут евангельского совершенства. Эти три вида сребролюбия в Священном Писании подвергались нелегкому наказанию, чему мы находим следующие примеры: Гиезий, желая приобрести то, чего и прежде не имел, не только не удостоился получить благодать пророчества, которую должен был иметь от своего учителя по наследственному порядку, но по проклятию Елисея еще поражается проказою (4Цар. 5:21, 27). А Иуда, желая получить деньги, которые прежде, следуя Христу, отвергал, не только предал Господа и потерял чин апостольства, но и жизнь завершил не добрым порядком, окончив ее насильственной смертью (Мф. 27:5). Анания и Сапфира, удержав некоторую часть из того, чем владели, из уст апостольских наказываются смертью (Деян. 5:1–10).

Глава 15. Худо отрекающийся чем отличается от не отрекающегося

О тех, которые, говоря, что отреклись от этого мира, а на самом деле, опять побежденные неверием, боятся лишиться земного имущества, во Второзаконии таинственно заповедуется так: *кто боязлив и малодушен, тот да нейдет на войну, пусть идет и возвратится в свой дом, чтобы он не сделал робким сердца братьев его, как его сердце* (Втор. 20:8). Что очевиднее этого свидетельства? Не ясно ли Св. Писание желает, чтобы они лучше уж и не принимали этого звания, не принимали и имени, нежели словом и развращающим примером отвлекать других от евангельского совершенства и расслаблять страхом неверия? Итак, повелевается им, чтобы, уходя с войны, возвращались в свой дом, потому что никто с двоящимся сердцем не может вести войну Господню. Ибо человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих (Иак. 1:8). В евангельской притче говорится, что тот, кто с десятью тысячами шел против царя, идущего с двадцатью тысячами, видя, что не может сражаться, стал просить мира, пока царь еще далеко был (Лк. 14:31–32). Это значит, что лучше уж не класть начала отречению от мира, чем впоследствии холодно исполнять его и подвергать себя большей опасности. Ибо лучше не давать обета, нежели, дав обет, не исполнить его (Еккл. 5:4). Хорошо говорится, что этот идет с десятью тысячами, а тот – с двадцатью тысячами. Ибо число пороков, воюющих против нас, больше, нежели добродетелей, борющихся за нас. Но никто не может служить и Богу, и маммоне (Мф. 6:24); никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия (Лк. 9:62).

Глава 16. Предлог к оправданию тех, которые не хотят оставить свое имущество

Такие стараются в свидетельстве Св. Писания найти себе повод к прежнему корыстолюбию. Превратно толкуя, силятся извратить изречения апостола, или лучше Господа, и приноровить по своему желанию, приспособливая к смыслу Св. Писания не свою жизнь или разум, а, делая по желанию своей страсти натяжку, хотят, чтобы Св. Писание согласовалось с их мнениями, и говорят, что написано: *блаженнее давать, нежели принимать* (Деян. 20:35). Превратным толкованием этого они думают ослабить следующее изречение Господа: *если хочешь быть совершенным, поди, продай имение твое, и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19:21). Думают, что они под этим предлогом не должны оставлять свое богатство, и считают себя блаженными, если, обеспечив себя запасным богатством, от избытка его уделяют и другим; поскольку стыдятся принять с апостолом славную нищету ради Христа и не хотят довольствоваться трудами рук и монастырской умеренностью. Такие должны знать, что они или сами себя обманут и не отрекутся от этого мира, полагаясь на прежнее богатство; или, если хотят делом исполнить монашеский обет, отвергнув и расточив все и ничего не удерживая у себя из того, от чего отреклись, с апостолом прославятся в голоде и жажде, в холоде и наготе (2Кор. 11:27).

Глава 17. О самоотвержении апостолов и первенствующей церкви

Также и тот, кто свидетельствует о себе (Деян. 22:25), что он по мирскому чину был славен, поскольку от рождения был почтен достоинством римского гражданина, разве не мог бы содержаться прежним имуществом, если бы считал это более удобным для совершенства? Также и те, кто в Иерусалиме, будучи владельцами полей или домов, продавали все и, совершенно ничего не оставляя у себя, приносили цену проданного и клали у ног учеников (Деян. 4:35); разве не могли бы они удовлетворять из собственного имущества телесные потребности, если бы это было признано апостолами более совершенным или сами бы сочли более полезным? Но, отвергнув все имущество, они пожелали содержаться собственным трудом или приношением язычников. Святой апостол о пожертвовании их пишет к римлянам, обещает свои услуги им в этом и, приглашая к такому подаянию, говорит: *теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме. Усердствуют, да и должники они перед ними. Ибо если язычники сделались участниками в их духовном, то должны и им послужить в телесном* (Рим. 15:25–27). Также и в послании к коринфянам, показывая заботу о них, убеждает их старательнее приготовить к его приходу подаяние, которое он предполагал послать в Иерусалим святым для употребления. При сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквях Галатийских. В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов, когда я приду. Когда же приду, то которых вы изберете, тех отправлю с письмами, для доставления вашего подаяния в Иерусалим. И чтобы побудить их к более щедрому подаянию, он прибавляет: *а если прилично будет и мне отправиться, то они со мною пойдут* (1Кор. 16:1–4), т.е. если ваше подаяние будет таково, что заслужит быть отнесенным при моем

сопровождении. Также и в послании к галатам свидетельствует, что он сделал этот самый договор с Иаковом, Петром и Иоанном, когда разделялось между апостолами служение проповеди, чтобы именно он проповедовал язычникам, но никак не оставлял заботы и попечения и о нищих в Иерусалиме, которые, для Христа отвергнув все свои вещи, приняли добровольную нищету. *Узнав, говорит, о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным, только чтобы мы помнили нищих. Апостол свидетельствует, что он это дело исполнял со всею заботливостью, говоря: что и старался я исполнять в точности* (Гал. 2:9–10). Итак, кто же блаженнее, неужели те, которые, недавно обратившись из язычников и будучи не в состоянии восходить к евангельскому совершенству, еще удерживали у себя свое имущество, для которых апостол считал большим плодом уже то, что, воздерживаясь хоть от идолопоклонства, блуда, давленины и крови (Деян. 15:29), приняли веру Христову с удержанием своего имущества? Или те, которые, выполняя евангельское учение, ежедневнонося крест Господень, не хотели ничего оставить у себя из собственного имущества? (Мф. 19:21). И сам блаженный апостол, поскольку часто подвергался узам, темницам, или утомлению от путешествия, и потому не имел возможности своими руками, как делал обыкновенно, приобретать себе привычное (ежедневное) пропитание, по уверению его, получал необходимое для своих нужд от братьев, приходивших из Македонии. *Недостаток мой, говорит, восполнили братья, пришедшие из Македонии* (2Кор. 11:9). И к филиппийцам пишет: *вы знаете, филиппийцы, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних; вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду* (Флп. 4:15–16). По мнению сребролюбцев, которое они составили по холодности сердца, неужели и эти будут блаженнее апостола, потому что уделяли ему из своего имущества? Этого не осмелится сказать и безумный.

Глава 18. Если хотим подражать апостолам, то не должны руководствоваться своим мнением, а следовать их примеру

Итак, если хотим последовать евангельской заповеди и быть подражателями апостола и всей первенствующей церкви или отцов, которые в наши времена последовали добродетелям и совершенству их, то не должны мы полагаться на свое мнение, обещая себе евангельское совершенство от этого холодного и жалкого состояния; но, следуя по стопам их, должны стараться не обманывать самих себя и так исполнять монастырское благочиние и постановления, чтобы нам истинно отречься от этого мира, по неверию увлекающему нас, не удерживать у себя ничего из того, что мы отринули, ежедневное пропитание приобретать не припрятанными деньгами, а собственным трудом.

Глава 19. Изречение св. Василия Великого об одном сенаторе

Говорят, что св. Василий, епископ Кесарийский, одному сенатору, который, с холодностью отрекшись от мира, оставил для себя нечто из своих богатств, не желая добывать содержание работою своих рук и приобрести истинное смирение нищетою, утомительным трудом и монастырским подчинением, сказал следующее: «Ты и сенаторство потерял, и монахом не сделался».

Глава 20. Быть побежденным сребролюбием – бесчестно

Итак, если хотим законно подвизаться на духовном поприще, должны и этого губительного врага выгнать из наших сердец. Как не требуется большего усилия для победы над ним, так быть побежденным от него – бесчестно и бесславно. Ибо когда поражает сильный, то хотя в падении бывает боль и сожаление о потере победы, однако в силе противника находится некоторое утешение для побежденных. А если неприятель не сильный и борьба слабая, то помимо болезни падения бывает стыд более унижительный – бесчестие, которое тяжелее урона.

Глава 21. Как победить сребролюбие

Высшая победа и всегдашнее торжество над этим врагом будет в том, чтобы совесть монаха, как говорится, не осквернялась ни малейшей монетой. Ибо невозможно, чтобы побежденный малой корыстью, однажды приняв в свое сердце корень вожделения, тотчас не воспламенился жаром большего пожелания. Ибо воин Христов до тех пор будет победителем, безопасным и свободным от всякого нападения страсти, пока этот непотребный дух не посеет в нашем сердце ростки этого вожделения. Поэтому, как необходимо блюсти голову змея во всех родах пороков вообще, так особенно тщательно нужно остерегаться в этом. Если же страсть эта будет впущена внутрь, то, укрепясь от своей пищи, сама по себе возбудит сильнейший пожар. И потому не только надо опасаться стяжания денег, но и само желание необходимо выгнать из души. Ибо важно не столько избегать дел сребролюбивых, сколько саму страсть эту с корнем вырывать. Ибо никакой пользы не принесет нам неимение денег, если останется в нас желание стяжания.

Глава 22. Иной, и не имея денег, может считаться сребролюбивым

И не имеющий денег может страдать болезнью сребролюбия, и никакой пользы не принесет обет нищеты тому, кто не мог отсечь страсть любостязательности и довольствуется лишь обещанием нищеты, а не самой добродетелью, и бремя нужды несет он не без сердечной скорби. Ибо как евангельское слово ([Мф. 5:28](#)) считает нечистыми сердцем тех, кто не осквернены телом, так и те, кто не обременены тяжестью денег, могут быть осужденными, как сребролюбивые умом и сердцем. Ибо у них не было только случая иметь, а не воли, которая у Бога всегда увенчивается больше, чем необходимость. Ибо достойно сожаления – терпеть испытания нищеты и наготы, а плодов их лишиться от порока тщетного желания.

Глава 23. Пример Иуды

Хочешь ли знать, как губельна, как зловредна эта страсть, если не будет ревностно истреблена; как расплодится она и произведет разнородные отростки пороков к гибели того, кто воспитал ее? Посмотри на Иуду, бывшего в числе апостолов. Поскольку он не хотел сокрушить смертоносную голову этого змея, тот своим адом отравил его и, опутав сетями вождения, вверг его в такую глубокую пропасть порока, что убедил продать Икупителя мира и виновника спасения людей за тридцать сребреников. Он никогда не был бы доведен до такого нечестивого предательства, если бы не был заражен недугом сребролюбия; не сделался бы нечестивым виновником убийства Господа, если бы прежде не привык красть вверяемые ему деньги.

Глава 24. Сребролюбие может быть побеждено только нестяжательностью

Вот разительный и очевидный пример лютости этой страсти, которая плененной душе не позволяет соблюдать никаких правил честности и не может насытиться никаким увеличением прибыли. Ибо не богатством можно положить конец этой страсти, а лишь нестяжательностью. Наконец, когда Иуда утаил вверенные ему деньги, назначенные для подаяния нищим, для того, чтобы, насытясь обилием денег, хотя бы умерить свою страсть, он от обилия их так воспламенился сильнейшей страстью, что захотел уже не только красть деньги тайно, но продать самого Господа. Ибо неистовство этого вождения превосходит все богатства.

Глава 25. О гибели Анании, Сапфиры и Иуды, которой они подверглись из-за сребролюбия

Наконец, верховный апостол, наученный этими примерами, зная, что имеющий что-нибудь не может обуздать страсть, и что положить конец ей можно не малым или большим количеством имущества, а только одной лишь нестяжательностью, наказал смертью Ананию и Сапфиру (о которых мы выше упомянули, что они удержали у себя нечто из своего имущества), так что подверглись гибели за ложь от страсти. А Иуда сам произвольно погубил себя за вину предательства Господа. Какое в этом сходство злодеяния и наказания! Ибо там (у Иуды) за сребролюбием последовало предательство, а здесь (у Анании и Сапфиры) – ложь. Там предается истина – здесь допускается порок обмана. Хотя поступки их кажутся различными, но и в том и другом случае последовал один конец. Ибо тот (Иуда), избегая бедности, захотел возвратить то, что отверг было; а эти, чтобы не сделаться бедными, покусались удержать у себя нечто из своего имущества, которое должны были полностью принести апостолам или раздать братьям. И потому в том и другом случае следует осуждение на смерть; потому что оба порока произошли от корня сребролюбия. Итак, если на тех, которые не желали чужого богатства, а покусались удержать свое, не имели жадности к приобретению, а только желали сберечь, пало такое строгое наказание, то как надо судить тех, кто хотят собирать деньги, коих никогда не имели, и, выказывая перед людьми нищету, перед Богом оказываются богатыми по страсти корыстолюбия?

Глава 26. Сребролюбие причиняет духовную проказу

Сребролюбцы считаются прокаженными умом и сердцем, подобно Гиезию (4Цар. 5:27), который, пожелав тленных денег мира сего, был поражен язвою проказы. Это служит нам очевидным примером того, что всякая душа, оскверненная страстью, поражается духовной проказою пороков, и нечистая перед Господом подвергается вечному проклятию.

Глава 27. Свидетельства из Священного Писания, из которых желающий совершенства научается не возвращать себе того, от чего отказался при вступлении в подвиги самоотвержения

Итак, если, оставляя все по желанию совершенства, ты последовал за Христом, говорящим тебе: *пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19:21); то, положив руку на плуг, зачем озираешься назад, так что, по слову Господа, будешь признан недостойным Царства Небесного? (Лк. 9:62). Поставленный на кровле евангельской вершины (совершенства), для чего сходишь с нее взять что-нибудь из дома твоего, т.е. из того, что ты прежде отринул? (Лк. 17:31). Будучи поставлен на поле делания добродетелей, для чего, возвращаясь, стараешься переодеться в одежду мирскую, которую скинул при вступлении в самоотвержение? Если же ты, живя в бедности, не имел ничего, то тем меньше должен приобретать то, чем ты прежде не владел. Ибо, по благоволению Божию, ты для того так приготовлен, чтобы, не сдерживаемый никакими сетями денег, ты свободнее притек к Нему. Но, впрочем, никакой бедняк да не сокрушается об этом. Ибо нет никого, кто бы не имел чего-нибудь, что оставить. Тот отказался от всех богатств мирских, кто страсть к приобретению их отсек с корнем.

Глава 28. Над сребролюбием не иначе можно одержать победу, как нестяжательностью

Совершенная победа над сребролюбием одерживается тем, чтобы не допускать в нашем сердце искры желания какого-либо и малейшего стяжания, будучи уверенными, что мы уже не сможем погасить ее, если хоть немного пищи будем подавать этой искре в нас.

Глава 29. В чем должна состоять монашеская нищета

Эту добродетель мы можем сохранить ненарушимо не иначе, как если, живя в монастыре, по апостолу (1Тим. 6:8) *имея пищу и одежду, будем довольны этим.*

Глава 30. Средства против недуга сребролюбия

Итак, помня об осуждении Анании и Сапфиры, убоимся что-нибудь удерживать из того, что, отрекаясь от мира, мы обещали совершенно оставить. Устрашимся также примером Гиезия, который за вину сребролюбия подвергся наказанию вечной проказой; остережемся приобретать то, чем и прежде не владели. Страшась заслуженной гибели Иуды, всей силою будем избегать того, чтобы опять собирать деньги, которые мы однажды отвергли. Помимо всего этого, зная состояние нашей слабой и переменчивой природы, будем остерегаться, чтобы день Господень придя, как вор ночью, не нашел совесть нашу оскверненной хоть одной полушкой, которая, погубив все плоды нашего самоотвержения, сделает то, что слово Господнее, сказанное в Евангелии богачу, отнесется и к нам: *безумный! в сию ночь твою душу возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?* (Лк. 12:30). Ничего не думая о завтрашнем дне, не позволим себе уклоняться от благочиния киновии.

Глава 31. Сребролюбие можно победить только живущему в киновии, и как можно здесь жить

Нет сомнения, что мы никак не сможем этого исполнить, даже подчиниться правилам монастырским не сможем, если сначала не будет прочным основанием положена в нас добродетель терпения, которое происходит только из источника смирения. Ибо смирение не умеет кому-либо наносить смущения; а терпение великодушно переносит причиненные нам неприятности.

Книга восьмая. О духе гнева

Глава 1

Четвертый подвиг предлежит нам против гнева, смертоносный яд которого нужно, с помощью Божией, исторгнуть из глубины души нашей. Если он гнездится в наших сердцах и ослепляет око ума вредным мраком, то мы не можем приобрести ни правильной рассудительности, ни ясности созерцания, ни зрелости совета; не можем быть участниками истинной жизни, твердыми в правде; не способны к удержанию духовного истинного света, ибо сказано: *иссохло от печали око мое* (Пс. 6:8). Не можем мы быть участниками мудрости, даже если бы всеми признавались мудрыми, ибо сказано: *гнев гнездится в сердце глупых* (Еккл. 7:9); и даже не можем достигнуть жизни бессмертной, хотя во мнении людей и кажемся благоразумными; ибо *гнев губит и разумных* (Притч. 15:1); не можем с прозорливой рассудительностью соблюдать и законы правды, даже если бы все считали нас совершенными и святыми: *ибо гнев человека не творит правды Божией* (Иак. 1:20). Никаким образом не можем приобрести и степенной благопристойности, уважаемой и у людей этого века, хотя бы мы по родовому преимуществу считались благородными и честными, ибо *муж ярый неблагообразен* (Притч. 11:25); никак не можем приобрести и зрелости совета, хотя кажемся важными и обладающими высшим знанием, ибо *острояростный без совета творит* (Притч. 14:17); не можем быть спокойны от вредных смущений и избегать грехов, хотя бы другие и вовсе не делали нам беспокойств, ибо *вспыльчивый человек возбуждает раздор, а терпеливый утишает распрю; человек... вспыльчивый много грешит* (Притч. 15:18, 29:22).

Глава 2. О тех, которые говорят, что гнев не вреден, если гневаемся на согрешающих, потому что и о самом Боге говорится, что гневается

Мы слышали, что некоторые стараются извинить эту губительную болезнь души, превратно толкуя Св. Писание, хотят умалить ее, говоря, что не вредно, если мы гневаемся на согрешающих братьев; даже о самом Боге говорится, что Он гневается на тех, которые не хотят знать Его или, зная, презируют, как говорится: *воспылал гнев Господа на народ Его* (Пс. 105:40); или как пророк молится, говоря: *Господи! не в ярости Твоей обличай меня, и не во гневе Твоем наказывай меня* (Пс. 6:2). Не понимают они того, что, желая предоставить людям повод к смертоносному пороку, они Богу, источнику всякой чистоты, оскорбительно приписывают страсть.

Глава 3. Какие действия человеческие приписываются Богу

Если это, когда говорится о Боге, понимать в чувственном, грубом, буквальном значении, то выйдет, что Он и спит, как говорится: *восстань, что спишь, Господи!* (Пс. 43:24); в другом месте говорится: *не дремлет и не спит хранящий Израиля* (Пс. 120:4); Он стоит (1Цар. 3:10; Ам. 9:1), и сидит, когда говорит: *небо – престол Мой, а земля – подножие ног Моих* (Ис. 66:1). Он меряет небо пядью, и землю заключает в горсть (Ис. 40:12); хмелеет от вина, когда говорится: *как бы от сна воспрянул Господь, как бы исполин, побежденный вином* (Пс. 77:65), который один имеет бессмертие и живет в свете неприступном (1Тим. 6:16). Я уже опускаю незнание (Ис. 58:3; Мф. 7:23) и забвение (Пс. 12:2, 41:10, 43:25), которые часто приписываются Ему в Св. Писании, потом очертание членов, которые приписываются Ему, как человеку, имеющему образ и состав, именно волосы, голову, ноздри, глаза, лицо, руки, мышцы, пальцы, чрево, ноги. Если бы мы захотели все это допустить в грубом, буквальном значении, то необходимо было бы думать, что Бог имеет очертание членов и телесный образ, чего вовсе нельзя сказать, и чего да не будет у нас.

Глава 4. Как надо судить о качествах и членах человеческих, приписываемых неизменяемому и бестелесному Богу

Итак, как без ужасного святотатства нельзя этого думать о Том, Кто, по свидетельству Св. Писания, невидим, неизречен, непостижим, неоценим, прост, несложен; так без большого богохульства нельзя приписать неизменяемой природе возбуждение гневом и яростью. Ибо под таким названием членов мы должны понимать безмерные действия Бога и божественные силы, которые мы можем понять только посредством этих употребительных названий членов. Так под именем уст мы понимаем слова Его, которые обычно тихо переливаются в сокровенные чувства души, или что Он говорил в отцах наших и пророках; под очами понимаем беспредельность прозорливости, которой Он все проникает и усматривает, и ничто не укрывается от Него из того, что делаем или думаем; под наименованием рук мы понимаем промысел и действие, по которому Он есть Творец и строитель всего; мышца есть знак силы и управления Его, по которому Он все поддерживает, устраивает и управляет. О прочем умалчиваю, только скажу, что седина головы означает долговечность, древность Божества, по которой Он без всякого начала, до всех времен и превосходит все твари. Так, когда читаем о гневе или ярости Божией, то должны понимать не человекообразно, т.е. по подобию человеческого возмущения, а достойно Бога, который чужд всякого возмущения, именно так можем понимать, что Он есть Судия и отмститель за все, что неправильно делается в этом мире, и, боясь означаемого этими словами страшного возмездия за наши дела, должны опасаться сделать что-нибудь против Его воли. Ибо человеческая природа обычно боится тех, о которых знает, что негодуют, и опасается оскорблять, как обычно боятся мстительного гнева некоторых правдивых судей те, которые мучаются совестью за какую-нибудь вину. Это не значит, что такое возмущение бывает в душах тех, которые должны праведно судить, а только боящиеся чувствуют такое

расположение духа, происходящее от требований закона, исследования правды и от возмездия. Но это с какой бы кротостью духа и тихостью ни было произнесено, считают большой яростью, жестоким гневом те, которые по своим заслугам должны понести наказание. Долго было бы, да и несообразно с целью этого писания объяснять все, что в Св. Писании говорится о Боге человекообразно. Для настоящей надобности достаточно сказать то, что относится к пороку ярости, чтобы никто по неведению не искал повода к болезни и смерти вечной там, где обретает святость, бессмертие жизни и средства к спасению.

Глава 5. Какая кротость приличествует монаху

Итак, монах, стремящийся к совершенству и желающий законно подвизаться на духовном поприще, должен быть чужд всякого порока гнева и ярости, и пусть слушает, что заповедует ему сосуд избрания: *всякое раздражение, говорит, и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас* (Еф. 4:31). Когда говорит: всякий гнев да будет удален от вас (Здесь запрещается только всякий беспорядочный гнев, как причина греха. Ниже в гл. 7 и 8 преподобный Кассиан допускает гнев против своих грехов и недостатков и в Давиде похвалил негодование на Аверсу (2Цар. 16:10). Св. Григорий Великий говорит: иной гнев бывает, который возбуждается от нетерпеливости; иной, который порождает ревность к правде; тот рождается от порока, а другой – от любви к добродетели. Если бы от добродетели не происходило никакого гнева, то Финеес не удовлетворил бы мечом гнева Божия. Поскольку Илий этого гнева не имел, то возбудил против себя высшее мщение. Об этом гнев Псалмопевец говорит: *гневаясь, не согрешайте* (Пс. 4:5). Это понимают неправильно те, которые хотят, чтобы мы гневались только на себя, а не на погрешающих ближних. Ибо если нам заповедуются, как любить ближних, то, следовательно, и гневаться можно на их грехи так же, как и на наши пороки. Если мы гневаемся на себя за грехи, почему на том же основании не гневаться нам и на ближних, оскорбляющих Бога? Гнев бывает двоякого рода: добрый, согласный с разумом, и беспорядочный, порочный. Похвальный гнев бывает, во-первых, когда мужественно противимся дьяволу и внушениям его. Так, Спаситель с гневом отогнал от Себя искушителя (Мф. 4:10). Во-вторых, когда воспламеняемся на самих себя, т.е. за худые наши страсти, пороки, и приносим достойные плоды покаяния. В-третьих, когда мы по ревности к правде или любви возбуждаемся против ближних, грешащих и оскорбляющих Бога, и исправляем их, а подчиненных наказываем. Такой гнев в Св. Писании называется ревностью по Боге. Такой ревностью отличались Моисей, Финеес, Самуил,

Давид, Илия и другие; и сам Спаситель показал то же, когда, с гневом возрев на иудеев, огорчился их ожесточению и ослеплению сердца их (Мк.3:5), продавцов выгнал из храма (Мф.21:12; Ин.2:15), резко обличал фарисеев и книжников (Мф. 23; Лк. 11:40 и далее), строго обличил и апостола Петра: *отойди от Меня, сатана!* (Мф. 16:23). Следовательно, гнев бывает и полезный, и похвальный. Не одобряется гнев беспорядочный, который помрачает, извращает суждение разума или не покоряется ему; а это бывает и со стороны предмета, и в понимании стремления гнева. Со стороны предмета гнев бывает плох, грешен, во-первых, если кто желает отметить неправильно, по незаконной причине, или же тому, кто не заслужил. Во-вторых, хотя по правильной причине хочет отметить, но превышая вину; это – жестокость сердца в нанесении наказания. В-третьих, когда кто самоуправно, не по законной власти, не по законному порядку требует наказания оскорбившего. Ибо отмщение принадлежит судье, как служителю Божию, а частным людям запрещается (Рим. 12:19). В-четвертых, когда гневаются не с добрым намерением, не для того, чтобы исправить ближнего, соблюсти правду и благочиние, чтобы оскорбителя и других удержать от обид на будущее время, но гневаются по злобе, зложелательству, для того, чтобы оскорбителю было худо. Это уже дело злости, противное любви к ближнему. А в понимании стремления гнева мы грешим разным образом: когда гнев до чрезмерности разгорается или продолжается дольше надлежащего); то не оставляет нам никакого предлога к гневу, даже если он кажется необходимым и полезным. Поэтому согрешающего брата, если необходимо, надо стараться исправлять так, чтобы, желая исцелить страждущего, может быть, легкой лихорадкой, самому не подвергнуться болезни ослепления гневом. Ибо кто желает исцелить раны другого, тот сам должен быть здоров и свободен от всякой ослабляющей болезни, чтобы не сказано было ему евангельское слово: *врач! исцели самого себя* (Лк. 4:23); также: *что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату своему:*

дай я выну сучок из глаза твоего; а вот, в твоём глазе бревно? (Мф. 7:3–4).

Глава 6. О неправедном или праведном возбуждении гнева

От какой бы причины ни возбудился гнев, он ослепляет очи сердечные и, причиняя гибельную язву остроте зрения, не дает созерцать солнце правды. Все равно: золотой ли лист, или свинцовый, или другого какого металла будет положен на глаза – ценность металлов не делает различия в ослеплении. Правда, гнев, присущий нам, оказывает и услугу, для которой только и полезно, спасительно нам иметь его; когда мы, досадуя на сладострастные движения нашего сердца, раздражаемся и то, что стыдимся делать или говорить перед людьми, не допускаем в тайники нашего сердца, трепеща от страха присутствия ангелов и самого Бога, везде и все проникающего, и взора Его, от которого не могут укрыться тайны нашей совести.

Глава 7. В чем необходим для нас гнев, или какими примерами блаженного Давида гнев спасительно допускается

Можно гневаться и против самого гнева за то, что он возгорелся в нас на брата, и, разгневавшись за это, мы не предоставляем ему вредного укрытия в сокровенности нашего сердца. Так гневаться учит нас и пророк, который до того выгнал его из своих чувств, что не хотел мстить даже и врагам своим и, когда они были переданы ему Богом, говорил: *гневаясь, не согрешайте* (Пс. 4:5). Когда он захотел воды из колодца Вифлеемского и получил ее от мужей храбрых, которые, подвергаясь опасности, пронесли ее через отряды врагов, то, рассердясь на это, тотчас вылил на землю, и, таким образом гневом подавив страсть вожделения, принес ее в жертву Господу, и не исполнил желания своего, говоря: *сохрани меня Господь, чтоб я сделал это! не кровь ли это людей, ходивших с опасностью собственной жизни?* (2Цар. 23:17). Или, когда Семей бросал в царя Давида камни, вслух перед всеми его поносил, и Авесса, сын Саруин, начальник воинов, за обиду царя хотел отомстить снятием с Семей головы, то блаженный Давид, благочестиво негодуя на жестокое предложение его, непоколебимой кротостью сохранил смирение и силу терпения, говоря: *что мне и вам, сыны Саруины? оставьте его, пусть он злословит; ибо Господь повелел ему злословить Давида. Кто же может сказать: зачем ты так делаешь?.. вот, если мой сын, который вышел из чресл моих, ищет души моей, тем больше сын Вениамитянина; оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему; может быть, Господь призрит на уничижение мое, и воздаст мне Господь благостью за теперешнее его злословие* (2Цар. 16:9–12).

Глава 8. Гневаться надо на самих себя

Итак, повелевается нам гневаться с пользою на самих себя или на приходящие дурные помыслы и не грешить, т.е. не приводить их во вредное действие. Этот смысл лучше поясняется следующим стихом: *размыслите в сердцах ваших на ложах ваших, и утишитесь* (в славянском – умилитесь) (Пс. 4:5), т.е. что вы думаете в сердцах ваших при внезапном нападении дурных помыслов, то, удаляя размышлением всякое смятение и смущение гнева, находясь как бы на ложе покоя, исправляйте и заглаживайте спасительным сокрушением. И блаженный апостол, воспользовавшись свидетельством этого стиха и сказав: *гневаясь, не согрешайте*, – прибавил: *солнце да не зайдет во гневе вашем, и не давайте места диаволу* (Еф. 4:26–27). Если в гневе нашем вредно заходить солнцу правды и, разгневавшись, мы тотчас даем дьяволу место в сердце нашем, то как уже выше он заповедал, чтобы мы гневались, говоря: гневайтесь, и не согрешайте? Не ясно ли он высказывает такую мысль: гневайтесь на пороки и ярость вашу, чтобы при вашем потворстве им не заходило солнце правды (Христос) в омраченных душах по причине гневливости вашей, и чтобы после удаления Его вы не дали дьяволу место в сердцах ваших.

Глава 9. О каком солнце говорится, чтобы оно не зашло в гнев нашем

Об этом солнце Бог через пророка ясно напоминает, говоря: *а для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его* (Мал. 4:2). Еще говорится, что для грешников, лжепророков и гневающихся оно закатится в полдень, как говорит пророк: *закатится для них солнце в полдень* (Ам. 8:9). А в иносказательном смысле под солнцем можно понимать разум, который справедливо называется солнцем, что освещает все сердечные помыслы и суждения; он да не погашается гневом, чтобы после захождения его мрак возмущения с виновником своим, дьяволом, не занял все чувства нашего сердца, и нам, объатым тьмою гнева, как в темную ночь, не остаться в неведении, что нам нужно делать. В таком смысле это изречение апостола передано нам старцами (поскольку необходимо было сказать, как они думали о гнев), которые не позволяют ему проникать в сердца даже на минуту, всячески соблюдая заповедь Евангелия: *гневающийся на брата своего подлежит суду* (Мф. 5:22). Но если бы позволительно было гневаться даже до заката солнца, то ярость могла бы увлечь до совершения мщения прежде, чем солнце закатится (Св. Златоуст слова апостола (Еф. 4:26) о закате солнца принимает буквально, в том смысле, что тотчас надо подавлять гнев, примириться с оскорбившим, нельзя продлять гнев до другого дня, чтобы он не обратился в злопамятность; следует немедленно подавлять гнев, а не значит, что гнев можно иметь только до заката солнца).

Глава 10. О тех, которые и на закате солнца не прекращают гневаться

А что сказать о тех (чего не могу подумать без стыда), зложелательству которых уже и закат солнца не кладет предел, но продлевает его на многие дни и, сохраняя в сердце злобу на тех, на которых раздражились, хотя на словах отвергают, что гневаятся, а на самом деле из поступков открывается, что они сильно досадуют. Ибо не заводят с ними приличной речи, не говорят с обычной ласковостью и думают, что они в этом вовсе не грешат, потому что не домогаются отмщения по своему раздражению; однако, поскольку не имеют возможности или не могут явно выказать и исполнить отмщение, а тайно питают его в сердце, то обращают ад гнева в свою погибель, когда горечь скорби не выгоняют, а только затаивают в себе на время.

Глава 11. Притворно скрывающий свой гнев грешит так же, как и обнаруживающий его

Думают, что вышесказанным не должно окончиться мщение, а достаточно удовлетворят своему гневу и скорби тогда, когда по внушению гнева исполнят, что смогут. Так делают те, которые возмущение свое сдерживают не по желанию миролюбия, а из-за неудобства мщения. Ибо ничего больше не могут причинить тем, на которых прогневались, как только не говорить с ними с обычной ласковостью, как будто гнев нужно обуздывать только на деле и нет нужды изгонять его из сокровенности нашего сердца. Омрачившись тьмою его, мы лишимся света знания и здравого совета и никак не сможем быть храмом Св. Духа, пока будет обитать в нас дух гнева. Удерживаемый в сердце гнев хоть и не оскорбляет присутствующих людей, но исключает светлое сияние Св. Духа.

Глава 12. Гнев и на короткое время непозволительно иметь

Бог не хочет, чтобы мы удерживали гнев даже на короткое время, потому что Он не позволяет приносить и духовные жертвы наших молитв, если мы сознаем, что кто-нибудь имеет хоть какую-нибудь обиду на нас, говоря: *если принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой* (Мф. 5:23–24). Следовательно, как же мы позволим себе, не говоря, на многие дни, но даже до заката солнца удерживать обиду на брата, тогда как нам не позволено приносить наши молитвы Богу, если кто-нибудь имеет обиду на нас? И апостол заповедует: *непрестанно молитесь* (1Сол. 5:17); *желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения* (1Тим. 2:8). Итак, остается или никогда не молиться, удерживая ад в сердцах своих, и быть виновными в нарушении этой апостольской заповеди, которая повелевает непрестанно и везде молиться, или если, обманывая самих себя, хотим приносить молитву вопреки ее запрещению, то должны знать, что будем приносить Господу не молитву, а упрямство в духе противления Ему.

Глава 13. О братском примирении

Поскольку мы по большей части презираем обиженных и оскорбленных братьев или, говоря, что они оскорбились не по нашей вине, пренебрегаем ими, то врач душ, знающий все сокровенное, желая с корнем исторгнуть из наших сердец поводы к гневу, велит нам прощать, примиряться с братьями нашими и не иметь памяти об обиде или оскорблении не только когда мы оскорблены ими, но и когда знаем, что они имеют нечто против нас, справедливо ли или несправедливо. Также заповедует нам, чтобы мы, оставив свой дар, т.е. прекратив свои молитвы, поспешили сначала принести удовлетворение им и таким образом, сперва исцелив брата, приносили чистые дары наших молитв. Ибо общий всех Господь не благоволит к нашему служению, когда Он что в одном приобретает, то в другом теряет от возникшей скорби. Ибо во вреде всякого человека одинакова бывает потеря для Того, Кто одинаково желает и ожидает спасения всех Своих рабов. И потому, когда брат имеет что-то против нас, молитва наша будет недействительна, все равно, как если бы и мы в раздраженном духе питали вражду против него.

Глава 14. Также и ветхий закон запрещает иметь гнев не только в действии, но и в мыслях

Но что нам долго останавливаться на заповедях евангельских и апостольских, когда и древний закон, который, кажется, имеет некоторое снисхождение, тоже самое запрещает, говоря: *не враждуй на брата твоего в сердце твоём* (Лев. 19:17), и опять: *пути злопомнителей в смерть* (Притч. 12:28)? Видишь, и там злость запрещается не только в деле, но и в тайных мыслях, когда повелевается с корнем исторгнуть из сердца злобу и не только не мстить за обиду, но даже и не помнить о ней.

Глава 15. Говорится о тех, которые причины своей нетерпеливости перекладывают на других

Иногда мы, побежденные гордостью или нетерпеливостью, намереваясь исправить свой необразованный, беспорядочный нрав, желаем удалиться в уединенные места, как будто там быстро приобретем добродетель терпения, когда никто не будет трогать нас. Извиняя свое нерадение, говорим, что причины гнева заключаются не в нашей нетерпеливости, а в пороках братьев. И так как причины нашего греха возлагаем на других, то никогда не в состоянии будем достигнуть высшей степени терпения и совершенства.

Глава 16. Спокойствие нашего сердца зависит не от произвола другого, а от нас

Главную причину нашего исправления и спокойствия надо видеть не в произволе другого, который не подлежит нашей власти, а заключается она в нашем состоянии. Итак, чтобы нам не гневаться, это должно происходить не от совершенства другого, а от нашей добродетели, которая приобретается не чужим терпением, а нашим великодушием.

Глава 17. С каким намерением надо удаляться в пустыню

Пустыню искать нужно совершенным, очищенным от всякого порока, и после совершенного очищения от пороков в обществе братьев уходить в нее не по малодушию, а для божественного созерцания, с желанием высшего видения, которое может быть получено только в уединении и только совершенными. Ибо если неисцеленные пороки мы перенесем в пустыню, они будут скрыты в нас, но не истреблены. Ибо уединение как приводит чистых нравом к чистому созерцанию, и ясным видением открывает знание духовных тайн, так и пороки не очистившихся не только не очищает, но еще увеличивает. Отшельник до тех пор кажется себе терпеливым и смиренным, пока не сталкивается ни с каким человеком. А когда встретится какой-нибудь случай к раздражению, то он тотчас возвращается к прежней страсти, ибо тотчас обнаруживаются пороки, которые, как необузданные и от продолжительного покоя утучненные кони, с рвением вырываются из своих затворов и неистово влекут своего всадника к гибели. Ибо если страсти прежде не будут очищены, то больше неистовствуют в нас, когда люди не предоставляют нам повода обнаружить их на деле. Не упражняясь из-за беспечности, мы губим и малое терпение, которое, казалось, имели, находясь вместе с братьями, боясь стыда и людского замечания.

Глава 18. Нетерпеливы и раздражительны бывают и те, кого люди не трогают

Как все ядовитые змеи или звери, находясь в пустыне и своих логовищах, пребывают как бы безвредными; однако из-за этого не следует считать их безобидными. Ибо это зависит не от доброты их, а от свойства пустыни. А если представится удобный случай укусить, они скрытый яд и злость души тотчас изливают и выказывают. Потому ищущим совершенства недостаточно не гневаться на человека. Ибо помним, что когда мы пребывали в пустыне, то сердились на писчую трость, когда не нравилась толщина или тонкость ее; и на ножик, когда тупым лезвием медленно перерезал; и на кремь, если не скоро вылетала из него искра огня, когда мы спешили к чтению; вспышка негодования простиралась до того, что возмущение духа мы могли подавить и успокоить не иначе, как произнеся проклятие бесчувственной вещи или, по крайней мере, дьяволу. Поэтому для достижения совершенства недостаточно только отсутствия людей, чтобы не на кого было гневаться; если сначала не будет приобретено терпение, то страсть гнева может устремляться и на бездушные вещи и по любым поводам. Находясь в нашем сердце, она не допустит освобождения от прочих пороков, постоянного спокойствия; разве в том думаем приобрести какую-нибудь пользу или лекарство нашим возмущениям, что бездушные, немые вещи не отвечают на проклятия, гнев наш или раздражительность нашего сердца, не возбуждают большего разжигания безрассудной ярости.

Глава 19. О подавлении гнева по евангельскому учению

Итак, если хотим получить ту высшую божественную награду, о которой говорится: *блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога* (Мф. 5:8), то не только в наших действиях следует подавлять гнев, но с корнем должен быть извергнут он и из сокровенности души. Ибо немного пользы в том, чтобы сдерживать пыл гнева в словах, не обнаруживать в деле, если Бог, перед Которым не скрыты тайны сердечные, увидит его в сокровенности нашего сердца. Ибо евангельское учение заповедует пресекать больше корни пороков, нежели плоды, которые после истребления корней, без сомнения, больше не будут произрастать; таким образом, дух постоянно может пребывать в терпении и святости, когда гнев будет подавлен не только во внешних действиях и поступках, но и в сокровенности помыслов. И для того, чтобы не произошло человекоубийство, подавляется гнев и ненависть, без которых не случается этот грех. Ибо *всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5:22); *всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца* (1Ин. 3:15), именно потому, что сердцем желает убить его. Люди не видят, чтобы кровь была пролита его рукою или мечом; но из-за страсти гнева он человекоубийцею считается Господом, Который не только за дела, но и за желания воли и намерения воздаст каждому или награду, или наказание, как Он сам говорит через пророка: *ибо Я знаю деяния их и мысли их; и вот, приду собрать все народы...* (Ис. 66:18). И апостол говорит: *мысли их то обвиняют, то оправдывают одна другую, – в день, когда... Бог будет судить тайные дела человеков* (Рим. 2:15–16).

Глава 20. Как надо понимать гнев напрасный

Следует знать, что в некоторых экземплярах читается: *всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5:22). Здесь слово напрасно – лишнее, без причины прибавлено теми, которые не думали, что нужно подавлять гнев, возбуждающийся и по справедливым причинам. Между тем даже тот, кто рассердился без основания, не станет говорить, что он разгневался без причины. Поэтому видно, что слово прибавлено теми, которые не поняли намерения Св. Писания, желающего всячески истребить корень гнева и не оставить никакого повода к негодованию. Ибо цель терпения состоит не в том, чтобы гневаться только справедливо, а в том, чтобы вовсе не гневаться. Хотя некоторые, как я знаю, это выражение «напрасно» или «без причины» толкуют так, что будто без причины гневается тот, кому непозволительно желать мщения тому, на кого рассердился; однако лучше держаться того, как написано во многих новых и всех древних экземплярах (И блаженный Иероним, кажется, держится этого мнения. Он говорит: если нам повелевается подставлять другую щеку бьющему, любить врагов своих и молиться за гонящих, то этим отнимается всякий предлог к гневу. Не свободен от греха тот, кто, будучи оскорблен или обижен, гневается на другого. Ибо как никому не позволительно своевольно убивать кого-нибудь и по справедливой причине, так никому нельзя и сердиться по справедливой причине, желать другому зла или мстить за обиду, что значит воздавать злом за зло. Этому не противоречит, если кто иногда без греха рассердится на другого или назовет дураком. Ибо здесь не запрещаются первые движения гнева, которые и не в нашей власти, но запрещается гнев обдуманный, сильный, за которым следует согласие. Не запрещается гнев и такой, когда гневается кто или оскорбляется пороком человека, к внушению чего, по мнению некоторых, и сказано: кто гневается на брата своего, т.е. не на порок, а на человека, которого надо, поскольку он брат, по-братски любить. Потому блаженный Августин говорит: надо смотреть, что

означает гневаться на брата своего; ибо кто гневается на грех брата, не на брата сердится. Гневаться на брата, чтобы исправился, этого никто здравомыслящий не будет порицать. Ибо такой гнев, происходящий от расположения к добру и от святой любви, нельзя назвать пороком, когда следует здравому разуму).

Глава 21. Средства к искоренению гнева

Поэтому подвижнику Христову, законно подвизающемуся, необходимо с корнем истребить гнев. Полное лечение этой болезни состоит в том, чтобы, во-первых, быть уверенным, что нам нельзя сердиться ни по справедливым, ни по несправедливым причинам, зная, что мы тотчас лишимся света рассудительности, твердости правильного совета, даже самой честности и направления правды, если изначальный свет нашего сердца будет помрачен тьмою гнева. Потом, чистота нашего духа тотчас будет возмущена, и он не сможет быть храмом Св. Духа, когда дух гнева овладеет нами. Наконец, мы должны размышлять, что нам разгневанным никак нельзя будет молиться, изливать моления Богу. И особенно имея в виду непрочное состояние человеческого положения (т.е. неизвестность смерти), мы должны думать, что каждый день можем переселиться из тела, и нам не доставит никакой пользы ни воздержание целомудрия, ни презрение богатства, ни труды поста и бдения, когда Судия вселенной угрожает нам вечным наказанием за один лишь гнев и ненависть (О средствах против гнева пространнее говорится у св. Василия Великого в слове о гневе, у Кассиана в Соб. 16, гл. 27; Соб. 18, гл. 12 и 13, у св. Григория Великого кн. 5. Moral. cap. 31).

Книга девятая. О духе печали

Глава 1

Пятый подвиг – притупить жало едкой печали, которая если будет овладевать нашей душою в разных несчастных случаях, то всякий раз будет лишать нас способности к божественному созерцанию и сам дух низвергать из состояния чистоты, совершенно расслаблять и угнетать. Она не позволяет ни совершать молитвы с обычной ревностью сердца, ни с пользою заниматься священным чтением, не допускает быть спокойным и кротким с братьями; ко всем обязанностям трудов или богослужения делает нетерпеливым и неспособным, погубив всякий спасительный совет и возмутив постоянство сердца, делает безумным, опьяняет чувство, сокрушает и подавляет мучительным отчаянием.

Глава 2. С какою заботливостью надо лечить болезнь печали

Поэтому с не меньшей заботливостью нам необходимо лечить и эту болезнь, если желаем законно подвизаться подвигом на духовном поприще. Ибо как моль одежде, червь дереву, так печаль вредит сердцу человека. Силу этого вредного и губительного порока Божественный Дух довольно ясно и точно изобразил (Притч. 25:20).

Глава 3. С чем сравнивается душа, съедаемая печалью

Ибо одежда, изъеденная молью, уже не имеет никакой цены или приличного употребления; также и дерево, испорченное червями, не стоит употреблять на украшение даже посредственного здания, а годно оно только на сожжение огнем. Так и душа, съедаемая едкой печалью, как одежда, будет бесполезна и для той первосвященнической одежды, которая обычно принимает елей Св. Духа, стекающий с неба сначала на бороду Аарона, потом на края ее, как это изображается в пророчестве Давида: *как драгоценный елей на голове, стекающий на бороду, бороду Ааронову, стекающий на края одежды его* (Пс. 132:2). Она не может быть пригодной и для построения и украшения того духовного храма, основание которого положил мудрый строитель Павел, говоря: *вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас* (1Кор. 3:16). Каковы его деревья, это показывает невеста в Песни Песней, говоря: *кровли домов наших – кедры, потолки наши – кипарисы* (Песн. 1:16). Такие-то рода деревьев требуются для храма Божия, – благовонные и не гниющие, которые бы не подвергались ни гниению от ветхости, ни съедению червями.

Глава 4. От чего, или каким образом рождается печаль

Впрочем, (эта страсть) иногда происходит от предшествующего порока – гнева – или рождается от неудовлетворения желания какой-нибудь корысти, когда кто видит, что он потерял рожденную в уме надежду получить какие-нибудь вещи, а иногда без всяких причин, располагающих к этой болезни; по влиянию тонкого врага мы вдруг подвергаемся такой скорби, что не можем с обычной приветливостью принимать даже любезных лиц и родственников наших, и что бы ни было сказано ими в приличном разговоре, нам все кажется несвоевременным и лишним, и мы не даем им приятного ответа, когда все изгибы нашего сердца наполнены желчной горечью.

Глава 5. Смущение происходит в нас от порочности нашей

Отсюда очень ясно открывается, что не всегда от вины других происходит в нас возмущение, а чаще от нашей порочности, потому что мы имеем в себе скрытые причины оскорблений и семена пороков, которые, как только дождь искушений прольется на нашу душу, тотчас производят ростки и плоды.

Глава 6. Никто внезапно не подвергается падению, но мало-помалу намеренно уклоняясь от правды, наконец погибает

Никто никогда не может быть принужден впасть в грех по поводу чужого порока, если в своем сердце не будет расположен к грехам. Нельзя думать, что кто-нибудь обольстился внезапно, когда, увидев красоту женщины, впал в яму гнусной похоти; тогда по случаю видения только вышла наружу потаенная, скрывавшаяся внутри болезнь.

Глава 7. Для достижения совершенства нужно не удаляться от общения с братьями, а всегда вооружаться терпением

Поэтому Бог, лучше всех зная Свое творение и что не в других, а в нас самих заключаются корни зла и причины оскорблений, заповедал не оставлять общества братьев, не избегать тех, которых мы оскорбили или которые нас оскорбили, а повелел смягчаться, зная, что совершенство сердца приобретается не столько удалением от людей, сколько добродетелью терпения. Если терпение будет твердо укреплено, то может сохранить нас мирными даже с ненавидящими мир; если же не будет оно приобретено, то постоянно будем в несогласии даже с лучшими и совершенными. Ибо случаи смущений, из-за которых спешим оставить тех, с которыми имеем отношения, не могут не случаться в общении с людьми, и потому мы не избегаем, а только меняем причины печали, по которым уклоняемся от первых (людей).

Глава 8. Если нравы наши будут исправлены, то мы можем сойтись со всеми

Итак, нам следует стараться лучше очистить наши пороки, исправить нравы. Если они будут исправлены, то, не говоря уж, с людьми, даже со зверями и животными очень легко сойдемся, как сказано в книге блаженного Иова: *и звери полевые в мире с тобою* (Иов. 5:23). Ибо мы не испугаемся приходящих извне оскорблений, и никто со стороны не сможет ввести нас в соблазн, если внутри нас не будут посажены корни грехов (страсти): *ибо велик мир у любящих закон Твой, и нет им преткновения* (Пс. 118:165).

Глава 9. О другом роде печали, которая приводит к отчаянию в спасении

Есть и другого рода печаль – гораздо худшая, которая согрешающую душу ведет не к исправлению жизни, не к очищению, а к гибельнейшему отчаянию. Она не допустила Каину покаяться после братоубийства и Иуде после предания Господа поспешить к средствам удовлетворения, а в отчаянии вовлекла его в петлю виселицы.

Глава 10. В чем бывает полезна нам печаль

Только в одном случае надо считать печаль полезной для нас, когда она возникает от покаяния в грехах, или от желания совершенства, или от созерцания будущего блаженства. О ней святой апостол говорит: *печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению; а печаль мирская производит смерть* (2Кор. 7:10).

Глава 11. Как отличить полезную печаль ради Бога от дьявольской, смертоносной

Но эта печаль, производящая неизменное покаяние к спасению, бывает послушна, приветлива, смиренна, кротка, приятна, терпелива, как происходящая от любви к Богу, по желанию совершенства неутомимо простирающаяся к всякой скорби тела и сокрушению духа, и некоторым образом веселая, ободряя надеждою своего совершенства, сохраняет всю приятность приветливости и великодушия, имеет в себе все плоды Св. Духа, которые перечисляет апостол: *плод же Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5:22). А бесовская печаль бывает очень сурова, нетерпелива, жестока, строптива, соединена с бесплодной грустью и мучительным отчаянием. Ослабляя подвергшегося ей, она отвлекает от усердия и спасительной скорби, как безрассудная, прерывает не только действенность молитв, но упраздняет и все сказанные духовные плоды, которые доставляет печаль ради Бога.

Глава 12. Кроме спасительной печали ради Бога, которая рождается тремя способами, всякая другая печаль должна быть отвергнута

Поэтому кроме той печали, которая происходит от спасительного покаяния, или от ревности к совершенству, или от желания будущих благ, всякая печаль, как мирская и причиняющая смерть, должна быть отвергнута, также как дух блуда, или сребролюбия, или гнева, должна быть совершенно изгнана из наших сердец.

Глава 13. Какими средствами нужно изгонять печаль из сердца

Итак, эту губительную страсть мы можем выгнать из себя, если ум наш, постоянно занятый духовным размышлением, будем ободрять будущей надеждою и созерцанием обещанного блаженства. Ибо этим способом печали, которые происходят или от предшествующего гнева, или от неполучения прибыли, или от несения убытка, или от причиненной обиды, или от неразумного смущения духа, и приводят нас к смертному отчаянию. Мы можем победить, когда, постоянно ободряя себя созерцанием будущих, вечных предметов, пребывая непоколебимыми, не будем падать духом при сиюминутных несчастных приключениях, а при счастливых обстоятельствах не станем возноситься, будем смотреть на то и другое, как на тленное и скоропреходящее (В «Добротолюбии» сказано, что печаль лечится молитвою, надеждою на Бога, поучением в слове Божию и общением с благочестивыми людьми).

Книга десятая. О духе уныния

Глава 1

Шестой подвиг предлежит нам против духа уныния (Уныние – *acedia* [от *α* – "не" и *χῆρος* – «старание, труд»]; *acedia* – беспечность, нерадивость, совершенное расслабление, упадок духа), которое сродни печали. Ему особенно подвергаются скитающиеся и уединенные (монахи). Этот злой враг часто нападает на монаха около шестого часа (в полдень), как какая-нибудь лихорадка, нападающая в определенное время, своими приступами причиняет больной душе жестокий жар в определенные часы. Некоторые из старцев называют его бесом полуденным, о котором говорит и Псалмопевец (Пс. 90:7).

Глава 2. Как уныние вкрадывается в сердце монаха и какой вред причиняет духу

Когда уныние нападет на жалкую душу, то производит страх места, омерзение к келье и к братьям, которые живут с ним или вдали, порождает презрение, отвращение, как к нерадивым и менее духовным. Также и ко всякому делу внутри кельи делает ленивым. Дух уныния не позволяет ему ни оставаться в келье, ни заниматься чтением, и он часто стонет, что, пребывая столько времени в той же келье, ничего не успевает, ропщет и вздыхает, что не имеет никакого духовного плода, пока будет связан с этим обществом, скорбит, что не имеет духовной пользы и напрасно живет в этом месте, так как, имея возможность управлять другими и приносить пользу очень многим, он никого не поучает и никому не доставляет пользы своим наставлением и учением. Другие отдаленные монастыри хвалит и места те считает более полезными для преуспевания и более способствующими спасению, также общество братьев представляет приятным в духовной жизни. Напротив, что находится под руками, то все худо, не только нет никакого поучения братьям, но и само телесное содержание приобретается с большим трудом. Наконец думает, что, пребывая в этом месте, он не может спастись, что следует оставить келью, в которой ему придется погибнуть, если будет и дальше оставаться в ней, и потому как можно скорее переселяется в другое место. Потом уныние производит также ослабление тела и голод в пятом и шестом (по нашему счислению – в одиннадцатом и двенадцатом) часу, как будто он утомлен и ослаблен долгим путем и самым тяжелым трудом или проводил два или три дня в посте, без подкрепления пищею. Потому беспокойно озирается, вздыхает, что никто из братьев не войдет к нему, часто то выходит, то входит в келью и часто глядит на солнце, как будто оно медленно идет к западу. Таким образом, в таком неразумном смущении духа, как будто земля покрылась мраком, пребывает праздным, не занятым никаким духовным делом, и думает, что ничто не может быть средством

против такой напасти, кроме как посещение какого-либо брата или утешение сном. Потому этот недуг внушает, что нужно делать приличные поздравления и посещения недужных, находящихся вблизи или вдали. Также внушает (как какие-нибудь благочестивые, набожные обязанности), что надо найти родителей и чаще ходить с поздравлениями к ним; считает великим делом благочестия чаще посещать какую-нибудь благочестивую, посвятившую себя Богу женщину, особенно не имеющую никакой помощи от родителей, а если ей необходимо что-то, чего не дают ее родители, о том заботиться есть дело самое святое, и следует больше к этому прилагать благочестивых усилий, нежели бесплодно, без всякой пользы сидеть в келье.

Глава 3. Уныние чем побеждает монаха

Итак, несчастная душа, опутанная такими хитростями врагов, ослабленная духом уныния, как сильным тираном, впадает в сон или, выгнанная из затворничества кельи своей, начинает искать в этой напасти утешение в посещении брата. А этим средством, от которого в настоящее время душа как будто получает облегчение, немного позже еще больше будет ослаблена. Ибо чаще и более жестоко враг будет искушать того, о ком знает, что тот, вступив в борьбу, тотчас обратится в бегство, и в ком предвидит, что он ожидает спасение себе не от победы, не от борьбы, а от бегства. Оставляя свою келью, он мало-помалу станет забывать дело своего звания, которое есть не иное что, как созерцание той божественной и превосходящей все чистоты, которая никак не может быть приобретена, как только постоянным пребыванием в келье и размышлением в безмолвии. Таким образом, воин Христов, сделавшись изменником и беглецом от своей военной службы, связывает себя житейскими делами и становится неугодным военачальнику (2Тим. 2:4).

Глава 4. Уныние ослепляет ум, делает неспособным к созерцанию добродетелей

Блаженный Давид хорошо показал весь вред этой болезни в одном стихе, говоря: *воздремала душа моя от уныния* (Пс. 118:28). Хорошо он сказал, что не тело, а душа собственно воздремала. Ибо истинно, душа дремлет в деле созерцания добродетелей и рассмотрения духовных чувств, когда уязвлена стрелой этой страсти.

Глава 5. Двойное уныние бывает

Итак, истинный подвижник Христов, который хочет законно подвизаться, должен поспешить выгнать из тайников своей души и эту болезнь и против этого злейшего духа уныния действовать с обеих сторон, так чтобы не пасть, сраженному стрелою сна, и чтобы, вышедшему, хоть и под благовидным предлогом, из монастыря, не быть беглецом.

Глава 6. Как зловредны бывают действия уныния

Ибо кого начнет оно одолевать с какой-либо стороны, того заставит пребывать в келье ленивым, беспечным, без всякого успеха духовного, или, выгнав оттуда, сделает потом непостоянным во всем, праздношатающимся, нерадивым ко всякому делу, заставит его постоянно обходить кельи братьев и монастыри и ни о чем другом не заботиться, как только где и под каким предлогом можно бы найти случай пообедать. Ибо ум празднолюбца не умеет ни о чем другом думать, как только о пище и чреве, до тех пор, пока не сведет дружбу с каким-нибудь человеком или женщиной, расслабленными одинаковой холодностью, и озаботится делами их и нуждами. И таким образом мало-помалу так запутывается во вредных занятиях, как в змеиных извилинах, что потом уже никогда не в состоянии будет развязаться для достижения совершенства прежнего обета монашеского.

Глава 7. Свидетельства апостола о духе уныния

Святой апостол, как истинный и духовный врач, видя, что эта болезнь, происходящая от духа уныния, и в его время распространялась, или Св. Духом предвидя, что возникнет и между монахами, спешит предупредить ее спасительным лекарством своих заповедей. Сначала, как искуснейший и совершенный врач, исцеляя немощь больных ласковым, мягким словом, начинает с любви и хвалит их с этой стороны, пока смертельная рана, обвязанная смягчающим лекарством, оставив опухоль негодования, не станет легче переносить острые лекарства; в послании к фессалоникийцам говорит так: *о братолюбии же нет нужды писать к вам; ибо вы сами научены Богом любить друг друга, ибо вы так и поступаете со всеми братьями по всей Македонии (1Сол. 4:9–10)*. Сперва предложил припарки похвалы, сделал их мягкими, готовыми к принятию спасительного слова, потом говорит: *умоляем же вас, братия, более преуспевать* (Там же, 10). Еще мягкими, приветливыми словами ласкает их, чтобы не найти их неспособными принять совершенное лекарство. Что же это такое, о чем умоляет апостол, чтобы они более преуспевали в любви, о которой выше говорил: *о братолюбии нет нужды писать вам*? И что за необходимость говорить им: *умоляем вас более преуспевать*, когда они и не нуждались в том, чтобы им писано было что-нибудь об этом предмете; особенно когда открывает причину, по которой они не нуждаются в этом: *ибо вы сами научены Богом любить друг друга*. Потом еще прибавляет, что не только Богом научены, но и на деле исполняют то, чему научены; ибо вы, говорит, так и поступаете, не только с одним или двумя, но со всеми братьями, не только с вашими или известными гражданами, но во всей Македонии. Потом прибавляет: *умоляем же вас, братия, более преуспевать*, и едва высказывает то, о чем прежде заботился: *и усердно стараться о том, чтобы жить тихо*, высказал первую причину; потом прибавляет вторую: *делать свое дело*; также третью: *и работать собственными своими руками, как*

мы заповедали вам (Там же, 11); четвертую: *чтобы вы поступали благоприлично пред внешними*; пятую: *и чтобы вы ничего ничьего не желали* (Там же, 12). Вот что у него на душе было, что после стольких предварительных объяснений высказал! И усердно стараться о том, чтобы жить тихо, т.е. пребывать в своих кельях, не подвергаться беспокойству от разной молвы, которая обычно порождается словами или баснями праздных, и другим не причиняйте беспокойства. Делать свое дело – не желайте исследовать из любопытства дела мирские и испытывать поступки разных лиц, старайтесь употреблять ваши труды к исправлению себя или для упражнения в добродетелях, а не на порицание братьев. И работать своими руками, как мы заповедали вам. Для того, чтобы они не были беспокойными, не заботились о чужих делах, или не поступали неблагоприлично перед внешними, или не желали ничего чужого, теперь прибавил, говоря: *и работать своими руками, как мы заповедали вам*. Причиной того, что выше порицал, апостол ясно показал праздность. Ибо никто не может быть беспокойным или входить в чужие дела, кроме тех, которые не хотят заниматься делом рук своих. Представил он еще и четвертый недуг, который происходит от этой праздности (т.е. поступают неблагоприлично), говоря: *чтобы вы поступали благоприлично пред внешними*. Даже с мирскими людьми не может благоприлично поступать тот, кто не хочет заниматься делом рук своих и в своей келье. Необходимо ему быть неблагопристойным, когда он ищет пропитание, – употреблять ласкательство, собирать новости молвы, отыскивать поводы к приключениям и басням, с помощью которых открылся бы ему доступ в дома разных людей. *И ничего ничьего не желали*. Не может он не желать чужих даров и подаяний, потому что не находит удовольствия благовестно и спокойно делать свое дело, приобретать себе средства для ежедневного пропитания. Видите, сколько грехов важных и гнусных рождается от одного порока праздности! Наконец тех самых, которых пророк в первом послании ласкал мягкими словами, во втором послании, как не излечившихся легкими средствами, начинает лечить острыми и жгучими лекарствами, не предоставляет им никакого

пластыря мягких слов, никакого нежного, ласкового выражения: *завещаем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно (2Сол. 3:6)*. Там просит, а здесь наказывает или повелевает. Там расположение ласкающего – здесь строгость завещающего и угрожающего. Завещаем же вам, братия, поскольку вы пренебрегали до сих пор слушать нас просящих, по крайней мере, ныне повинуйтесь завещающим. И само завещание не голым словом, а с заклинанием именем Господа нашего Иисуса Христа делает страшным, чтобы они опять им не пренебрегли, как простым, произнесенным обыкновенным человеческим голосом, и не думали, что нет нужды строго исполнять его. И тотчас, как искуснейший врач, гнилые члены, которых не мог исцелить легким лекарством, пытается лечить насечкою с помощью духовного орудия, говоря: *завещаем... удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас*. Итак, он повелевает удаляться от тех, которые не хотят заниматься делом, и отсекает, как члены, поврежденные гнилью праздности, чтобы болезнь бездеятельности, как смертельная зараза, распространяющейся гнилью не повредила бы и здоровые части тела. Намереваясь говорить о тех, которые не хотят работать своими руками, есть свой хлеб в безмолвии и от которых наказал удаляться, какими порицаниями, смотрите, он клеймит их! Во-первых, говорит, что они бесчинны, не поступают по его преданию; другими словами, он называет их упрямыми, так как они не хотели поступать по его наставлению, и нечестными, т.е. они не соблюдали сообразной (с обстоятельствами) и пристойной своевременности ни в выходе, ни в посещении, ни в слове, ни в часах. Ибо всякий беспорядочный обязательно подвергается всем этим порокам. А не по преданию, которое приняли от нас. И в этом считает их противниками и презрителями, так как они не стали держаться предания, которое приняли от него, не хотели подражать тому, чему апостол не только учил словом, как они помнили, но исполнил и делом, как они знали. Ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам. Он увеличивает необычайную

строгость порицания, когда утверждает, что они не соблюдают того, что запечатлено у них в памяти, и не только научены словом, но и примером дел, побуждающим к подражанию.

Глава 8. Бесчинным бывает тот, кто не хочет заниматься делом рук своих

Ибо мы не бесчинствовали у вас (2Сол. 3:7). Когда апостол хочет указать, что он не был бесчинным у них, занимаясь работою, то ясно показывает, что солуняне от порока праздности всегда остаются бесчинными. *Мы ни у кого не ели хлеба даром* (Там же, 8). Учитель язычников каждым словом усиливает речь. Проповедник Евангелия говорит, что он ни у кого не ел хлеба даром, тогда как знал, что Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования (1Кор. 9:14); и еще: *трудящийся достоин пропитания* (Мф. 10:10). Когда и тот, кто проповедовал Евангелие, совершал столь высокое и духовное дело, даром не принимал пищи по повелению Господа, то что будем делать мы, которым не только не поручена никакая проповедь слова, но и никакой заботы не завещано, кроме заботы об одной нашей душе? В какой надежде мы осмелимся с праздными руками даром есть хлеб, которого пророк, обязанный заботой и проповедью евангельской, без труда рук не отважился есть? *Но занимались, говорит, трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас* (Там же, 8). Еще усиливает строгость своего вразумления. Ибо не просто сказал: мы ни у кого не ели хлеба даром; на этом не остановился, ибо могло бы показаться, что он содержался хоть и не на их (фессалоникийцев) приношения или подарки, хоть на собственном иждивении, но в праздности, на сбереженные деньги свои или чужие. Но занимались, говорит, трудом и работою ночь и день, т.е. своим трудом содержались. И это, говорит, мы делали не по своей воле, не для удовольствия, как требовал отдых и упражнение тела, а по необходимости и скудости содержания заставляли себя работать с большой утомительностью. Ибо не только в течение всего дня, но и ночью, предназначенной для сна, я неустанно занимался этим делом рук, заботясь о пропитании.

Глава 9. Не только апостол, но и бывшие с ним работали своими руками

Чтобы этот образец не показался, может быть, не великим и не общим, если бы он преподавался только его примером, апостол свидетельствует, что он не один так поступал, но и все, которые назначены были с ним проповедовать Евангелие, т.е. Силуан и Тимофей, которые это пишут с ним, занимались подобной работою. А в словах: *чтобы не обременить кого из вас*, – он внушает им большую стыдливость. Ибо если он, проповедуя Евангелие и подтверждая его знамениями и добродетелями, не решается даром есть хлеб, чтобы не обременить кого-либо, то как не считают обременением других те, которые ежедневно праздные, ничего не делая, потребляют его?

Глава 10. Апостол для того и работал своими руками, чтобы нам представить пример трудолюбия

Не потому, говорит апостол, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам (Там же, 9). Апостол показывает причину, для чего он столько трудился: чтобы, говорит, себя самих дать вам в образец для подражания нам, чтобы, если забудете словесное учение, по крайней мере, примеры обращения, верно представленные вашим очам, удержали вы в памяти. Не легкое порицание делается им, когда говорит, что только для примера он понес этот труд и обременение тела днем и ночью; они, однако, не хотели следовать его примеру, когда он, не имея необходимости, наложил на себя столько тяжести. Хотя, говорит, мы и имели власть, и нам открыты были все ваше имущество и припасы, и я знал, что имею позволение Господа нашего пользоваться им, однако я не воспользовался этой властью, чтобы сделанное мною, хоть и позволительным образом, не подало другим пример вредной праздности. И потому, проповедуя Евангелие, я предпочел содержаться работою своих рук, чтобы и вам, желающим идти стезею добродетели, указать путь совершенства и своим трудом представить образец поведения.

Глава 11. Апостол не только примером, но и словами проповедуя, увещевал работать

Но чтобы не показалось, будто он, молча работая и желая научить их примером, нисколько не наставлял или заповедями, увещаниями, он прибавляет, говоря: *ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот не ешь* (Там же, 10). Апостол, показывая, с одной стороны, беспечность тех, которые, зная его, как доброго учителя, работавшего своими руками для поучения и для примера, не хотели подражать, с другой – свое прилежание и осторожность, говорит, что он, находясь у них, не только представлял себя в пример, но и словами постоянно проповедовал: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь.

Глава 12. Апостол, не довольствуясь одним увещанием, присоединил еще власть и повеление

Потом апостол употребляет по отношению к ним уже не совет учителя или врача, но относится к ним со строгостью судебного приговора и, употребив апостольскую власть, как бы изрекает приговор на презрителей. Употребил именно ту власть, которую, говорит он в послании к коринфянам (2Кор. 10:8), дал ему Господь, когда увещевал их, допустивших проступок, чтобы они до его прихода поспешили исправить себя, заповедуя так: *прошу не довести меня до того, чтобы я по пришествии моем прибег по отношению к некоторым к той власти, которая дана мне над вами* (Там же, 2). И еще: *если бы я и более стал хвалиться нашею властью, которую Господь дал нам к созиданию, а не к расстройству вашему, то не остался бы в стыде* (Там же, 8). Именно с этой властью он произносит: *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2Сол. 3:10); не плотским мечом принуждает их, а властью Св. Духа запрещает им употреблять пищу для этой жизни, чтобы они, если, нисколько не думая о наказании будущей смертью, из любви к праздности захотели бы упорствовать и дальше, по крайней мере, вынуждены были исполнять спасительные заповеди из-за естественной необходимости и страха настоящей гибели.

Глава 13. О словах апостола: мы слышали, что некоторые из вас поступают бесчинно

Итак, после такой строгости евангельского требования апостол теперь уже указывает причину, почему он все это предварительно говорил: *но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся (2Сол. 3:11)*. Не желающих работать он объявляет растленными не одной только болезнью. Ибо во втором послании к солунянам он называет их бесчинными, поступающими не по преданию, которое приняли от него (2Сол. 3:6); называет также беспокойными и едящими хлеб даром. Здесь опять говорит: *мы слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно*, и тотчас присоединяет второй недуг, который есть корень этого беспокойства: *ничего, говорит, не делают*. Потом указывает третью болезнь, которая от второй происходит, как бы ответвляется: *а суетятся*.

Глава 14. Слова апостола пресекают многие пороки

Итак, апостол теперь спешит устранить причину стольких пороков и, отложив апостольскую власть, которую прежде употреблял, опять обращается как нежный отец и милосердный врач и своим спасительным советом, как детям и своим пациентам, предлагает средства к исцелению, говоря: *таковых увещеваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб* (Там же, 12). Причины таких ран, происходящих от корня праздности, он устранил одной спасительной заповедью труда, как искуснейший врач, зная, что после истребления главной болезни сразу прекратятся и прочие недуги, происходящие от нее.

Глава 15. Об оказании снисхождения праздным и нерадивым

Впрочем, как прозорливый и заботливый врач, апостол не только желает исцелить раны немощных, но и здоровым также предлагает соответствующие заповеди, чтобы навсегда могло сохраниться здоровье их, говоря: *вы же, братия, не унывайте, делая добро*. Следуя нам, т.е. по нашим стезям, трудом подражайте представленным вам примерам и не следуйте беспечности и бездеятельности других: *не унывайте, делая добро*, т.е. выказывайте ваше человеколюбие к ним, если они как-нибудь пренебрегли соблюдением того, что мы сказали. Итак, апостол как вразумляет немощных, чтобы, расслабившись от праздности, не предавались беспокойству и любопытству, так и здоровых увещевает не отказывать тем в человеколюбии, которое по заповеди Господней мы должны оказывать и добрым, и злым, нерадивым, которые не захотели обратиться к здоровому учению; призывает нас не переставать благотворить и благоприятствовать им как словом утешения и исправления, так и обычными благодеяниями и человеколюбием.

Глава 16. Погрешающих мы должны исправлять не с ненавистью, а с любовью

Впрочем, чтобы некоторые, одобренные этой тихостью, не пренебрегли его заповедями, он опять показывает апостольскую строгость, говоря: *если же кто не слушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его* (Там же, 14). И увещевая их соблюдать должное по уважению к нему и для общественной пользы, и с какой осторожностью они должны исполнять апостольские заповеди, тотчас присоединяет нежность благосклоннейшего отца и, как своих детей, учит, какое расположение они должны выказывать погрешающим из братской любви, говоря: *но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата* (Там же, 15). Со строгостью судьи соединяет отеческую нежность и приговор, произнесенный с апостольской строгостью, умеряет милостивой кротостью; ибо повелевает иметь на замечании того, кто презирает повиновение его заповедям, не иметь с ним даже общения, однако повелевает делать это не с ненавистью, а с братской любовью и с целью исправления их. Не сообщайтесь, говорит, с ним, чтобы устыдить его, чтобы не исправившийся моими кроткими заповедями, по крайней мере, будучи пристыжен публичным отлучением от всех вас, когда-нибудь начал ходить по стезе спасения.

Глава 17. Разные свидетельства, которыми апостол доказывает, что надо трудиться и что он сам занимался работою

Также и в послании ефесянам апостол об этом самом труде так говорил: *кто крал, вперед не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся* (Еф. 4:28). Также и в Деяниях Апостольских находим, что он не только учил, но то самое и исполнял. Ибо когда он пришел в Коринф, то не захотел остановиться в другом месте, а у Акилы и Прискиллы, потому что они были мастера того же ремесла, каким он сам обыкновенно занимался. Ибо так говорится: *после сего Павел, оставив Афины, пришел в Коринф; и, найдя некоторого иудея, именем Акилу, родом Понтянина, и жену его Прискиллу, пришел к ним; и, по одинаковости ремесла, остался у них и работал; ибо ремеслом их было делание палаток* (Деян. 18:1–3).

Глава 18. Апостол работал столько, сколько нужно было ему и другим, бывшим с ним, на пропитание

Потом, проходя Милет, оттуда послав в Ефес, он призвал к себе пресвитеров ефесской церкви, давая им наставления, как они в его отсутствие должны управлять церковью Божией, говорит: *ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал: сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем показал, я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: блаженнее давать, нежели принимать (Деян. 20:33–35).* Он оставил нам важный пример своего поведения, когда свидетельствует, что он не только делал нужное для своей телесной потребности, но и большее, чтобы могло быть достаточным и для употребления бывших с ним, именно тех, которые, ежедневно занимаясь необходимым служением, никак не могли приготовить себе пропитание своими руками. И как фессалоникийцам говорит, что он трудился, чтобы дать им образец для подражания ему, так и здесь то же самое говорит: *во всем показал я вам, что, так трудясь, надо поддерживать слабых*, именно духом или телом, т.е. поспешим содержать их не от избытка запаса или сбереженных денег, не от чужой щедрости и имущества, а своею работою и доходом, приобретаемым потовым трудом.

Глава 19. Как надо понимать слова: блаженнее давать, нежели принимать

Это называет апостол заповедью Господа. Ибо Сам, говорит, сказал, т.е. Господь Иисус: *блаженнее давать, нежели принимать* (Деян. 20:35), т.е. щедрость дающего блаженнее, нежели скудость принимающего, особенно та щедрость, которая подает не из сбереженных по неверию или безнадёжности денег и не из сокровищ, скрытых по скупости, но происходит от плода собственного труда и благовестного пота. И потому блаженнее давать, нежели принимать, особенно когда подающий хоть и живет в бедности принимающего, однако своим трудом не только удовлетворяет своей потребности, но с благочестивой заботливостью спешит приготовить еще и подаяние нуждающемуся (это относится особенно к монахам). Он украшен двоякой благодатью: отвержением всех своих вещей приобретает совершенную нищету Христову и своим трудом и расположением показывает щедрость богатого. Он почитает Бога от своих праведных трудов, приносит Ему жертву от плодов своей правды; а другой, будучи расслаблен ленивой праздностью и бездеятельностью, недостоин и того, чтобы есть хлеб, как доказывает приговор апостола (2Сол 3, 10); празднотлюбив вопреки запрещению его употребляет хлеб, не без виновности в грехе и упрямстве (Блаженнее давать, нежели принимать, потому что подаяние расширяет сердце любовью, которая совершенствует и украшает душу. Подающий ради Бога тем самым почитает Его и дает Ему в долг, который будет уплачен если не в этой, то в будущей жизни, и получит награду за это, как за заслугу. А принимающий к тяжести скудости принимает на себя еще тяжелый долг благодарности, молитвы за подающего, обязан чем-нибудь отплатить долг. Другое дело – добровольно воспринять нищету, нестяжательность ради Христа, для беспрепятственного следования Христу, удобнейшего угождения Богу и спасения души.

Глава 20. О празднoлюбивoм брате, побуждавшем других выйти из киновии

Мы знали брата (имя которого, если это сколько-нибудь послужит к назиданию, откроем), который, когда пребывал в киновии и необходимость заставляла его ежедневно отдавать эконому установленную урочную работу, чтобы примером какого-нибудь, охотнее работающего, не быть понуждаемым к большей работе или не быть пристыженным, – когда в киновии увидит какого-либо пришедшего брата, желавшего по горячности веры сделать несколько больше, тайно убеждал его отказаться от такого намерения и злыми советами и подстрекательством уговаривал переселиться оттуда. А чтобы удобнее выселить его, он выдумывал, что и он, будучи оскорблен, по многим причинам хотел бы уйти, если бы нашел средства на дорогу или спутника. И когда тайными порицаниями монастыря склонит его к согласию, то, назначая ему час, в который он должен выйти из монастыря, или место, в котором он будет ожидать его, сам, будто намереваясь выйти из монастыря вслед за ним, оставался там же. И когда тот, стыдясь своего выхода, не осмеливался уже возвратиться в монастырь, из которого убежал, этот несчастный виновник его бегства оставался в киновии. Для предостережения новоначальных довольно показать один этот пример, из которого ясно видно, сколько зла причиняет душе монаха праздность, или как худые беседы портят добрые нравы (Сир. 33:28; 1Кор. 15:33).

Глава 21. Разные свидетельства Св. Писания об унынии

Этот порок праздности и премудрый Соломон во многом явно порицает, так говоря: *кто гоняется за праздностью, тот исполнится бедности* (Притч. 12:11), т.е. или видимой, или духовной, по которой всякий празднлюбвец обязательно впутается в разные пороки и всегда будет чужд созерцания Бога, или духовного богатства, о котором блаженный апостол говорит: *в Нем вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием* (1Кор. 1:5). Об этой бедности праздного в другом месте пишется так: *оденется всякий сонливец в разодранную одежду и рубища* (Притч. 23:21). Без сомнения, он не заслужит того, чтобы украситься той одеждою нетления, о которой апостол заповедует: *да трезвимся, облекшись в броню веры и любви* (1Сол. 5:8). И Господь через пророка говорит о ней к Иерусалиму: *воспрянь, воспрянь, Иерусалим, облекись в одежду красоты твоей* (Ис. 52:1). Всякий, кто, будучи побежденным празднлюбия или уныния, захочет покрыться не тщательным трудолюбием, но лохмотьями бездеятельности, отрезая их от совершенной полноты и состава Св. Писания, оденется не в одежду славы и красоты, а в бесчестное покрывало извинения своей нерадивости. Ибо расслабленные ленью, не желая содержать себя делом рук своих, которым апостол непрестанно занимался и нам заповедал заниматься, имеют обыкновение пользоваться некоторыми свидетельствами Св. Писания, которыми прикрывают свою лень; говорят, написано: *старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную* (Ин. 6:27). *Моя пища есть творить волю Пославшего Меня* (Ин. 4:34). Но эти свидетельства – как бы лоскутья от совершенной полноты евангельского чтения, которые выдираются больше для того, чтобы прикрыть бесчестие праздности и срамоты нашей, нежели для того, чтобы согреть и украсить нас той драгоценной и совершенной одеждою добродетелей, которую, как пишется в Притчах, мудрая жена, одетая крепостью и красотой, сделала

себе или мужу своему, о которой также говорится: *крепость и красота – одежда ее, и весело смотрит она на будущее* (Притч. 31:25). Об этом недуге бездеятельности опять тот же Соломон так говорит: *пути ленивого устланы тернием* (Притч. 15:19), т.е. теми и подобными пороками, которые происходят от праздности, как выше говорил апостол. И еще: *в пожеланиях всяк ленивый* (Притч. 13:4). Об этом апостол упоминал, говоря: *ничего ничьего не желайте* (1Сол. 4:12). Наконец, Премудрый говорит: *праздность научает многому злу* (Сир. 33:28). Это апостол ясно обозначает: *ничего не делают, а суетятся* (2Сол. 3:11). К этому пороку присоединил и другой: *старайтесь быть спокойными* (в русском – жить тихо). И потом: *делать свое дело, и чтобы вы поступали благоприлично пред внешними и ничего ничьего не желали* (1Сол. 4:11–12). А некоторых называет бесчинными и непокорными, от тех заповедует рачительным удаляться: *завещаем вам, говорит, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас* (2Сол. 3:6).

Глава 22. Египетские монахи так работают своими руками, что не только своим потребностям удовлетворяют, но подают и заключенным в темницах

Итак, египетские отцы, наученные этими примерами, не позволяют быть праздными монахам, особенно молодым, рачительностью к делу измеряя состояние сердца и преуспевание в терпении и смирении. Они, ни от кого ничего не принимая для себя, от своих трудов не только питают приходящих братьев и странников, но и посылают в места Ливии, бедствующие от бесплодия и голода, также и в города доставляют томящимся в грязных темницах огромное количество пищи и припасов, веруя, что таким пожертвованием от плода рук своих они приносят разумную и истинную жертву Господу.

Глава 23. По причине празднолюбия в западных странах Европы нет монашеских киновий

Оттого в этих (западных) областях мы не видим монастырей с таким множеством братьев, потому что они не поддерживаются своим трудом так, чтобы могли пребывать в монастырях постоянно; а если бы щедрость других как-нибудь и могла предоставить им достаточное пропитание, то любовь к праздности и рассеянность сердца не позволят им дольше пребывать в том месте. Потому у древних отцов в Египте составила поговорка: работающего монаха искушает один бес, а на праздного нападает бесчисленное множество бесов.

Глава 24. Об авве Павле, который каждый год дело рук своих в огне сжигал

Наконец, авва Павел, опытнейший между отцами, когда, пребывая в обширной пустыне, называемой Порфирион, будучи обеспечен плодами пальм и маленьким садиком, имел достаточный материал для пищи и жизни, да и не мог заниматься для своего содержания каким-нибудь другим делом, потому что жилище его в той пустыне отстояло от городов и обитаемой земли на семь дней пути или еще дальше и больше требовалось платы за провоз, нежели можно было бы получить за готовую работу. Однако он, собрав листья пальм, постоянно требовал от самого себя ежедневного урока работы, как будто этим он должен содержаться. Когда работою целого года пещера его наполнялась, то сделанное с заботливым старанием он, разложив огонь, ежегодно сжигал. Этим он показывал, что без дела рук невозможно монаху оставаться на одном месте, а тем более достигнуть когда-нибудь верха совершенства. Так что, хотя необходимость пропитания вовсе и не требовала этого, он работал для одного лишь очищения сердца, собранности помыслов и постоянного пребывания в келье, или для преодоления самого уныния.

Глава 25. Слова аввы Моисея, сказанные мне, чтобы прогнать уныние

Когда я, начав жить в пустыне, сказал авве Моисею (О нем упоминается в Соб. 7, гл. 26. Ему приписывается Соб. 1 и 2) [Ливийскому], высшему из всех старцев тамошних, что вчера я был тяжело ослаблен болезнью уныния и не мог освободиться от него иначе, как побывав у аввы Павла. Он сказал: «Нет, ты не освободил себя от него, но еще больше предался и поработился ему. Ибо после уныние сильнее будет нападать на тебя, как на труса и беглеца, увидев, что ты, побежденный в сражении, тотчас убежал, если ты, вступив в борьбу с ним, не захочешь сразу отражать нападения его не оставлением кельи, не погружением в сон, а научишься побеждать терпением и противоборством. Поэтому опытом доказано, что нападение уныния надо не бегством отклонять, но противоборством побеждать» (В «Добротолюбии» сказано, что уныние побеждается молитвою, воздержанием от празднословия и развлечения, упражнением в слове Божиим, рукоделием, терпением в искушениях, размышлением о духовных, небесных благах).

Книга одиннадцатая. О духе тщеславия

Глава 1

Седьмой подвиг предлежит нам против духа тщеславия – многообразного, разнovidного и тонкого, которого едва можно самыми прозорливыми глазами предвидеть и распознать.

Глава 2. Тщеславие искушает монаха не только с плотской стороны, но и с духовной

Ибо оно не только с плотской стороны, как прочие пороки, но и с духовной искушает монаха, поражая ум самым тонким злом. Так что те, которые обольстились плотскими пороками, те сильнее уязвляются тщеславием по поводу духовных успехов, и настолько оно губительнее при борьбе, насколько скрытнее, если хотим предостеречься от него. Нападение других страстей бывает более явно, открыто, и в каждом из них искушитель, ниспроверженный строгим прекословием, сделавшись слабее, отходит и потом слабее искушает своего победителя. А эта страсть, когда будет искушать душу с плотской стороны (например, красивыми одеждами или другими внешними вещами, принадлежностями, преимуществами) и щитом пререкания будет изгнана, то опять, как разнообразное зло, переменяв прежний образ и личину, под видом добродетелей старается пронзить и зарезать победителя.

Глава 3. Тщеславие как многообразно

Ибо прочие страсти называются однообразными и простыми; а эта многосложна, многообразна, разнovidна – везде, со всех сторон встречается воину и победителю. Ибо она во всем: в одежде, походке, голосе, деле, бдении, посте, молитве, отшельничестве, чтении, знании, молчании, послушании, смирении, долготерпении – старается уязвить воина Христова, и как какая-нибудь, гибельная скала, покрываемая бурными волнами, причиняет непредвиденное и жалкое кораблекрушение плавающим при благополучном ветре, когда те не опасались и не предвидели этого.

Глава 4. Как тщеславие нападает на монаха с правой и с левой стороны

Итак, желающему идти царским путем нужно идти с оружием правды в правой и в левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах (2Кор. 6:7–8), и с такой осторожностью среди вздымающихся волн искушений, под управлением рассудительности и под веянием Духа Божия, направлять путь добродетели, чтобы знать, что, если немного уклонится на правую или левую сторону, тотчас разобьется на подводных, гибельных скалах. Потому премудрый Соломон увещевает: *не уклоняйся ни направо, ни налево* (Притч. 4:27), т.е. не тщеславься добродетелями, не превозносись счастливыми успехами в духовном, не уклоняйся и на левую стезю пороков, по апостолу, не ищи себе славы в сраме твоем (Флп. 3:19). Ибо в ком дьявол не мог породить тщеславия видом хорошо сшитой, опрятной одежды, того старается искусить грязной, худо сделанной, убогой. Кого не мог низвергнуть честью, того запинаят смирением; кого не мог заставить превозноситься знанием и красноречием, того обольщает важностью молчания. Если кто будет явно поститься, то искушается суетной славой. Если для избежания славы будет скрывать его (пост), то подвергается тому же пороку превозношения. Чтобы не запятнать себя заразою суетной славы, он избегает на виду у братьев совершать продолжительные молитвы; и когда станет скрытно упражняться в них, не имея свидетеля этого дела, также не избегает стрел тщеславия.

Глава 5. Каким сравнением поясняется свойство тщеславия

Старцы наши хорошо представляют свойство этой страсти, сравнивая с луком и чесноком, которые после снятия с них одного покрова оказываются покрытыми другим, столько оказываются покровов, сколько их будет снято.

Глава 6. Тщеславие не совершенно истребляется и в пустыне

Тщеславие даже и в уединении не перестает преследовать убегающего из-за славы сообщества с людьми; и чем больше кто убегает от всего мира, тем сильнее оно преследует его. Иного старается превозносить тем, что он очень терпелив в деле и труде, иного тем, что он очень скор на послушание, иного тем, что он превосходит прочих смирением. Иной искушается обширностью знаний, иной в чтении, иной в бдении. Эта страсть силится уязвить кого-либо не иначе, как его же добродетелями, полагая губительные препятствия в том, в чем ищут средства к жизни. Ибо желающим идти путем благочестия и совершенства враги скрытно ставят сети обольщения не в другом месте, а на том пути, по какому идут, по изречению блаженного Давида: *на пути, которым я ходил, они скрытно поставили сети для меня* (Пс. 141:3), так что именно на том самом пути добродетелей, каким идем, стремясь к почести высшего звания, возгордясь своими успехами, мы обрушиваемся и со связанными ногами нашей души падаем, будучи спутаны сетями тщеславия. И бывает так, что в борьбе с противником мы не были побеждены, а высотой своего триумфа мы побеждаемся; или, по крайней мере, что составляет другой род обольщения, мы, превышая меру воздержания или своих сил, из-за приключившейся слабости тела теряем постоянство нашего подвижничества.

Глава 7. Тщеславие когда будет низложено, тогда еще сильнее восстает

Все страсти, будучи преодолены, увядают, с каждым днем становятся слабее и со временем уменьшаются и утихают, или, по крайней мере, при сопротивлении противоположных им добродетелей можно избежать их; а эта страсть, будучи низложена, сильнее восстает; и когда думают, что умерщвлена, она своею смертью еще живее укрепляется. Прочие страсти обыкновенно на тех только нападают, которых в борьбе победили, а эта страсть своих победителей еще более жестоко преследует; и чем сильнее будет сокрушена, тем сильнее разит гордостью той самой победы. И это есть самая тонкая хитрость врага, так что заставляет воина Христова, который не был побежден неприятельским оружием, пасть от собственных стрел.

Глава 8. Тщеславие не ослабляется ни пустынею, ни возрастом

Иные страсти иногда при помощи места успокаиваются и после удаления предмета греха, или удобства, или повода к нему обычно укрощаются и уменьшаются, а эта страсть проникает даже к бегущим в пустыню, и место не может исключить ее, не слабеет она и от удаления внешнего предмета. Ибо она воодушевляется не чем иным, как успехами добродетелей того, на кого нападает. Прочие страсти с течением времени, как мы уже сказали, иногда ослабевают и прекращаются; а этой страсти, если не будет заботливой рачительности и рассудительности, даже время не только не подавляет, но наоборот – поощряет еще больше.

Глава 9. Тщеславие бывает опаснее, когда соединяется с добродетелями

Прочие страсти, при противоборстве противоположных им добродетелей, открыто, как бы ясным днем воюющие, удобнее можно победить; а эта, прильнув к добродетелям, вмешавшись в строй войска, сражается, как в темную ночь, и потому коварнее обманывает не ожидавших и не остерегавшихся ее.

Глава 10. Пример царя Езекии, как он стрелою тщеславия был поражен

Так, мы читаем, что Езекия, царь Иудейский, муж совершенной праведности во всем и свидетельством Св. Писания одобренный, после бесчисленных похвал за добродетели, одной стрелою возношения (т.е. тщеславия) был низложен, и кто одной молитвою мог испросить избиение ста восьмидесяти пяти тысяч ассирийского войска через ангела, поразившего их ночью, тот побежден тщеславием. Обходя молчанием столь длинный ряд добродетелей его, которые долго было бы перечислять, я скажу только следующее. Езекия после назначенного предела жизни и дня смерти, определенного приговором Господа, одной молитвою заслужил, чтобы переступить за грань жизни на пятнадцать лет, когда солнце возвратилось на десять степеней, он после таких знамений, столь необычайных доказательств добродетелей, пал от своих успехов, как повествуется в Св. Писании. *В те дни, говорится, заболел Езекия смертельно. И помолился Господу, и Он услышал его и дал ему знамение (2Пар. 32:24),* т.е. то, которое дано через пророка Исайю, как читаем в четвертой книге Царств (гл. 20) о возвращении солнца: *Но не воздал Езекия, говорится, за оказанные ему благодеяния, ибо возгордилось сердце его. И был на него гнев Божий и на Иудею, и на Иерусалим. Но как смирился Езекия в гордости сердца своего, – сам и жители Иерусалима, то не пришел на них гнев Господень во дни Езекии (2Пар. 32:25–26).* Как губительна, как тяжка страсть превозношения! Такая праведность, такие добродетели, такая вера и набожность, которые заслужили того, чтобы изменить саму природу и законы всего мира, погибли от одного превозношения, так что все добродетели преданы забвению, как будто их и не было, и он тотчас подвергся бы гневу Господню, если бы, образумившись, смирением не умилиствовал Его. Кто через превозношение пал с высоты своих заслуг, тот только по тем же ступеням смирения опять взошел на

потерянную высоту. Хочешь узнать и другой пример подобного падения?

Глава 11. Пример царя Озии, пораженного проказою

Озия, прадед упомянутого царя, также восхваленный свидетельством Св. Писания, после необыкновенных похвал его добродетелям, после бесчисленных побед, одержанных по заслугам своей набожности и веры, был низложен тщеславием. *И пронеслось, говорится, имя Озии далеко; потому что Господь вспомоществовал ему и укреплял его. Но когда он сделался силен, возгордилось сердце его на погибель его, и он сделался преступником пред Господом, Богом своим (2Пар. 26:15–16).* Видишь другой пример тяжкого падения, видишь двух мужей, столь праведных и совершенных, погибших от своих побед! Отсюда видите, как губительны обычно бывают успехи счастливых обстоятельств, так что те, которых не смогли сокрушить несчастья, более жестоко бывают поражены счастьем; и которые в сражении и битве избежали опасности смерти, те пали от собственных побед и торжеств.

Глава 12. Разные свидетельства о тщеславии

Потому апостол увещевает: *не будем тщеславиться* (Гал. 5:26). И Господь, обличая фарисеев, говорит: *как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?* (Ин. 5:44). О таких и блаженный Давид с угрозой говорит: *Бог рассыплет кости человекоугодников* (То есть, когда кто-нибудь угождает прихотям людей, чтобы снискать их благоволение для своих выгод, с нарушением заповедей Божиих или без намерения исполнить волю Божию и угодить Богу) (Пс. 52:6).

Глава 13. Каким образом тщеславие искушает монаха

Дух начинающих и тех, которые мало еще преуспели в душевной добродетели или знании, тщеславие обычно превозносит или за звук голоса (т.е. они приятно поют псалмы), или за истощенную постом плоть, или за красивое тело, или за пренебрежение военной службою и почестями, или за то, что имеют родителей богатых или благородных. Иногда также внушает монаху, что достоинства и богатства, которых, может быть, никогда не мог бы и достигнуть, он очень легко получил бы, если бы оставался в мире. Также вселяет в него суетную надежду в сомнительном и в том, чего никогда не имел, восхищает суетной славою, как будто он сам этим пренебрег.

Глава 14. Как тщеславие внушает присвоить себе степень клирика

Иногда тщеславие порождает желание получить степень клирика, пресвитера или диакона. А если бы невольно и получил ее, то представляет, что он будет исполнять с такой святостью и строгостью, что преподаст пример святости и прочим священникам, а также доставит пользу другим не только образцом поведения, но и учением своим и речью. Пребывающего в уединении или келье тщеславие заставляя утом и сердцем обходить дома мирян и монастыри под предлогом – воображаемым увещанием устроить обращение многих и многих. Таким образом несчастная душа увлекается такой суетностью (как будто бредит в глубоком сне), что, по большей части увлеченная сладостью таких помыслов и наполненная этими мечтами, она не может видеть и братьев, и того, что делается в настоящее время, потому что она с удовольствием занимается как истинным тем, что наяву приснилось во время скитания помыслов.

Глава 15. Как тщеславие опьяняет ум

Когда я жил в пустыне скитской, помню одного старца, который, идя в келью одного брата для посещения, когда приблизился к двери и услышал, что тот внутри что-то говорит, немного приостановился, желая узнать, что тот читает из Св. Писания или, как было в обычае, за работою по памяти прочитывает. Когда благочестивый испытатель, ближе приложив ухо, точнее расслышал, то узнал, что брат духом тщеславия так был оболещен, что представлял, будто он в церкви предлагает народу увещательную проповедь. Когда старец, продолжая стоять, услышал, что он кончил поучение и переменив должность, как диакон, делает отпуск оглашенным, тогда толкнул дверь. Брат, встретив старца с обычной почтительностью и вводя его, спросил, мучаясь совестью за свои мечты, давно ли он пришел? Долго стоя у двери, не понес ли неприятности? Старец шутя, ласково отвечал: я пришел, когда ты делал отпуск оглашенным.

Глава 16. Страсти не иначе можно исцелить, как узнав их корни и причины

Я счел необходимым поместить это здесь для того, чтобы, узнав о силе искушений от страстей, коими жалкая душа уязвляется, не только из разума, но и из примеров, мы могли успешнее избегать сетей и разнообразных обольщений врага. Так и египетские отцы выставляют это на вид, раскрывая напасти всех страстей для того, чтобы всякий из новоначальных и горящих духом знал тайны своих братьев и, видя их как в зеркале, узнал и причины страстей, которыми искушаются, и средства против них; также, чтобы в случае будущих нападений, еще до их наступления знали, как предостерегаться и встречаться с ними, или как нужно сражаться. Как искусные врачи обычно лечат не только настоящие болезни, но и будущие предупреждают прозорливым искусством, предотвращают их наставлениями и целебным питьем, так и эти истинные врачи душ, предотвращая возникновение болезни сердец духовным наставлением, как неким небесным лекарством, не позволяют болезням укрепляться в душах юношей, открывая им и причины угрожающих страстей, и средства для здоровья.

Глава 17. Монах должен избегать женщин и епископов

У отцов издревле существует такое изречение (которого я не могу и произнести без стыда, так как я не мог ни удалиться от родственницы, ни избежать рук епископа [То есть посвящен в сан пресвитера]), а именно, что монаху всячески следует избегать женщин и епископов (Это изречение обратилось в поговорку). Ибо если однажды они вовлекут его в знакомство с собою, то ни тот, ни другая уже не позволят ему больше иметь покоя в келье заниматься богомыслием, созерцать чистыми очами святыя предметы (Женщина будет возбуждать плотскую страсть, а знакомство с епископом может служить поводом к тщеславию таким знакомством или к высокому мнению о себе и т.п.).

Глава 18. Средства против тщеславия

Итак, подвижник Христов, желающий законно подвизаться истинным, духовным подвигом, всеми силами должен стараться победить этого многообразного, разнovidного зверя. Мы можем избегать этого, со всех сторон встречающегося нам многоликого зла, если будем размышлять о словах Давида: *Бог рассыплет кости человекоугодников* (Пс. 52:6). Во-первых, не позволим себе ничего делать с тщеславным намерением, для получения суетной славы. Во-вторых, что сделано нами в начале хорошо, должны стараться охранять с должным вниманием, чтобы подкравшаяся страсть тщеславия после не упразднила всех плодов наших усилий. Также, чтобы не отдать дани тщеславию, надо со всем старанием избегать того, что не делается в обществе братьев или не имеет общего употребления, избегать и того, что может отличать нас между другими и вызвать у людей похвалу за то, что будто мы одни это делаем. Ибо эти признаки укажут, что к нам прильнула смертельная зараза тщеславия. Этого мы легко можем избежать размышлением о том, что мы не только плод наших трудов погубим, если что-нибудь станем делать с тщеславным намерением, но и, сделавшись виновными в большом преступлении, как святотатцы, подвергнемся вечным мукам; так как дело, предназначенное Богу, мы лучше захотели делать для людей, то знающий все сокровенное обличит нас, что мы предпочли людей Богу и славу мирскую славе Господней.

Книга двенадцатая. О духе гордости

Глава 1

Восьмой и последний подвиг предлежит нам против духа гордости (Гордость (superbia) есть беспорядочное пожелание собственного превосходства или возвышения. Superbia происходит от superbeo, superbire – идти, поступать выше себя, выше своей меры или состояния, или выше других, хотеть казаться выше, нежели каков есть на самом деле). Эта страсть хоть и ставится последней по времени борьбы с пороками и по порядку исчисления, но по важности и по времени происхождения она первая: этот зверь самый лютей, свирепее всех предыдущих, искушает особенно совершенных и почти уже поставленных на вершине добродетелей губит жестоким угрызением.

Глава 2. Два рода гордости

Гордость бывает двух родов: один, как мы сказали, искушает мужей духовных и высоких, а другой – новоначальных и плотских. И хотя тот и другой род гордости вдыхается вредным возношением как пред Богом, так и перед людьми, однако тот первый особенно относится к Богу, а второй касается собственно людей. Начало гордости второго рода и средства по силам, при помощи Божией, исследуем в конце этой книжки (гл. 24); а теперь мы намерены немного сказать о первой гордости, которой искушаются особенно совершенные.

Глава 3. Гордость все добродетели губит

Итак, нет никакой другой страсти, которая бы так истребляла все добродетели, лишала человека всякой праведности и святости и обнажала. Как главная и губительная болезнь, которая не один член или часть его ослабляет, а все тело повреждает смертоносным расстройством, гордость в состоянии подвергнуть жестокому падению и погубить даже стоящих на вершине добродетелей. Ибо всякая страсть ограничивается своими пределами и целью, хотя повреждает и другие добродетели, но яростнее нападает на одну и особенно ее подавляет и побеждает. И чтобы это можно было яснее уразуметь, скажем, что чревобесие, т.е. вожделение чрева, или страсть к обжорству, губит строгость воздержания, похоть оскверняет целомудрие, гнев губит терпение, поэтому иногда преданный одному пороку не лишается совсем других добродетелей. Когда одна добродетель падает, побежденная противоположным ей пороком, прочие добродетели хоть отчасти могут оставаться, а когда гордость овладеет несчастной душой, то как самый жестокий тиран, взяв высокую крепость добродетелей, весь город до основания разрушает и разоряет. Высокие стены святости сравняв с землею пороков, потом не оставляет покоренной душе никакого вида свободы. И чем более богатую душу захватит в плен, тем более тяжелому игу рабства подвергает и, с жестокостью ограбив все имущество добродетелей, обнажает совсем.

Глава 4. По причине гордости Люцифер из архангела сделался дьяволом

Сила жестокой тирании гордости открывается из того, что тот ангел, который за превосходство блеска и красоты своей назван Люцифером, низвержен с неба ни за какой другой порок, а за этот, из блаженного и высокого чина ангелов, уязвленный стрелою гордости, низвергся в преисподнюю. Итак, если такую силу (архангела), украшенную таким могуществом, одно возношение сердца могло низвергнуть с неба на землю, то с какой осмотнительностью нам, облеченным слабой плотью, надо остерегаться, показывает тяжесть этого падения. А как избегать гибельнейшей заразы этой болезни, мы можем научиться, если исследуем причины и начало этого падения. Ибо никогда нельзя исцелить слабость и приспособить лекарства к болезни, если сперва проницательным изысканием не будут исследованы начало и причины ее. Этот (архангел), облеченный божественной светлостью и между прочими высшими силами (ангелами) больше сияя дарованиями Создателя, думал, что блеск мудрости и красоту добродетелей, которой украшался по благодати Творца, он получил по могуществу своей природы, а не по благодетельности щедрости Его. И превознесшись от этого, как будто не имел нужды в помощи Божией для пребывания в этой чистоте, счел себя подобным Богу; положившись на способность свободной воли, думал, что по этой воле будет у него в изобилии все, что нужно для совершенства добродетелей или бесконечного продолжения высшего блаженства. Одна эта мысль стала для него первым падением. Оставленный за это Богом, в Котором, полагал, не нуждается, он, сделавшись вдруг непостоянным и колеблющимся, почувствовал слабость своей природы и лишился блаженства, которым по дару Божию наслаждался. И поскольку он *возлюбил слова гибельные* (Пс. 51:6), говоря: *взойду на небо* (Ис. 14:13), и *язык коварный*, которым говорил о себе: *буду подобен Всевышнему*, или об Адаме и Еве: *будете как Боги* (Быт. 3:5); за то Бог сокрушит его вконец, изринет его и

исторгнет из жилища Своего и корень его из земли живых. Тогда праведники, видя падение его, убоятся, посмеются над ним, говоря: *вот человек, который не в Боге полагал крепость свою, а надеялся на множество богатства своего, укреплялся в злодействе своем* (Пс. 51:7–9). Это весьма справедливо относится также и к тем, которые надеются, что могут совершать высшее добро без покровительства и помощи Божией.

Глава 5. Побуждения ко всем порокам происходят от гордости

Гордость есть причина первоначального падения и главное начало болезни. Гордость через Люцифера, низверженного за нее, вкравшись потом в первосозданного (Адама), произвела слабости и поводы ко всем порокам. Ибо когда он думал, что может приобрести славу божества свободою воли и своим старанием, то потерял и ту, которую получил по благодати Творца.

Глава 6. Гордость по порядку борьбы бывает последняя, а по времени и началу – первая

Итак, примерами и свидетельствами Св. Писания ясно доказывается, что страсть гордости хотя последняя по порядку (То есть гордость можно победить не раньше, как после истребления прочих страстей) борьбы, но первая по происхождению, есть начало всех грехов и пороков (Сир. 10:15). Она, не как прочие пороки, не одну только противоположную ей добродетель, т.е. смирение, истребляет, но и все вместе добродетели губит, и не только посредственных и малых искушает, но особенно стоящих на высоте мужества (добродетелей). И потому блаженный Давид хотя и охранял свое сердце с такой осмотрительностью, что дерзновенно взывал к Тому, от Кого не скрыты тайны его совести: *Господи! не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недосягаемое; не смирялся ли я?* (Пс. 130:1–2); и еще: *не будет жить в доме моем поступающий коварно (гордо)* (Пс. 100:7); однако, зная, как трудно это оберегание сердца даже для совершенных, не полагается на одно свое старание, а в молитве испрашивает помощи Господней, чтобы не уязвленным избежать стрелы этого врага, говоря: *да не наступит на меня нога гордыни* (Пс. 35:12), опасаясь и боясь, чтобы не подвергнуться тому, что говорится о гордых: *Бог гордым противится* (Иак. 4:6), и еще: *мерзость пред Господом всякий надменный сердцем* (Притч. 16:5).

Глава 7. Гордость есть такое зло, что самого Бога имеет противником

Гордость есть столь великое зло, что заслуживает иметь противником не ангела, не другие противные ей силы, но самого Бога. Надо заметить, не сказано, что Бог противится подвергшимся прочим порокам, например, чревоугодникам, блудникам, гневливым или сребролюбивым, но одним гордым. Ибо эти пороки падают только на согрешающих или на их соучастников, т.е. других людей, по-видимому, касаются; а эта касается собственно Бога, потому и достойна иметь Его противником.

Глава 8. Как Бог посрамил гордость дьявола добродетелью смирения

И потому Творец вселенной, зная, что гордость есть причина и начало болезней, захотел исцелить противное противным: распавшееся от гордости восстановить смирением. Ибо гордый говорит: *взойду на небо* (Ис. 14:13); а смиренный говорит: *смирилась до земли душа моя* (в русском – душа наша унижена до праха) (Пс. 43:26). Тот говорит: *я буду подобен Всевышнему*; а этот говорит: *будучи образом Божиим, унижил Себя самого, приняв образ раба, смирил Себя, быв послушным даже до смерти* (Флп. 2:6–8). Тот говорит: *выше звезд Божиих вознесу престол мой* (Там же, 13); а этот говорит: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11:29). Тот говорит: *я не знаю Господа и Израиля не отпущу* (Исх. 5:2); этот говорит: *если скажу, что не знаю Его, то буду подобный вам лжец. Но Я знаю Его и соблюдаю слово Его* (Ин. 8:55). Тот говорит: *мои суть реки, и я сотворил их* (Иез. 29:3); этот говорит: *Я ничего не могу творить Сам от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела* (Ин. 5:19, 14:10). Тот говорит: *мои суть все царства мира и слава их и, кому захочу, даю их* (Лк. 4:6); а этот говорит: *будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою* (2Кор. 8:9). Тот говорит: *как собирают яйца оставленные, так я обобрал всю землю, и никто не пошевелил крылом, и не разинул рта, и не пикнул* (Ис. 10:14); этот говорит: *я уподобился пеликану в пустыне, бдел и сделался, как одинокий воробей на кровле* (Пс. 101:7–8). Тот говорит: *ступнями ног моих иссушу все реки египетские* (Ис. 37:25); этот говорит: *думаешь, что не могу Я теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?* (Мф. 26:53). Если рассмотрим причину начального падения и основание нашего спасения, кем они положены или как возникли, то падением Люцифера и примером смирения Спасителя научимся, как мы должны избегать столь жестокой смерти от гордости.

Глава 9. Как можем победить гордость

Итак, мы можем избегать сетей этого злейшего духа, если обо всех добродетелях, в каких преуспеваем, будем говорить вместе с апостолом: *благодатью Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною (1Кор. 15:10) Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению (Флп. 2:13).* И Сам виновник нашего спасения говорит: *кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего (Ин. 15:5).* Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не сохранит города, напрасно бодрствует страж. Напрасно вы рано встаете (Пс. 126:1–2). Помилование зависит не от желающего и не подвизающегося, но от Бога милующего (Рим. 9:16).

Глава 10. Никто не может достигнуть совершенства добродетелей или обещанного блаженства только своими силами

Ибо ничья воля или подвиг, даже если кто хотел и подвизался, не могут быть достаточны настолько, чтобы обложенный плотью, противоборствующей духу, в состоянии был достигнуть верха совершенства и награды за непорочность и чистоту, если не будет поддержан милосердием Божиим, так чтобы заслуживал достигнуть того, чего очень желает или куда стремится. *Ибо всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов (Иак. 1:17). Ибо что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил? (1Кор. 4:7).*

Глава 11. Примером Давида и благоразумного разбойника подтверждается вышесказанное

Если вспомним, что благоразумный разбойник за одно исповедание введен в рай (Лк. 23:42–43), то поймем, что он достиг такого блаженства не заслугою своего подвига, а получил как дар милующего Бога. Или если вспомним, что два столь тяжких и столь необыкновенных преступления царя Давида были заглажены одним словом покаяния, то увидим, что заслуг труда здесь недостаточно для прощения такого преступления, но в избытке явлена благодать Бога, Который, приняв истинное покаяние с искренним исповеданием одного слова (т.е. согрешил я), потребил такую тяжесть грехов. Также, исследуя начало звания и спасения человеческого, ясно можем понять, что достижение совершенства есть *дело не желающего, не подвизающегося, но милующего Бога* (Рим. 9:16), Который вовсе не в воздаяние за наши труды или подвиги делает нас победителями пороков и не в возмездие за старание нашей воли помогает восходить на столь трудную высоту непорочности, покорив плоть, которую носим. Никакое изнурение этого тела, никакое сокрушение сердца ради приобретения истинной чистоты внутреннего человека не могут удостоиться того, чтобы могли приобрести такую добродетель чистоты, свойственную одним ангелам и небу, только трудом человеческим без помощи Божией. Ибо действие всякого добра происходит от благодати Бога, Который такую долговечность блаженства и безмерную славу с великой щедростью даровал нам за слабое усердие и за краткий, малый подвиг наш.

Глава 12. Нет никакого труда, который мог бы равняться обещанному блаженству

Всякая долговременность настоящей жизни кажется ничтожной, когда согласишься на продолжительность будущей славы, и от созерцания безмерного блаженства все скорби удалятся, истощившись до ничтожества, как дым, исчезнут, и никогда не явятся, как угасшая искра.

Глава 13. Предание старцев о способе приобретения чистоты

Итак, время уже сообщить мнение отцов, которые путь совершенства и качество его не высокопарными словами изобразили, а, владея делом и силою духа, собственным опытом и верными примерами передали. Итак, они говорят, что невозможно кому-либо совершенно очиститься от плотских пороков, если не сознает, что весь труд и старание его недостаточны для достижения такого совершенства, и если не убедится, будучи научен не столько наставлением преподающего, сколько расположением, усилием и опытом собственным, что достигнет его не иначе, как по милосердию и при помощи Божией. Ибо для получения столь величественной и столь превосходной награды за чистоту и непорочность, каков бы ни был употреблен труд поста, бдения, чтения, уединения, отшельничества, не может быть достоин того, чтобы получить награду по заслугам своего старания или труда. Ибо собственный труд или человеческое старание никогда не заменит божественного дара, если он по милосердию Божию не будет сообщен желающему.

Глава 14. Помощь Божия подается трудящимся

Я говорю это не для того, чтобы упразднить человеческие усилия, отклонить кого-либо от старания и труда, но решительно утверждаю мнением не моим, а старцев, что невозможно достигнуть евангельского совершенства без этих усилий и трудов; но и одними трудами никто не может достигнуть совершенства без благодати Божией. Ибо как мы говорим, что человеческие усилия сами по себе не могут достигнуть совершенства без помощи Божией, так утверждаем, что только трудящимся и старающимся оказывается милосердие и благодать Божия, или, словами апостола, желающим и подвизающимся сообщается, как и в псалме воспевается от лица Бога. *Я оказал помощь мужественному, вознес избранного из народа (Пс. 88:20)*. Хотя мы говорим, что, по изречению Спасителя, дается просящим, открывается стучащим, и ищущие обретают (Мф. 7:7–8); но прошение, искание и стучание наше не помогут нам, если милосердие Божие не даст того, чего просим, или не откроет, когда стучим, или не даст нам найти то, чего ищем. Бог готов доставить нам все это, только когда от нас будет дан Ему повод. Ибо Он больше, чем мы, желает и ожидает нашего совершенства и спасения. И блаженный Давид знал, что он не может иметь успеха в своем деле и труде только от собственного старания, поэтому неоднократно молитвою умолял Господа, чтобы Он благоволил справить дела его, говоря: *в деле рук наших споспешествуй нам (Пс. 89:17)*. И еще: *утверди, Боже, то, что Ты соделал для нас (Пс. 67:29)*.

Глава 15. У кого мы должны учиться пути к совершенству

Итак, если мы действительно хотим делом достигнуть истинного совершенства добродетелей, то должны ввериться тем учителям и руководителям, которые не суесловным рассуждением бредят о нем, но, понимая делом и опытом, могут и нас научить, верно указать путь к достижению его, и которые свидетельствовали, что они достигли его больше верою, нежели заслугами трудов. Приобретенная ими чистота сердца доставляла знание, что они больше удручаются грехами. Потому сокрушение о грехах каждый день настолько умножалось в них, насколько чистота сердца совершенствовалась; и они непрестанно от искреннего сердца вздыхали, потому что сознавали, что никак не могут избежать нечистоты и срама грехов, которые запятнали их через различные помыслы. И потому объявляли, что они надеются получить награды в будущей жизни не по заслугам трудов, а по милосердию Господа; и не присвоят себе никакого преимущества по сравнению с другими из-за такой осмотрительности сердца, потому что эту осмотрительность они приписывали не своему тщанию, а благодати Божией, не обольщаются высоким мнением о себе при виде нерадения низших и холодных людей, а больше рассматривают тех, о которых знали, что те действительно не имели греха и в Царстве Небесном уже наслаждаются вечным блаженством. И таким образом, этим рассматриванием (Троякое рассматривание приводит к смирению и предостерегает от гордости, во-первых, рассматривание благодати Божией, которая делает нас тем, что мы есть, и без которой ничего не можем сделать нужного для спасения, во-вторых, рассматривание нашей слабости, маловажности, окаянства как души, так и тела, которое таково, что мы в себе ничего не находим, кроме греховной нечистоты, *что гордится земля и пепел?* – говорит премудрый сын Сирахов (Сир. 10:9), в-третьих, рассмотрение чистоты совершенства блаженных духов, не

имеющих никакой греховной нечистоты и наслаждающихся блаженным видением. Если бы Бог оставил нас, то мы были бы хуже самых худших. Свойство смирения – видеть в себе грехи, а в других – добрые качества, а гордости свойственно видеть в себе только хорошее, а в других – только худое) одновременно избегали падения от возношения и всегда находили то, к чему стремились или о чем сетовали, понимая, что, отягощенные плотью, они сами не могут достигнуть желаемой чистоты сердца.

Глава 16. Без милосердия Божия и воодушевления мы не можем приступить к труду достижения совершенства

Итак, по преданиям и наставлениям святых отцов, мы должны так стремиться к совершенству, упражняясь в посте, бдении, молитве, сокрушении сердца и тела, чтобы гордость не сделала напрасными все усилия наши. Ибо нужно верить, что мы не только не можем достигнуть совершенства нашим старанием или трудом, но и сами труды, усилия и занятия, в которых упражняемся для него, не можем совершать без помощи Божией, без воодушевления, вразумления и увещевания благодати, которую обыкновенно Бог, милостиво посещая нас, вливает в наши сердца или через другого, или Сам.

Глава 17. Разные свидетельства, которыми доказывается, что без помощи Божией мы ничего не можем совершить для спасения

Виновник нашего спасения учит, что мы ничего не можем сделать сами. *Я ничего не могу творить Сам от Себя*, говорит Он, Отец, пребывающий во Мне, *Он творит дела* (Ин. 5:30, 14:10). Он от лица воспринятого человечества говорит, что ничего не может делать Сам от Себя. Мы ли, земля и пепел, будем думать, что не нуждаемся в помощи Божией в том, что относится к нашему спасению? Итак, чувствуя во всем свою немощь и Божию помощь, научимся и мы ежедневно взывать со святыми: *сильно толкнули меня, чтобы я упал, но Господь поддержал меня. Господь – сила моя и песнь; Он соделался моим спасением* (Пс. 117:13–14). Если бы не Господь был мне помощником, вскоре вселилась бы душа моя в страну молчания. Когда я говорил: *колеблется нога моя, милость Твоя, Господи, поддерживала меня. При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою* (Пс. 93:17–19). Также видя, что сердце наше укрепляется в страхе Божиим и терпении, будем говорить: *Господь был мне опорой. Он вывел меня на пространное место* (Пс. 17:19–20). Сознавая, что от успеха дел умножается в нас знание, будем говорить: *Ты возжигаешь светильник мой, Господи; Бог мой просвещает тьму мою. С Тобою я поражаю войско, с Богом моим восхожу на стену* (Пс. 17:29–30). Потом, чувствуя, что мы приобрели крепость терпения и на стезе добродетелей легче и без труда направляемся, должны говорить: *Бог препоясывает меня силою и устрояет мне верный путь; делает ноги мои, как олени, и на высотах моих поставляет меня; научает руки мои брани* (Пс. 17:33–35). Если мы, приобретя рассудительность и укрепляясь ею, можем победить своих противников, то должны взывать к Богу: *наказание Твое исправило меня вконец, наказание Твое то научило меня. Ты расширяешь шаг мой подо мною, и не колеблются ноги мои* (Пс. 17:37). И поскольку я так укреплен Твоим знанием и силою, то дерзновенно

прибавлю и следующее и скажу: я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их; поражаю их, и они не могут встать, падают под ноги мои (Пс. 17:38–39). Опять помня о своей немощи, что мы, облеченные слабой плотью, без помощи Божией не можем победить столь жестоких врагов – пороки, должны говорить: с Тобою избодаем рогами врагов наших; во имя Твое попрем ногами восстающих на нас: ибо не на лук мой уповаю, и не меч мой спасает меня; но Ты спасаешь нас от врагов наших, и посрамишь ненавидящих нас (Пс. 43:6–8). Ибо ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги мои восставших на меня; ты обратил ко мне тыл врагов моих, и я истребляю ненавидящих меня (Пс. 17:40–41). Понимая, что мы не можем победить своим оружием, будем говорить: возьми щит и латы и восстань на помощь мне; обнажи меч и прегради путь преследующим меня; скажи душе моей: Я спасение твое! (Пс. 34:2–3). Мышцы мои сокрушают медный лук. Ты дал мне щит спасения Твоего, и десница Твоя поддерживает меня (Пс. 17:35–36). Ибо отцы наши не мечом своим приобрели землю, и не их мышца спасла их, но Твоя десница и Твоя мышца и свет лица Твоего, ибо Ты благоволил к ним (Пс. 43:4). Наконец, все благодеяния Божии внимательным умом рассматривая (наши победы или получение от него просвещения знания, или дарование рассудительности, или Он наделил нас оружием Своим, или опоясал поясом силы, или обратил наших врагов в тыл и даровал силу рассеять их, как ныне перед лицом ветра), с искренним расположением сердца будем взывать к Нему: возлюблю Тебя, Господи, крепость моя! Господь – твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой, – скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище мое. Призову достопокланяемого Господа и от врагов моих спасусь (Пс. 17:2–4).

Глава 18. Мы укрепляемся благодатью Божией не только в естественном состоянии, но и в ежедневном строительстве нашего спасения

Мы должны благодарить Бога не только за то, что Он сотворил нас разумными, одарил властью свободной воли, даровал благодать крещения, сообщил знание закона и помощь, но и за то, что Он доставляет нам ежедневным промыслом Своим: освобождает нас от наветов врагов, содействует нам, чтобы мы могли победить плотские пороки, прикрывает нас без нашего ведома от опасностей, ограждает от грехопадения, помогает и просвещает нас, чтобы мы саму помощь могли понимать и познавать, тайно вдыхает сердечное сокрушение о нерадении и грехах наших, посещает нас спасительным вразумлением, иногда даже влечет нас к спасению, наконец, свободную волю нашу, которая более склоняется к порокам, направляет к лучшему делу и, посещая Своим наказанием, обращает на путь добродетелей.

Глава 19. Такое понимание благодати Божией передано древними отцами

Это есть собственно смирение по отношению к Богу (Смирение по отношению к Богу состоит в том, чтобы сознавать свою зависимость от Бога во всем, признавать благодеяния Божии, благодарить за них, покоряться воле Божией или, по выражению апостола Петра, смиряться под крепкую руку Божию, а ради Бога покоряться и людям, т.е. высшим, как служителям Божиим и орудиям Его. Сущность смирения состоит в том, чтобы воля наша подчинялась воле Божией. Вся тварь невольно подчинена Творцу, а от разумной твари требуется добровольное подчинение, которое может быть трояким, так что чего хочет Бог, того и мы должны желать, чего не хочет Он, то и мы должны отвергать, а когда неизвестно, хочет или не хочет Он чего, то и мы должны и не вполне желать и не совершенно отвергать), это есть искренняя вера древнейших отцов, которая у последователей их до сих пор продолжается неизменно. Об этой вере, несомненно, свидетельствуют апостольские силы (чудеса), которые часто совершались ими (святыми отцами) не только у нас, но и между неверными и маловерными. Они, содержа в простом сердце простую веру рыбаков, из очевидных знамений познали, что воспринимают веру не мирским духом посредством силлогизмов, диалектики и красноречия Туллия Цицерона, а опытом искренней жизни, чистой деятельностью и исправлением пороков, и в ней заключается сущность совершенства; а без нее невозможны ни благочестие по отношению к Богу, ни очищение пороков, ни исправление нравов, ни совершенствование добродетелей.

Глава 20. Один брат за богохульство предан нечистому духу

Я знал одного из числа братьев (о, если бы я не знал его, хотя после этого он допустил поставить себя в степень моего чина (То есть посвятить в священники. См. Кн. 11, гл. 17.), который весьма опытному старцу открылся, что он подвергается жестокому нападению от плотской страсти, так что сгорал желанием лучше согрешить против употребления природы, нежели переносить нестерпимое разжигание похоти. Тогда старец, как духовный и истинный врач, прозрев внутреннюю причину и начало этой болезни и тяжело вздохнув, сказал: Господь никак не допустил бы подвергнуться тебе такому нечистому духу, если бы ты в чем-нибудь не богохульствовал на Него (Из этого видно, что за гордость или богохульство Господь в наказание допускает виновному подвергаться искушению плотской страсти). По словам св. Григория Великого, если грех скоро не очищается слезами покаяния, то Бог в наказание оставляет его, и человек, связанный узами греха и омраченный греховной тьмою, впадает в другие грехи, начинает присоединять один грех к другому. Таким образом, последующие грехи служат наказанием за прежние грехи, коими пренебрегли и не скоро очистили слезами покаяния. После этого открытия брат тотчас упал к ногам его на землю, пораженный крайним удивлением, видя, что Бог открыл старцу тайны его сердца, сознался, что он в нечестивых мыслях имел хулу на Сына Божия. Отсюда ясно, что тот, кем обладает дух гордости или кто похулит Бога, как причиняющий обиду Тому, от Кого надо ожидать дара чистоты, лишается непорочности и не заслуживает святости целомудрия.

Глава 21. Пример иудейского царя Иоаса, который за гордость подвергся наказанию

Нечто подобное читаем в книге Паралипоменон: Иоас, царь Иудейский, первосвященником Иодаем был возведен в семь лет на царство и, по свидетельству Св. Писания, был похвален во всем, пока жил упомянутый первосвященник. А после смерти Иодая, превознесшись гордостью, он предан был бесчестному страданию: по смерти Иодая пришли князья Иудейские и поклонились царю (По мнению блаженного Иеронима поклонились как Богу, и Иоас с удовольствием позволил князьям почтить себя как Бога); тогда царь стал слушаться их. И оставили дом Господа Бога отцов своих, и стали служить деревьям посвященным и идолам, – и был гнев Господень на Иуду и Иерусалим за сию вину их. И по истечении года выступило против него войско Сирийское, и вошли в Иудею и в Иерусалим, и истребили из народа всех князей народа, и всю добычу, взятую у них, отослали к царю в Дамаск. Хотя в небольшом числе людей приходило войско Сирийское, но Господь предал в руки их весьма многочисленную силу за то, что оставили Господа Бога отцов своих. И над Иоасом совершили они (бесчестный [Блаженный Иероним думает, что сирияне осквернили его мужеложством]) суд... ушли от него, оставив его в тяжелой болезни (2Пар. 24:17, 23–25). Видишь, как гордость заслужила, чтобы он был предан безвестным и нечистым страданиям! Ибо он, вознесшись гордостью, допустил поклоняться себе, как Богу, за то предается, по апостолу, постыдным мукам и превратному смыслу (Рим. 1:26, 28), чтобы он потерпел непристойное. И поскольку, по словам Св. Писания (Притч. 16:5), нечист перед Богом всякий высокомерный, то надменный сердцем предается постыдному страданию для посрамления, чтобы так униженный по осквернению плоти или по ощущению нечистой муки почувствовал, что он нечист, чего по возношению своего сердца не хотел чувствовать; чтобы постыдное смешение плоти обнаружило скрытую нечистоту его сердца, которую произвела гордость, и чтобы явное

осквернение его тела показало, что он нечист, тогда как по надменности духа прежде не признавал, что он сделался нечистым.

Глава 22. Всякая гордая душа подвергается духовным непотребствам для посрамления

Вышесказанным ясно доказывается, что всякая душа, одержимая гордостью, предаётся умственным сириянам, т.е. духовным непотребствам, опутывается плотскими страстями, чтобы, по крайней мере, униженная плотскими пороками через плоть осознала себя нечистой и оскверненной, тогда как во время холодности духа не могла осознать, что через возношение сердца она сделалась нечистою перед взором Божиим (Богу настолько противна гордость, что за нее Он допускает впасть в гнусные плотские пороки, которые посрамляют, заставляют осознать свою нечистоту и смириться); чтобы таким образом униженный человек позаботился выйти из состояния холодности и, пристыженный бесчестьем плотских страстей, постарался возбуждать в себе горячую ревность к духовным подвигам.

Глава 23. Совершенства нельзя достигнуть иначе как смирением

Итак, очевидно, что никто не может достигнуть чистоты и конца совершенства иначе как истинным смирением, которое человек должен сначала оказывать братьям, также и Богу в сокровенности сердца, в полной уверенности, что без покровительства и помощи Его, оказываемой ежеминутно, он не может достигнуть совершенства, которого желает и к которому с усилием стремится.

Глава 24. Кого искушает духовная гордость и кого – плотская

До сих пор, насколько позволяла бедность нашего дарования, при помощи Божией довольно сказали мы о духовной гордости, которой, как сказано, искушаются все совершенные. Этот род гордости немногими познан и испытан, потому что немногие стараются приобрести совершенную чистоту сердца, чтобы достичь таких степеней борьбы, и не заботятся об очищении от упомянутых выше страстей, свойства и средства которых мы изложили в особых книгах. Эта гордость обычно искушает только тех, которые, победив предыдущие пороки, находятся уже почти на вершине добродетелей. Поскольку хитрый враг не может подвергнуть их плотскому грехопадению, то силится низложить духовным падением через которое старается лишить их всех заслуг прежних добродетелей, приобретенных с большим трудом. Впрочем, нас, еще опутываемых плотскими страстями, он вовсе и не удостаивает искушать таким образом, а искушает более грубой и, так сказать, плотской гордостью. И потому об этой гордости, которая обычно искушает нас и людей нашей меры, а особенно души начинающих, думаю, необходимо немного сказать.

Глава 25. Описание плотской гордости

Итак, эта плотская гордость, о которой мы сказали, когда при холодном, худо начатом отречении от мира поселится в душе монаха, не позволяя ему от прежней мирской надменности придти к смирению Христову, сперва делает его непокорным и упрямым, потом не позволяет быть кротким и ласковым, не допускает быть общительным и равным с братьями и не позволяет, по заповеди Бога и Спасителя нашего, оставить все имущество и остаться в нищете. И поскольку отвержение мира есть не что иное, как знак умерщвления и креста, то оно и не может начаться и созидаться на другом основании, как на признании себя духовно умершим для дел этого мира, и на уверенности, что он и телесно может умереть каждый день. Напротив, гордость заставляет его надеяться на долговечную жизнь, предполагает у него многие и продолжительные немощи, внушает также смущение и стыд, если, сделавшись нищим, станет содержаться чужим, а не своим имуществом; внушает также, что пищу и одежду гораздо лучше приобретать на свои, нежели на чужие средства, именно по тому изречению (которого, как сказано, никогда не могут понять пораженные тупостью и холодностью сердца): *блаженнее давать, нежели принимать* (Деян. 20:35).

Глава 26. Кто положил порочное основание, тот ежедневно опускается в худшее состояние

Итак, побежденные такой безнадежностью (а иные нерадивостью) духа и дьявольским неверием, погасив искру веры, которой, казалось, воспламенились в начале своего обращения, начинают усерднее сохранять деньги, которые раньше начали было расточать, и как однажды потраченные уже не могут вернуть, то с большей скупостью сберегают их; или, что еще хуже, возвращая ранее отвергнутое или даже собирая то, чем прежде не владели, что составляет третий и самый худший род непотребства, тем показывают, что они, выйдя из мира, больше ничего не приобрели, как только имя и слово монаха. Итак, на таком начале, положенном на худом и порочном основании, обязательно построится потом все здание пороков, и ничего нельзя будет положить на таком худом основании, кроме того, что подвергнет жалкую душу плачевному падению.

Глава 27. Изложение пороков, рождающихся от гордости

Точно, душа, ожесточенная такими страстями и начинающая монашескую жизнь с холодностью, обязательно с каждым днем будет все больше преуспевать в дурном и остальную жизнь свою завершит безобразным концом. И когда услаждается прежними похотями и побеждается святотатственным сребролюбием, о котором апостол говорит так: *любостяжание есть идолопоклонство* (Кол. 3:5; Еф. 5:5) и еще: *корень всех зол есть сребролюбие* (1Тим. 6:10); то никогда не сможет приобрести в сердце своем простое, истинное смирение Христово. Когда тщеславится благородством рода или достоинством мирским (которое оставил телом, а не духом), или восхищается деньгами, которые удерживает к своему падению, от этого (гордый) уже не хочет нести бремя монастырской жизни, не принимает наставлений какого-либо старца. Ибо в ком возобладает страсть гордости, тот не только не считает достойным соблюдать какое-либо правило подчинения или послушания, но и само учение о совершенстве не допускает до своих ушей, и в сердце его растет такое отвращение к духовному слову, что если бы и случилось такое собеседование, взор его не может стоять на одном месте: исступленный взгляд бежит туда и сюда, глаза обычно устремляются в другую сторону, вкось. Вместо спасительных воздыханий слюна сгущается в высохшей гортани, харкотина выходит без всякого побуждения мокроты, пальцы играют, бегают, как у пишущего что-нибудь, рисуют, и таким образом туда и сюда двигаются все члены тела, так что пока продолжается духовное собеседование, ему думается, что он сидит на ползающих червях или острых спицах, и, что в простом собеседовании ни высказалось бы в назидание слушающим, гордый думает, что это сказано в поношение ему. И все время, пока происходит рассуждение о духовной жизни, он, занятый своими подозрениями, перенимает не то, что надо бы принять к своему преуспеванию, но озабоченным умом изыскивает

причины, почему то или другое сказано, или с тайным смущением сердца придумывает, что можно бы возразить им, так что от спасительного исследования не получает ничего. Таким образом, духовное собеседование не только ни в чем не приносит ему пользы, но скорее вредит ему и становится для него причиной большего греха. Ибо когда он по своей совести подозревает, что все сказано против него, то с большим упорством сердца ожесточается и уязвляется острыми стрелами гнева. После этого бывает у него возвышенный голос, суровая речь, резкий, строптивый ответ, походка гордая и подвижная, язык легкий, речь дерзкая, не любящая молчания. Разве что возымеет в сердце своем отвращение к какому-нибудь брату, и тогда молчание его бывает знаком не сокрушения, не смирения, а гордости негодования, так что нелегко различить, что в нем более отвратительно – рассеянная ли и дерзкая радость или угрюмая язвительная молчаливость. Ибо в той радости бывает речь несвоевременная, смех легкомысленный, глупый, необузданное и невежественное возношение сердца; а в этой (молчаливости) – молчание язвительное и полное гнева, и оно бывает только для того, чтобы отвращение к брату, сохраняемое молчаливостью, могло дольше продолжаться, а не для того, чтобы от этого произошла добродетель смирения и терпения. И будучи захвачен надменностью, хотя сам причиняет всем скорбь, но оскорбленному брату не только не хочет поклониться, но и принесенное ему от брата извинение отвергает и презирает. И не только никаким удовлетворением брата не бывает тронут, смягчен, но еще более негодует за то, что тот опередил его в смирении. И спасительное смирение и удовлетворение, которое обычно кладет конец дьявольским искушениям, становится причиной сильнейшей злобы.

Глава 28. О гордости одного брата

Я слышал в этой только стране (что странно и стыдно рассказывать), что один из младших, когда авва стал ему выговаривать, для чего он (брат) оставляет смирение, которое после отречения от мира сохранял так недолго, и надувается дьявольской гордостью. На что тот с крайним высокомерием ответил: неужели я для того на время смирялся, чтобы всегда быть подчиненным? При этом столь дерзком, преступном ответе старец так изумился, что всякая речь его прервалась, как будто он услышал эти слова от самого Люцифера, а не от человека, так что ни одного слова против такой дерзости не мог выпустить из своих уст, кроме стога из сердца и вздыхания, только молча в себе размышлял о том, что говорится о Спасителе нашем: *Он, будучи образом Божиим, смирил Себя, быв послушным не на время (как тот говорил, будучи одержим дьявольским духом надменности), а даже до смерти (Флп. 2:6, 8).*

Глава 29. Признаки, по которым узнается, что плотская гордость есть в душе

Чтобы сказанное об этом роде гордости изложить короче, собрав, по возможности, некоторые признаки ее, – я считаю необходимым повторить то же коротко, чтобы нам в сокращении знать, по каким признакам можно угадать и различить ее, чтобы обнаженные и выведенные наружу корни этой страсти, ясно понятые и рассмотренные, удобнее можно было вырвать или избежать. Ибо тогда сможем всецело уклониться от смертоносной болезни, когда от ее губительного воспаления и вредных нападений заблаговременно предостережемся, узнавая приметы, предусмотрительной прозорливой рассудительностью предупредим ее (болезнь гордости). Ибо из действий внешнего человека, как мы сказали, познается состояние внутреннего. Итак, эта плотская гордость отличается следующими признаками: сперва бывает в разговоре ее крикливость, в молчании – досада, в веселье – громкий, разливающийся смех, в печали – неразумная скорбь, в ответе – строптивость, в речи – легкомысленность, слова вырываются без всякого участия сердца, она безрассудно не имеет терпения, чужда любви, дерзка в нанесении оскорблений, а в перенесении их малодушна, к повиновению неспособна, если только ее не опередило желание и воля, к принятию увещевания непреклонна, для отсечения своей воли слаба, для подчинения другим весьма неподатлива, всегда настаивает на своем мнении, а другому уступить никак не хочет, – и, таким образом, сделавшись неспособной принимать спасительный совет, во всем доверяет больше своему мнению, нежели суждению старцев.

Глава 30. Кто от гордости сделался холодным к благочестию, тот желает иметь преимущество перед другими

Тот, кем однажды гордость овладела, спустившись по сказанным степеням падения, уже страшится самого благочиния киновии, как будто общение с братьями отвлекает его от совершенства, как будто другие по своей вине препятствуют ему приобретать терпение и смирение. Он желает жить в уединенной келье или построить монастырь, как будто может принести пользу многим другим, и спешит собрать тех, которых должен бы учить, наставлять, и таким образом из негодного ученика делается еще худшим учителем. Ибо когда от такого возношения сердца впадает во вредную, погибельную холодность и становится ни истинным монахом, ни мирским, то от этого жалкого состояния и поведения обещает себе даже совершенство, что еще хуже.

Глава 31. Как можем победить гордость или достигнуть совершенства

Итак, если хотим здание наше достроить до верха, так чтобы оно было совершенно и угодно Богу, то поспешим положить основание его не по воле нашей страсти, а по точному евангельскому учению. Это основание не может быть иное, как страх Божий и смирение, которое происходит от кротости и простоты сердца. Смирения же нельзя приобрести без наготы (То есть без отвержение мира, всех богатств и ненужных вещей, без нестяжательности. В «Добротолюбии» сказано, что смирение рождается от веры, страха Божия, кротости и совершенного бескорыстия, посредством которых приобретается и совершенствуется любовь). Без нее невозможно приобрести ни готовности к повиновению, ни силы терпения, ни спокойствия кротости, ни совершенства любви, без которых сердце наше не может быть жилищем Св. Духа, как говорит Господь через пророка: *на ком почиет Дух Мой, как не на смиренном и тихом и благоговеющем пред Моими словами?* Или по еврейскому тексту: *на кого воззрю, как не на нищего и сокрушенного духом и трепещущего Моих слов?* (Ис. 66:2).

Глава 32. Каким образом гордость может быть подавлена истинным смирением

Поэтому подвижник Христов, который, законно подвизаясь на духовном поприще, желает получить от Господа венец, должен поспешить всеми способами подавить этого лютого зверя, как истребителя всех добродетелей, будучи уверен, что пока гордость будет пребывать в его душе, он не только не сможет освободиться от разных пороков, но если бы и имел что-либо добродетельное, и то погибнет от яда ее. Ибо никаким образом не может в душе нашей созидаться здание добродетелей, если сперва не будет положено в нашем сердце основание истинного смирения, которое, крепко утвердившись, могло бы поддерживать верх совершенства и любви. Необходимо, чтобы сначала с искренним расположением сердца мы изъявляли нашим братьям истинное смирение, заботясь, чтобы ни в чем не обидеть или не оскорбить, чего мы никак не сможем исполнить, если из любви к Христу не будет утверждено в нас истинное самоотвержение, состоящее в оставлении всего имущества и нестяжательности, если не будет воспринято иго послушания и подчинения с простым сердцем, без всякого притворства, так чтобы, кроме приказаний аввы, не жила в нас никакая своя воля. Это может исполнить только тот, кто считает себя не только мертвым для этого мира, но и неразумным, глупым, и все, что прикажут ему старцы, будет исполнять без всякого исследования, считая это священным и возвещенным от Бога.

Глава 33. Средства против гордости

Если мы будем находиться в таком настроении духа, то, без сомнения, такое состояние смирения будет истинно спокойным и непоколебимым, так что мы, считая себя ниже остальных (Мы будем считать себя ниже всех из убеждения, что в других есть много сокровенных добрых качеств, которых мы не видим; а в нас самолюбие скрывает недостатки наши, а доброе преувеличивает, ценит выше, нежели как оно кажется другим. Св. Златоуст говорит: мы должны оказывать честь не только старшим по возрасту, но и равным. Ибо не то есть смирение, что ты должен делать по необходимости; а истинное смирение то, когда мы уступаем тем, которые кажутся ниже нас, и уважаем тех, которые нам кажутся менее достойными, нежели мы. Если мы правильно будем мыслить, то никого не будем считать ниже нас, но все люди превосходят нас. Это я говорю не о нас, погруженных в грехах; но если кто сознает в себе много добрых дел, тот, если не будет думать, что он последний из всех, не получит никакой пользы от всех своих добрых дел. (Бесед. 33 на Быт.)), все, что будет причинено нам – обида ли, скорбь или вред, – терпеливо будем сносить, так как будто нам это причинили начальники наши. Это будет перенесено нами не только очень легко, но и будет считаться малым и ничтожным, если умом постоянно будем размышлять о страданиях нашего Господа и всех святых, думая, что искушающие нас обиды настолько легче, насколько дальше мы отстоим от их заслуг и поведения, также помышляя, что мы через короткое время переселимся из этого века и после скорого окончания этой жизни мы тотчас станем соучастниками их. Такое размышление истребит не только гордость, но и вообще все пороки. После этого будем твердо держаться и смирения по отношению к Богу. Это мы исполним, если будем сознавать, что мы сами по себе, без помощи благодати Божией ничего не можем сделать для совершенствования добродетелей, и поистине будем уверены, что и то самое, что мы удостоились уразуметь, есть дар Божий.